

НОВАЯ ПОЛЬША

№ 2₍₁₇₎

2001

М а р и у ш В и л ь к К А Р Е Л ь С К А Я Т Р О П А

Я н Ю з е ф Л и п с к и й П А Т Р И О Т И З М - Ч Т О Э Т О З Н А Ч И Т

Н А Ш И Л Ю Д И : Ю р е к О в с я к

МЫ НАШИХ ЕВРЕЙСКИХ БРАТЬЕВ НЕ ЗАБЫЛИ:

Краль, Куманецкая, Тушинская, Шаруга, Гловинский,

Матывецкий, Фицовский, Трацевич, Ковальчик, Вуйцишин

В.Мастеров и П.Мицнер О скандале в галерее

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589

НОВАЯ ПОЛЬША

ISSN 1508-5589

№ 2(17)
2001
ФЕВРАЛЬ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

Мариуш Вильк 3
КАРЕЛЬСКАЯ ТРОПА (I)

Виктор Кулерский 13
ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

Ян Юзеф Липский 18
ДВЕ РОДИНЫ, ДВА ПАТРИОТИЗМА

Януш Мацевский 23
ВРАГ ВРАЖДЫ

НАШИ ЛЮДИ
Малгожата Гutowская-Адамчик 37
ЮРЕК ОВСЯК — ДИРИЖЕР ОРКЕСТРА СЕРДЕЦ

ШОА ЗНАЧИТ ГИБЕЛЬ
Лешек Шаруга 41
ПЕРЕД ЛИЦОМ КАТАСТРОФЫ

Михал Гловинский 43
ВИЛЛА НА ОДОЛАНСКОЙ

Петр Матывецкий 47
МЫШЛЕНИЕ

Ежи Фицовский 50
Из книги стихов «РАЗГРЕБАНИЕ ПРАХА»

Казимеж Трацевич 54
ЙОМ-КИПУР

Агата Тушинская 57
СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Ханна Кралль 59
ТЕАТР

Янина Куманецкая 65
СМЕРТЬ ЗИГЕЛЬБОЙМА

А. Ковальчик, А. Вуйцишин 66
ОДНА ЗЕМЛЯ — ДВА ХРАМА

ОБЗОРЫ

Ежи Помяновский
ПОХМЕЛЬЕ И КЛИН

70

Марек Василевский
ПРИЗРАК СВОБОДЫ

73

Лешек Шаруга
ОБЗОР ЛИТЕРАТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

78

Янина Куманецкая
ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

82

О ЧЕМ МЫ СПОРИМ

Валерий Мастеров
СКАНДАЛ В ГАЛЕРЕЕ

85

Петр Мицнер
УРА, САБЛИ НАГОЛО!

89

Редакционный совет

Стефан Братковский
Хенрик Возняковский
Наталья Горбаневская
Ежи Клочовский
Кароль Модзелевский
Януш Тазбир
Станислав Чёсек

Ежи Помяновский

(главный редактор)

Редколлегия

Наталья Горбаневская
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Янина Куманецкая
Петр Мицнер (зам. гл. редактора)
Кристина Пашек (секретариат)
Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих (зам. гл. редактора)
Станислав Филипчак

(ответственный секретарь)

Лешек Шаруга
Дмитрий Шевионков-Кисмелов
(главный художник)

Графика и макет

Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция

Кацпер Ванчик

Адрес редакции

Al.Niepodległości, 213
02-086 Warszawa
Ал. Неподлеглости, 213
02-086 Варшава
телефоны: (0-22) 608 27 95; 608 25 65
факс: (0-22) 608 25 05; 608 27 96
e-mail: nowpol@bn.org.pl

Информация о журнале для стран
СНГ: Издательство МИК, Москва,
ул. Большая Переяславская, д.5, кв.49
Тел.: 280-83-52
e-mail: mik@mecom.ru

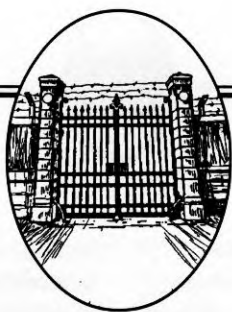
Издатель

BIBLIOTEKA NARODOWA
НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА

По поручению
Министерства Культуры
и Национального Наследия
Республики Польша

Переводчики: А.Базилевский, А.Бондарев, Н.Горбаневская, В.Градус, С.Филипчак, Ю.Чайников

Фото ©: Т.Кизну (стр. 3, 6, 9, 10); Zbiory Ośrodka «Karta» (стр. 18); Agencja «Gazeta» (стр. 37); CAF/PAP (стр. 50); P.Wierzchowski (PAP/CAF) (стр.59); M.Kubiszyn (стр.66, 68); P.Królikowski (стр.69); AMS (стр. 74); Zbiory Muzeum Narodowego w Poznaniu (стр. 76); Z.Żyburto-wicz (стр. 85).

Мариуш Вильк

КАРЕЛЬСКАЯ ТРОПА (I)

Памяти редактора Гедройца

ОТ АВТОРА

Об этом путешествии я думал давно... Пройти на яхте из Белого моря в Ладожское озеро — словно прочесть край, лежащий вдоль водной тропы, как книгу. Ее писали русские колонизаторы Севера и английские мореходы XVI века, рабы Петра I и эски Беломорстроя, а иллюстрировали северная природа — камень, вода, лес — и карельский быт.

Единственной проблемой был Беломорканал: ходили слухи о больших деньгах за каждый шлюз, которых там 19. Мы искали спонсоров, к сожалению, напрасно. Некая дама с ТВ на мое предложение снять фильм о Беломорканале сказала, что их занимает свежая кровь, а не засохшая.

Лишь гонорар за «Волчий блокнот» открыл нам шлюзы канала. Оказалось, впрочем, что слу-

хи о больших деньгах были раздуты. И формальности досадили меньше, чем я думал. Времена, когда на канал не пускали иностранцев, миновали, хотя и не сказано, что они не вернуться.

Итак, мы «сделали канал» в оба конца, заодно заглянув в Медгору, где нынче находятся дирекция канала и музей, а некогда были штаб лагеря, проектные бюро, лагерный театр и редакция газеты «Перековка».

Дальше были огромные озера Карелии — Онежское и Ладожское — и несколько монастырей, в том числе Коневецкий, Свирский и Валаам, острова Оленье, Киж и Палеостров, где сожгли себя несколько тысяч раскольников, и Петрозаводск, куда мы попали на юбилей города, и Бесов Нос, где сохранились наскальные рисунки, сделанные 6 тысяч лет назад, и остров Голец с петроглифами XX века, высеченными в эпоху Сталина зэками, добывавшими здесь гранит, и река Свирь с остатками Свирьлага, и канал Александра II вдоль Ладожского озера, и Сясьстрой, возникший в 30-е годы при строительстве первого в СССР целлюлозного комбината, а сегодня прозванный «Сексстроем» (лежа на трассе Петербург-Мурманск, он стал местом утех для дальнотойщиков), и Старая Ладога, древнейшая столица Руси, и Пигматка — гавань славной Выгореции, и «Повенец — света конец»...

Ходили мы на «Антуре», морской яхте, сшитой вручную Васей, от шверта до парусов. В ней 11 м длины, три каюты, кубрик и гальюн. Да еще мотор мощностью 20 л.с.

Ходили втроем: Вася, Юнга и я.

В походе я вел дневник — записывал течение дороги и встречи с людьми, блюда, запахи и названия растений, краски облаков, направления ветра и клочки историй, прочитанных зимой, — словом, перекладывал на бумагу мгновенья.

Вернувшись домой, начал приводить записки в порядок, чистить. Потом махнул рукой.

— Пусть идет, как мы шли.

*Эти бедные селенья,
Эта скудная природа...*

Тютчев

ПОНЕДЕЛЬНИК 21 ИЮНЯ

Чага — это гриб, напоминающий сгустки безрезового сока, бурым наростом запекшегося на солнце. Если снять ее аккуратно острым ножом и измельченную залить теплой водой с сахаром и дрожжами, то через десять дней получится брага из чаги — напиток янтарного цвета, хмельной и одновременно бодрящий.

Бражку принес Васильич — на прощанье. Мы пьем ее на пляже перед домом, сидя у тлеющих углей, на которых доходят тушки трески в листьях хрена. Камни вокруг костра уложены так, чтобы прилив залил огонь. Пока море еще далеко — мы близко.

Потом вода нас унесет. Наконец-то мы пойдем на юг, а не как обычно — на север. Вася смеется: в теплые края собрались, — и точно, по сравнению с Белым морем Карелия — чуть ли не Ташкент.

Рыба готова. Солнце тем временем легло на волну, и море брезжит светом. Воздух пахнет безрезовыми почками. Васильич говорит, что с Ивана Купалы до Петра и Павла режут веники для бани. Аккурат как нас не будет.

Шипят угли. Прилив. Пошли.

Навстречу нам буря. Небо над Заяцкими островами раз за разом рвет молнии. Гремит гром.

Соловки все меньше, люди на берегу — как точки сажи на стеклах бинокля. Васильич, Кирилловна, Вероника — исчезли.

Хлынул дождь. Крупные капли барабанят по палубе «Антура», словно Мэрилин Мазур в «Where the rivers meet». Мгновенье... и мы вымокли до нитки. Останавливаемся посреди Сенных луд. По словам Васи, хорошая примета — начинать дорогу с бури. Полчаса, и все кончено. Стихло так же внезапно, как и началось. Идем дальше.

Слева Заяцкие. Там живет Сергей «Бритый» — один-единственный на острове. Когда-то он дал мне почитать дневник путешествия художника Борисова на Вайгач. Борисов писал, что название самоедов происходит совсем не от «сами себя едят», как утверждали многие, только от слов «сам один», то есть живущий в уединении, отдельно от всех. «Бритый», московский программист, после

развода бросил столицу, живет на Заяцах сторожем скита и рисует беломорские льды... А я показал ему в парижских лекциях Мицкевича слова из сербской поэмы в переводе польского поэта:

*«Jeno Pan Bóg i ja samojeden»
(«Лишь Господь Бог и я сам один»).*

Прошли Большую Сеннуху (или Волчью Голову) — голую луду из серого гранита в серебряной «шапке» ягеля.

Полночь, а светло, как днем. Мягкий, молочный свет.

ВТОРНИК 22 ИЮНЯ

За Жужмеем сворачиваем на запад... Сейчас, когда я переписываю текст дневник из блокнота на экран компьютера, а за окном лютая пурга — лепит снегом и воет, — мне не надо глядеть на карту, Белое море я знаю на ощупь, как свой карман. Шесть лет на яхте поперек него и вдоль его берегов — до каждой деревушки и до каждой речки — сделали свое. Достаточно прикрыть глаза, чтобы воспроизвести любой фарватер, как с дискеты.

Сначала появляется Выгнаволоок — северный мыс Сорокской губы. Чуть справа маячат шхеры Шуйострова. Потом туман наползает с суши, и к Беломорску мы подходим под утро, в бледно-лиловой мгле. Вода с небом сливаются в цвете ранней сирени, и лишь волнорез местами чернеет, да портовые краны торчат из тумана.

Беломорск возник в 1938 г. на месте старого рыбацкого селения Сороки (якобы получившего название от 40 островов на реке Выг, впадающей здесь в Белое море) и нескольких окрестных поселков. Отсюда инок Савватий поплыл в 1429 г. с отцом Германом на безлюдные тогда Соловецкие острова и положил там начало пустынножителю, а через несколько лет вернулся, чтобы в Сороке испустить дух. Побывавший тут в 1785 г. поэт Державин писал в путевых записках, что люди здесь живут бедно, коров и овец кормят белым мхом да ухой и потому молоко отдает рыбой... Лишь XX век привнес в Сороку перемены — две лесопилки, где работали ссыльные: они-то и положили начало революции в этих местах. Стройка Беломорканала завершила летопись Сороки и начала историю Беломорска.

Мы стали близ 19-го шлюза — того, о котором Солженицын писал, цитируя «Полжизни» Витковского, будто в его бетоне оказались кости зэков, перемолотые с гравием в бетономешалках. В публикации журнала «Знамя» я не нашел у Витковского упоминаний о костях, так что не знаю: то ли это «клюква» Исаича, то ли редакция журнала их вырезала?

Нынче о костях трудно что-либо сказать, из бетона торчит лишь обнаженная арматура: прожжавевшие прутья, угольники. У берега железный понтон, в тине и водорослях. Мужики с него удят рыбу. Они нереальны, словно сгустки тумана.

Мысль о постройке канала между Белым морем и Онежским озером с давних пор занимала русские умы. Уже в 1800 г. инженер Деволант изучал этот район. А в 1824 г. купец Антонов из Кемпи представил проект канала и составил подробное описание (по-французски!) рек и озер той части Карелии, где, по его мнению, должен был пройти канал. В 1857-1858 гг. здесь работала экспедиция из Петербурга под началом инженера Лебедева, который резюмировал так:

«Соединение Онежского озера с Белым морем, требуя огромных сумм, не принесет ожидаемой пользы и не окупится, особенно при бедности и малонаселенности края, по которому канал будет проведен. Не только необходимости, но даже пользы устраивать канал нет».

Канал был построен в 1931-1933 гг. по приказу Сталина: дешево и быстро. Вместо цемента и стали — дерево, песок да камень. Вместо экскаваторов, бульдозеров, самосвалов и кранов — лопата, лом, топор и тачка. Длина канала — 227 км; на нем 19 шлюзов, 15 плотин и 49 дамб. Строительство продолжалось 20 месяцев (для сравнения: Панамский канал длиной 80 км строили 28 лет, Суэцкий длиной 160 км — 10 лет).

Общий объем земляных и скальных работ — 21 млн. кубов. Для взрывных работ в скалах было высечено 2600 км отверстий и произведено 4,5 млн. взрывов. Из взорванного камня можно бы построить семь пирамид Хеопса. Бревен на рязи использовано столько, что можно опоясать половину земного шара. При строительстве канала образованы водоемы объемом свыше 7 млрд.

кубов, а заодно затоплены 42 деревни, тысячи гектаров полей, лугов и лесов вокруг Выгозера.

Канал проектировали и строили зэки — около 280 тысяч. Погиб каждый третий... Беломорско-Балтийский ИТЛ (ББЛ) состоял из девяти «узлов» (по 10-15 тыс. з/к), отвечавших за конкретные отрезки трассы, со своими *лаггородками**, где находились управление, радиоузел, лазарет, кладбище, штаб ударничества и РУР (*рота усиленного режима*). Каждый «узел» имел отдельные *лагпункты и командировки*. ББЛ был своего рода полигоном, здесь шлифовалась новая система принудительного труда**: были внедрены «котлы», т.е. зависимость питания от выработанной нормы. Осуществлялся эксперимент *перековки* — первого в мире «опыта перевоспитания трудом».

Несколько часов сна на границе яви. Знакомый плеск моря под головой. Запах ламинарий.

Первое шлюзование. В бетонную камеру нужно войти так, чтобы не тереться бортом о бетон. Камера короткая, у нас нет тормоза, и по инерции мы можем врезаться носом в ворота шлюза. Вместо тормоза, вырубив мотор, бросаем ведро на веревке и тащим за собой, словно парашют... Вася на руле, Юнга с петлей караулит *рым* (подвижной крюк для швартовки), а я колом отпикиваю борт от бетона, балансируя как эквилибрист, чтобы мачтой не задеть стены.

Входим в канал Морской, соединяющий реку Шижню с Белым морем. Рыли его в жидкой, будто мыло, глине, которой потом пользовались лагерные прачки.

Причал Беломорского порта. Сопливый пацан просит на хлеб. На бугре бревенчатый дом меж рахитичных берез — управление порта. Рядом полтора десятка жилых бараков вдоль тенистой ал-

* Здесь и далее выделенное курсивом — по-русски в тексте. — *Ред.*

** Многие сомневаются, был ли рабский труд эффективным? Шаламов писал: «Однако перековка и все, что известно под именем Беломорканала, показали, что зэка может работать лучше и больше вольного, если установить шкалу желудка — принцип, всегда сохраняющийся в лагерях, проверенный многолетним опытом, и разработать систему зачета рабочих дней».

лен, продуктовый магазин и клуб. Вот тихий поселок, некогда штаб Шижнинского узла. Где-то тут стояла саженная звезда в честь Сталина.

— Один яхтсмен из Ирландии тоже про нее спрашивал, — Михаил Иванович, капитан порта, слабо помнит, — то ли Джимми его звали, то ли Джон? В 1989 году он шел здесь на яхте «Grey Goose». Первый иностранец без конвоя, ха-ха.

По правде, первыми иностранцами были здесь английские мореходы Томас Соутем и Джон Спарк, те самые, что явились на Соловки 29 июня 1566 года. Два дня спустя с монастырским лоцманом и грамотами от старцев они двинулись на Новгород — той же дорогой, что и мы! Сначала до Сороки, где пересели со своего судна в местные лодки, затем вверх по Выгу, с частыми высадками на речных порогах, до самого озера Воицкого, там снова перетаскивали лодки и товары, огибая водопад Падун, на Выгозеро и дальше, на Повенец, а оттуда через Онегу и Свирь до Ладоги и по Волхову в Новгород.

Практичные англичане отметили, что если бы не скалистые пороги и мели на пути между Сорокой и Повенцом, дорога из Архангельска в Новгород через Обонежье была бы самой короткой и выгодной.

Оказалось, этот ирландец показывал Михаилу Ивановичу английское издание книги «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина» (далее «Беломорканал»), со снимком звезды на 19-м шлюзе.

Тот потом спрашивал местных, куда звезда делась, но никто не знал.

— Наверно украли и сдали в металлолом, — буркнула секретарша.

Бумаги готовы. Плачу за канал: лоцман по благу (сто баксов плюс жратва) и 20 карт по 12 зеленых каждая. Рацию нам дали за литр, но с возвратом.

Река Шижня, разводной мост. Ждем нефтерудовоз — разводить мост для яхты не стоит хлопот. Нефтерудовозы — это специальные танкеры для канала, как по габаритам, так и по назначению: на север возят нефть с Каспийского моря, с севера — руду и апатиты. Сразу видно движение по каналу, а слухи о его запустении — это байки. На мосту девочки как бабочки.

Село Шижня: дома разбросаны в беспорядке, серые крыши на фоне сквозной зелени, лодки у берега, крики детворы в воде. Трудно поверить, что эки боялись Шижни как мороза. Это был самый северный узел канала, летом здесь ночи еще белее, зимой — еще темнее. Сюда ссылали *отказчиков* от работы.

Иначе я представлял себе Беломорканал... Думал, увижу искусственное русло, вырытое в болоте и скалах среди унылой карельской тайги, а здесь веселая река, поселки с детворой и радостное тьяканье псов, гоняющихся за купальщиками. (В сущности, только 47 км канал идет рукотворными руслами, остальное — это реки, на них приходится 97 км, и озера — 80 км). Шлюзы тоже другие, нежели в воспоминаниях эков. Вместо деревянных — железные ворота, камеры бетонированы, диспетчерские, светофоры.

18-й шлюз. 17-й шлюз. Один за другим, нет времени осмотреться. Буи, створы. Понемногу набираем сноровки.

16-й шлюз. Стоп, красный свет! Напротив шлюзуется нефтерудовоз. Торчит из камеры, словно Гулливер из клетки лилипутов. Встаем сбоку на перекур. Лоцман Саня угощает «Беломором». Закуриваем и кайф ловим, как от анаши: шум в голове, глаза на лоб лезут, и мир манит таинственно.

Да-а-а, загадочна душа русского человека, и все сравнения псу под хвост, хоть бы и сравнение нацистских и советских лагерей... Попробуем себе представить сигареты «Освенцим» или «Бжезинка».

— Красивый наш канал, что ни говори, — вздыхает Саня, — а что рабским трудом построен,

так пирамиды в Египте тоже рабы ставили, но туристам это вовсе не мешает.

Саня на Канале всю жизнь проработал, его отца сюда сослали в 44-м...

— Эх, поводить бы здесь экскурсии для иностранцев!

За 16-м шлюзом начинается Нижний Выг. Его пороги нынче не страшны, воду плотинами подняли, и на Выге получился выпуклый мениск. Внизу, по правой стороне Выгостров, там следы Беса на скале (наскальные рисунки старше 6 тысяч лет) и сам Бес с большущим членом на взводе. Некогда на Выгострове жили старообрядцы. Умерших хоронили в песке на холме. Песок привозили издали, за много верст. Потом песок этот пригодился на строительстве Выгостровской плотины канала.

Река как зеркало, осины глядятся в фарватер — озаренные, кое-где лодка с рыбаком, склонившимся над удочкой, пар меандром, дух тростника. Тут и там торчат из воды затопленные стволы. Рыбы плещутся туда-сюда.

На 15-м шлюзе сирень и смородина, на окнах диспетчерской занавески, среди сосен гамак. Рядом дом под зеленой крышей, живая изгородь, кованная калитка. Как у плотины на Одре во Вроцлаве, что порой мне снится.

Между 15-м и 14-м шлюзами — канал в скале шириной 40 метров, в нем уровень воды выше, чем топь вокруг. Идем, словно по стеклянному столу. Вдали гидроэлектростанция в Сосновце, одна из пяти на каскадах Выга.

На 14-м шлюзе шиповник и диспетчерши — девки хоть куда. Продают нам свежих лещей. Смехуечки.

Дальше Выг лениво переливается с боку на бок. На высоте поселка Летний из воды торчит каменная башня. В густо-кровавом мерцании северного солнца она напоминает кулак, грозящий небу. Берега скалисты.

СРЕДА 23 ИЮНЯ

В белые ночи по каналу можно идти и ночью. Позже, когда ночи становятся темными, а буи стоят неосвещенные, потому что мужики оснастку воруют, движение по каналу в темноте запрещено.

Подходим к 13-му шлюзу. В весеннюю распутицу 1933 г. тут едва не прорвало дамбу. 15 мая в пять вечера на дамбу бросили *трудколлектив*

«Победитель». Эки работали пятерками, нагружая вагонетку за 4 минуты (15 вагонеток в час). Вкалывали 37 часов без перерыва, в грязи и воде по грудь. 17 мая в шесть утра закончили работу. Прорыв завалили 1270 кубами грунта, вышло по 425% нормы на каждого члена коллектива.

Лагерь на канале напоминал армию (мечта Троцкого, а еще раньше — Аракчеева) — от главного штаба через «узлы», отделения, лагпункты до фаланг и бригад. Однако если бригады, т.е. группы по 25-30 эзков для однотипной работы (например: взрывные, землеройные работы, лесоповал), и фаланги, т.е. несколько бригад на одном отрезке канала для выполнения всех работ, создавались сверху, администрацией, то трудовые коллективы возникали по собственному почину заключенных. Организовать их могли только «социально близкие». «Кулаки и контра прочь от самоуправления, — читаем мы в одном из номеров «Перековки», — они на свободе его вдосталь нажрались!»

Кроме работы, коллектив устраивал свой быт (его члены жили в отдельном бараке, и каждый вносил в общую кассу 25-50% премии) и самовоспитание: обеспечивал активное участие в занятиях политграмотой, искоренял вредные привычки (пьянство, игра в карты), внедрял уважение к лагерной собственности, в том числе к орудиям труда!

13-й шлюз. Невезенье: ворота заклинило с нами внутри. Есть время осмотреться. Эки строили камеры шлюзов из *ряжей* — деревянных срубов, заполненных землей. Профессор Маслов, их конструктор, мог гордиться: такие высокие срубы (до 15 метров) не применялись нигде в мире. И только *главы*, на которые насажаны ворота, были из бетона. Ворота открывали вручную, воротом. В 50-е годы их заменили на автоматические, в 60-е — начали бетонировать камеры. Сегодня осталось модернизировать два шлюза.

13-й — двухкамерный. Рымы ходят в железных желобах с диким грохотом, иногда их заклинивает. На стенах камер надписи, кто и когда здесь проходил, какой-то Саша из Рязани, Люба с Вовкой из Орла, Пашка любит Аню, Юра на ... всех шлет, и политические: «Сталин вернись, ждем», — а рядом: «Ельцин, мы с тобой мудаком срем». Дописываем: «Антур-1999». Ворота починили, идем дальше.

181-й канал: ювелирная работа, выложен с обеих сторон серым камнем, словно инкрустирован.

Четыре утра, пора поспать. Встаем за 12-м шлюзом, напротив Тунгуды, где была женская зона. Слева, на дамбе, между шлюзом и плотиной, гигантская надпись из бетонных плит, отлитых в буквы: «ББК — ПОКАЗ УДАРНЫХ ТЕМПОВ И ВЫСОКОГО КАЧЕСТВА РАБОТЫ». Как вчера сделана.

Слишком душно, чтобы спать. Залитый путем, пытаюсь читать: «Одеты кое-как, та в лохмотьях и лаптях, та в коробе от папирос, одна в кожаной куртке, но с голой задницей, другая в белье прямо с Парижа, третья в куцей телогрейке, воровки и блатные бабы, девки за рубль, падкие до имущества чужих карманов и портков.

— Анюта, вырви глаз, — скажешь ей.

Ты, старый каторжник, на арбузной корке из Сахалина приплыл, это тебе не квартирка с центральным отоплением, это Тунгуда, мать твою...»

Проснулся с мутной головой, липкий. Купанье не помогает, вода в Выге как подогретые щи. В девять снимаемся.

Нижний Выг делается шире, вдоль правого берега железная дорога, минуем станции: Красная Горка, Идель, Кочкома. С другой стороны лес, болота, урочища. Безлюдно.

За Кочкомой в Выг впадает речка Онда, делается узко и путано. Движение только одностороннее! Вдруг из-за поворота выныривает... 11-й шлюз, один из двух еще не обновленных, воистину внушительный. В скале, деревянный, двухкамерный, ворота над воротами (в перспективе), словно встал на дыбы. Дают зеленый свет, и мы попадаем... внутрь гравюры Пиранези: тесаные скалы, стальные скобы, скрепы и сотни сочащихся, журчащих ниток воды. Над нами кадр неба с ветками осин и лицами женщин, что-то кричащих. Нет рымов! Подходим к скале и хватаемся за скобы. Пускают воду. Такое впечатление, что мы скалолазы, лезем от скобы к скобе, то багром, то руками.

Наверху выяснилось, что женщины хотели спустить нам веревки.

Вторая камера, и тот же самый стиль подражателей автора «Cargeri», которые взялись за «сумасшедшее задание проектирования мира заново». Странное ощущение: своими руками касать-

ся камней, обтесанных эсками, держаться за скобы, вбитые здесь 66 лет назад каким-нибудь раскулаченным крестьянином с Украины или *нацменом* из Казахстана. Солнце жжет немилосердно. Скобы жгут.

За 11-м шлюзом Шаванская плотина, одна из красивейших конструкций канала. Бросаем якорь и идем ее разглядывать. Инженер Зубрик, бывший вредитель, получил за нее орден Трудового Красного Знамени. И действительно, плотина не только красива, но и уникальна. Климент Михайлович получил приказ спроектировать ее из дерева — следовательно, вынужден был изобрести такой профиль, чтобы меж водой и деревом не было воздуха, тогда дерево не гниет. Японские инженеры приезжали сюда в прошлом году и диву давались. Говорили, что Шаванская плотина еще сто лет проживет без ремонтов. Вот что может русский ум.

Канал проектировали инженеры старой школы. Среди них: Орест Валерианович Вяземский, потомок Рюриковичей, *бывший вредитель*, автор Маткоженской плотины, за которую получил орден Трудового Красного Знамени; профессор Маслов, *б. вредитель*, создатель деревянных ворот, награжденный орденом Трудового Красного Знамени; профессор Хрусталеv, *б. вредитель*, главный инженер канала, награжденный орденом Трудового Красного Знамени; Константин Вержбицкий, *б. вредитель*, заместитель главного инженера, награжденный орденом Ленина. Все они сначала не верили в возможность постройки канала техникой и средствами древнего Египта, но со временем профессиональная гордость брала верх, да и азарт дела втягивал. Несмотря на досрочное освобождение, все остались на строительстве до конца.

Купаемся. Саня снимает нас на фоне масс воды, бесшумно перекачивающихся из Воицкого озера в Выг. Только внизу грохот и брызги пены на округлых выступах гранита. Пусто... От домов с фотографии на стр. 541 «Беломорканала» ни следа. Лишь наполовину засыпанная землянка да колесо от тачки, вросшее в грязь.

Колесо от тачки! Главный механизм канала. Делали из него вагонетки и ворота, блоки и телеги, только обеда из колеса от тачки сварить не удавалось. Другим, кроме тачки, транспортом был беломорский «форд», тяжелая платформа на четырех бревнах вместо колес. Для подъема массив-

ных каменных глыб из котлована использовали деревянные лебедки (только трущиеся части были из стали) или сети, в которые глыбу заворачивали и тащили на веревках, наматывая их на коловорот. Иногда лошадьми. Подручные орудия эзков — *кувалда, зубило и кайло*.

Воицкое озеро. А на горизонте трубы Сегежского целлюлозного комбината. Подходим к Надвоицкому узлу. Слева сухое русло Падуна. Как на таблице анатомического атласа видно тело сельги — жилистые переплетения гранита, словно мощные мускулы без кожи. Сельгами здесь называют следы ледника — невысокие цепи скальных холмов, тянущиеся с северо-запада на юго-восток. Сверху они похожи на отвалы вспаханного поля с озерами и болотами в бороздах. Ритм чередования отвалов и борозд создает неповторимую каденцию ландшафта, которую кто-то сравнил с хорошей прозой, основанной на индивидуальном и неповторимом дыхании слов... Там, где река протекает по сельге, течение размывает грунт, и выдается порог. По одному из них с грохотом катился вниз Падун, пока от него не отрезали дамбой воды Выгозера. В литературе его запечатлел Михаил Пришвин.

«Смотришь на столбики пены. Они вечно отходят в тихое местечко, под навес черной каменной глыбы, танцуют там на чуть колеблющейся воде. Но каждый из этих столбиков не такой, как другой. А дальше и все различно, все не то в настоящую секунду, что в прошедшую, и ждешь неизвестной будущей секунды...» — писал он в 1905 г. в своей первой книге «В краю непуганых птиц». Книга пользовалась на канале успехом, сам Успенский, главный чекист Надвоицкого узла, ее читал. Тот самый товарищ Успенский, который отца своего застрелил, дабы одним попом в СССР было меньше, а потом прославился жестокостью на Соловках. Это по рассказам одних. А по рассказам других Успенский был незаурядным чекистом, применившим новый, нигде до тех пор не известный метод воспитания трудом. И притом — рафинированным интеллектуалом: в «Беломорканале» он появляется в Надвоицах с книгой Пришвина в руке.

А спустя год — в 1933-м! — сам Пришвин сюда приехал, может, завлеченный своей славой среди строителей канала, а может, уже с намерением написать новую книгу. Будет это «Осударева дорога», сказка о «рождении нового сознания

русского человека». Успенский там в образе товарища Сутулова, олицетворяет власть, которая из людских брызг и пены лепит заново Коллективного Человека, каким было человечество в Начале.

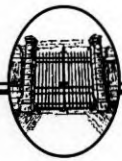
Надвоицкий узел — сердце Канала, он связывает воды Выгозера и регулирует их уровень для потребностей шлюзов и электростанций, сбрасывая избыток старым руслом Падуна. «Узел» складывается из Надвоицкой плотины, водосбросов и 10-го шлюза, вырытого в диабазе — твердой, темно-зеленой магматической скальной породе. Для плотин необходим был бетон, а для бетона — камнедробилки. На диабазе зубья камнедробилок ломались. Следовало их отливать из специальной стали: 50% чугуна, 48% железного лома и 2% ферромарганца. Откуда взять печь, которая выдержит температуру плавления такой стали? Запросто: эзки поливали вагранку холодной водой во время плавки. И диабаз смирился.

10-й шлюз на ремонте. Входное русло уже забетонировано, внутри опалубка, деревянные подпоры. Представляешь себе обшитую досками тюрьму Пиранези?

Из тени шлюза мы выглянули на залитое солнцем Выгозеро. Направо Надвоицы, бежим вдоль берега. Среди пепельно-серых домов мелькают вышки зоны. В бинокль вижу колючую проволоку. На первом плане подъемные краны, лебедки, штабеля досок, помосты для швартовки, пляж из опилок, дети. Причаливаем.

Пыль и зной. Взянем в опилках. Крапива, сараи, ржавые баржи. Две вспотевшие девки нас задирают, но нам не до девок, у нас пиво в голове. Юнга остается *пошакать* на баржах, Вася сторожит яхту, а мы с Саней — в магазин.

Захудалый поселок, две улицы крест-накрест: одна в зону, другая в порт. Ни живой души. Ну и где этот город, о котором столько написано «бригадой» Горького? Речь шла о 50 тыс. жителей, планировали театр, бассейн, стадион... Ба, при лесопильном комбинате хотели поставить водочный завод на опилках, из одной тонны, считали, выйдет 360 литров сосновой водки для советской *рабсилы* (так сокращали рабочую силу или рабскую — кому как нравится, в русском языке у *работы* и *раба* один и тот же корень). А тут наполовину вымерший поселок, опилки валяются, в магазине «контанка» из левого шитва, у прилавка урка с золотой фиксой и запах — специфический запах продуктовых магазинов русской глубинки. Берем ящик пива и две буханки теплого хлеба.

Мариуш Вильк
с женой
Вероникой

На обратном пути заглянули к Санину знакомому, бывшему начальнику порта в Надвоицах. Сразу видно — мужик старой закалки, чужаку не доверяет. Достаю аккредитацию, объясняю, что я пишу. Немного погодя разговорился, может, с пива раскрутился. Мол, еще недавно жили совсем неплохо, в порту работало 300 человек, на баржах песок с Выгозера возили, четыре района снабжали, заказов имели на полтора миллиона тонн, из этого едва половину вырабатывали, так что сами выбирали клиентов, пока не пришел Ельцин, строительство встало, и песок сегодня никому не нужен. Людей сократили до 55-ти, около сотни отправили на пенсию, остальные маются без работы. И вообще о чем говорить, когда и в зоне сейчас без работы сидят... Эх, Сталина бы! При Сталине в Надвоицах были слеты ударников, выступал

театр, давали концерты и свою газету «Перековка» читали... Жизнь тогда имела смысл: соревнование, великая стройка, масса народу. А сегодня, сам видишь, люди как мухи ползают, только и ищут, как бы выпить, никакой цели в жизни, полный ма-разм.

Вдруг, ни с того, ни с сего, запел:

*У буржуя за границей
Скрыченные пальцы.
Поперек им горла стали
Красные канальцы.
Пусть не верит за граница —
Ошибется, дура,
Тут у каждого братка
Во — мускулатура.*

— Вы там за границей читаете Солженицына и х... знаете, как тут на самом деле было. Отсюда украинский мужик слал семье часть своей лагерной пайки, а шахтер из Донбасса ценил здешние бараки, потому что дома гнил в мокрой землянке. Только мужики о канале книжек не писали, канал расписывали интеллигенты: лихачевы, лосевы, анциферовы, — а им здесь, конечно, нелегко было, привыкшим к столичным удобствам да привилегиям. Возьми сегодня Евтушенко или Вознесенского, мать их ..., пусть поживут тут с нами год-другой, интересно, что сочинят?

Выгозеро. Тишь, *безмолвие*, будто явь воды в рот набрала. Это самое большое водохранилище на свете. Уровень озера подняли на 7 м и окружили его плотинами, чтобы не разлилось в стороны. Пришлось вывезти более 700 хозяйств из 42 окрестных деревень. По бездорожью, наспех. Недоставало подвод, не хватало рук. Для старообрядцев, которые здесь жили, настал конец света. Многие, веря в мудрость природы, не послушались чекистов и остались.

Пересекаем озеро с севера на юг. С обеих сторон острова, у некоторых и сегодня остались лагерные названия — Перековка, Изолятор... Говорят, Успенский под видом лазаретов держал на них баб по 50 копеек — своего рода премия для передовиков производства.

Слева остатки Карельского острова — клочки травы, сухие кусты. Некогда тут кипела жизнь. При-

швин в стиле Маркеса из «Ста лет одиночества» описал ее конец. Когда Выгозеро начало подниматься, на Карельском острове изо всей деревни лишь старая Мироновна осталась, ожидая Последнего Огня, в котором, по преданиям старообрядцев, должен сгореть весь мир. Как принято у староверов, у Мироновны все было наготове: в парадной комнате стоял гроб, сделанный из лодки, свечи, иконы... Когда вместо огня под порог подошла вода, выпугивая по дороге полевок из нор, Мироновна легла в гроб, бормоча Иисусову молитву, словно хотела соткать себе саван из слов. Вода вступила в дом. Впереди бежали мыши — все выше и выше, по балкам, перилам, наверх, в комнату, и обсели бабу, как угрызения совести, и тогда Мироновна не выдержала, схватила весло и через окно выплыла в лодке-гробу из затопленного дома...

Прежде на Выгозере было столько островов, сколько дней в году. Позже, когда вода поднялась, большинство их затонуло. Но достаточно сойти с фарватера, чтоб найти под водой затопленный мир Выгореции — Атлантиду старого обряда. Между истлевшими домами плавают удивленные караси, дырявый карбас лежит на боку, и мы едва не задеваем восьмиконечный крест, чуть покрытый водой. Он стоит как в зазеркалье.

Поодаль торчит на полсажени из воды остров Городовой, оваянный легендой о польских «панах». Осенью 1613 г. польско-литовские отряды Тушинского вора, разбойничавшие в заонежских погостах, под командой пана Барышпольца и Сидора двинулись на Холмогоры. После шестидневной неудачной осады холмогорской крепости «литовские воры» отступили, обогнули Архангельск, по пути разорив Николо-Карельский монастырь; возвращаясь, сожгли несколько поморских сел, перешли по льду Онежский залив, безрезультатно осадили Сумский острог, снова напали на заонежские погосты, пытаясь взять Шунгский острог, но, получив отпор, были биты под Толвуйей... В марте 1614 г. русские войска окончательно разгромили отряды пана Барышпольца у реки Сермяксы, а остатки отрядов пана Сидора ушли в карельские леса. И в карельские легенды... Одна из них гласила, что «паны» жили на Городовом, откуда нападали

на ближайшие деревни, брали крестьян в рабство и грабили до тех пор, пока их старый Койко на Падун не послал — за кладом. На порогах Падуна «паны» нашли свою смерть.

Минуем очередные острова — Каль, Каинские, Кун и Пелд, он же Малый Бабий, на заднем плане видны Большой и Малый Янц, за ними отходит влево на юго-восток фарватер на Валдай и Петровский Ям (этим путем, через сельги и топи, Петр Великий тащил на спинах своих рабов корабли на войну со шведами, и по сей день между Нюхчей и Повенцом остался в тайге след царской дороги и кости рабов под дерном), а мы идем прямо, на Сиговец и Лоцманский, за которым кончается Выгозеро и начинается река Телекинка. Долгий день неторопливо угасает в красных тонах.

Фарватер Телекинки ведет старым руслом реки, кое-где эсками «выпрямленным». Берега низкие, заболоченные, поросшие мелким лесом, у берегов торчат затопленные пни, на берегах валуны что ни шаг. То с той, то с другой стороны острова: Воротной, Шовик, Кив, Муромские, Ураловские... Среди них *лимь* (плавающие торфяные острова), от нескольких десятков квадратных метров до нескольких гектаров. Одни покрыты растительностью, другие, бурые и тяжкие, к зиме оседают на дно. Эти последние бывают особенно опасны для кораблей: дрейфуя поперек фарватера на несколько дюймов под водой, простым глазом они не видны.

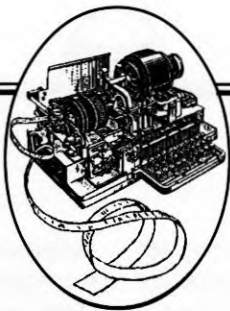
Озеро Телекино. И вновь острова, острова... Погруженные в мутно-перламутровое мерцание белой ночи, они словно из сна выплывают — один за другим. У некоторых есть названия: Прокопный, Биржевой, Дровяной, иные безымянны, неизвестно, то ли это остров, то ли *лима*. За грядой Носкова поворачиваем вправо на 9-й шлюз, который появляется из-за острова Чигаева.

На 9-м шлюзе растет *чернобыльник* (полынь), на нем сверкает ночная роса... Шлюзуемся вмиг.

Дальше маленькое озерко Торос, узкий и трудный отрезок Вологжи, справа Скальные острова, слева Маячный. Недалеко от Гривы выходим на Маткоозеро. Приближается полночь купальской ночи. Впереди водораздел.

Авторизованный перевод ВЕРОНИКИ ГРАДУС

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

☞ «Это был мрачный XX век с хэппи-эндом. Поэтому что у нас в Европе — заведомо хэппи-энд. Думаю, что и в других местах не так уж плохо», — считает проф. Ежи Хольцер, автор книги «Коммунизм в Европе. История движения и системы власти». (*«Жечпосполита»*, 2 января)

☞ Из интервью со Станиславом Лемом: «Меньше всего мне нравится то, что происходит в России. Явно ощутимо огромное желание воссоздать империю, притом любой ценой. Россия по-прежнему всаживает деньги и проектные мощности в новое вооружение, такое, например, как торпеда «Шквал», достигающая скорости свыше 300 км/ч. Это истинное огорчение для всего мира. Между тем в польской печати преобладают местные мотивы. Это все равно, как если бы мы все время ползали на четвереньках и занимались пересчетом паркетных досочек». (*«Впрост»*, 24 декабря)

☞ Из интервью с Юрием Левадой, директором ВЦИОМа: «На мой взгляд, в России не будет диктатуры. Не потому, что мы такие умные, а только из-за нашего астрономического беспорядка, который нас всегда от этого уберезет. Вы-то, поляки, должны это понимать, у вас же сложилась поговорка: «Польша безначальем стоит». Ну, и Россия держится приблизительно на том же самом». (*«Газета wyborcza»*, 30 декабря — 1 января)

☞ В каждый экземпляр 932-тысячного тиража рождественского номера «Газеты wyborczej» редакция вложила немного сена, которое традиционно кладут под скатерть в сочельник. В связи с этим депутат Томаш Карвовский потребовал объяснений от министра охраны природы: не радиоактивно ли это сено, не галлюциногенно ли? прошло ли оно проверку санитарных служб? получила ли газета разрешение на рассылку сена? и, наконец, не составляет ли потеря этого сена опасности для «уравновешенного экологического развития Польши»? (*«Газета wyborcza»*, 27 декабря)

☞ Новогодняя ночь на рубеже веков прошла в Польше довольно спокойно: убито всего три человека, совершено лишь 68 разбойных на-

падений и 579 краж со взломом. (*«Жечпосполита»*, 2 января)

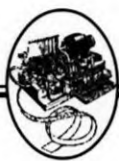
☞ Станислав Лем о Польше в Новый год: «У нас нет настоящей политической культуры: правые кормятся большевистскими лозунгами экспроприации, левые готовятся прибрать к рукам деньги и власть»; о России: «Путин шаг за шагом воссоздает прежние механизмы, зато не видно, чтобы он собирался вывести Россию на прекрасный большак демократии. (...) Одним словом, мы уже покинули порт и спокойные воды». (*«Тыгодник повсехный»*, 7 января)

☞ Спутниковые съемки Калининградской области подтвердили опасения, что там размещено тактическое ядерное оружие. По словам министра иностранных дел Владислава Бартошевского, эти сведения — не сюрприз, ибо «Польша, как член НАТО, получала и продолжает получать информацию о положении в Калининграде. Есть возможность провести инспекционный полет над этой территорией». При этом Бартошевский сослался на международные договоры о сокращении обычных вооружений и об открытых пространствах. (*«Жечпосполита»*, 5 января)

☞ По мнению Александра Пикаева из московского политологического Центра Карнеги, «шум вокруг ядерного оружия в Калининградской области совершенно необоснован. Россия никогда не утверждала, что там нет такого оружия. И никогда не должно удивлять, что оно там есть». (*«Жечпосполита»*, 6-7 января)

☞ «Нет смысла запрашивать российскую Думу, есть ли в Калининграде ядерное оружие, постановили в среду члены комиссии иностранных дел Сейма, отвергнув резолюцию с таким предложением. Зато некоторые из них предлагают обратиться к НАТО с просьбой разместить ядерное оружие в Польше». (*«Газета wyborcza»*, 11 января)

☞ «Произошло нечто невероятное. Полученное из анонимного источника сообщение «Вашингтон таймс» о предположительном размещении тактического ядерного оружия в Калининградской области привело [в Польше] к: заседанию прави-

тельства в полном составе, срочной беседе с российским послом, консультации Совета национальной безопасности (...). Из-за чего весь этот дурацкий скандал? Не имею ни малейшего понятия. Зато знаю, что политику безопасности Польши, страны с 40-миллионным населением, может формировать второразрядная американская газета...» (Павел Вронский, «Газета выборча», 8 января)

☞ **На неофициальные требования России Европейский союз ответил отказом, не соглашаясь ни на какие двусторонние переговоры и соглашения с Россией по вопросу о приеме Польши и других стран Центральной Европы в ЕС. Евросоюз также не возместит России торговых потерь, которые могут возникнуть в связи с его расширением.** («Жечпосполита», 11 января)

☞ «Россия подняла нам цену газа и навязала жуткие условия уплаты в отместку за то, что не смогла приобрести влияния в одной из газовых компаний. Из предварительных выводов правительственной комиссии следует, что Польша теряет контроль над стратегическими капиталовложениями, важнейшее из которых — строительство большого газопровода в Западную Европу. Если говорить о газе, наша зависимость от России превосходит 70%. Не нужно большой фантазии, чтобы представить себе, какими могут быть результаты. И не нужно быть паникером, чтобы рассматривать эту угрозу всерьез». («Жечпосполита», 6-7 января)

☞ **Замороженные садовые ягоды, вишня и слива — стратегическая продукция Польши. Малины мы собирает на 50% больше, чем в странах Европейского союза, смородины — в 4 раза больше, крыжовника — в 10 с лишним раз больше. Сбор вишни составляет 30,9% всего сбора ЕС, а сливы — 14%.** («Жечпосполита», 13 декабря)

☞ В течение первых десяти месяцев 2000 г. польский экспорт в США возрос по сравнению с 1999 г. на 27% и достиг суммы 844,5 млн. долл. Положительное сальдо Польши превысило 233 млн. долл. («Жечпосполита», 8 января)

☞ **Гданьская прокуратура возбудила следствие по делу о кабеле на лазерных световодах, установленном без ведома польских властей вдоль газопровода, прокладываемого из России в Западную Европу через Польшу. По словам министра юстиции Леха Качинского, «речь идет об очень серьезном вопросе, имеющем для государства**

большое значение. В нем надо разобраться, чтобы подобные ситуации не повторялись». («Газета выборча», 21 декабря)

☞ Из письма Даниэля Ольбрыхского в «Московские новости»: «Я впервые отказался от роли (...) кто-то в России хочет культивировать стереотип поляка-дежурного врага (...) и приглашает меня сыграть в сериале, из которого следует, что весь мир стоит против России, а Польша — в первую очередь. Я могу сыграть польского бродягу, рогоносца, кого хотите, но не дежурного врага». («Газета выборча», 8 января)

☞ По заявлению министров культуры РФ и Польши Михаила Швыдкого и Казимежа Уязовского, встретившихся в Москве, «культура всегда была тем фактором, благодаря которому удавалось преодолевать недоразумения между Польшей и Россией». («Жечпосполита», 19 декабря)

☞ «Вишера» Варлама Шаламова в переводе Юлиуша Бачинского признана книжным событием января 2001 года. («Жечпосполита», 3 января)

☞ «Почти полное собрание сочинений» Венедикта Ерофеева, вышедшее в краковском Литературном издательстве, вошло в список восьми бестселлеров иностранной литературы за 2000 год. («Впрост», 24 декабря)

☞ В Институте польской культуры в Москве министр культуры Казимеж Уязовский открыл выставку, посвященную 20-летию создания «Солидарности». («Жечпосполита», 20 декабря)

☞ Книга отзывов из музея Ленина в Поронине с записями многочисленных гостей выставлена на продажу в одном из букинистических магазинов в Закопане. Начальная цена — 16 тыс. злотых. («Тыгодник повшехний», 14 января)

☞ «Если бы кто-нибудь впал в 12-месячную спячку, то, проснувшись в нынешний новогодний вечер, он и не заметил бы, что в польской политике прошел целый год. Совпадают даже детали. Настолько, будто бы ничего не случилось — хотя это был год президентских выборов, ухода «Унии свободы» из правительственной коалиции, неустанных попыток реформирования [правящего] «Избирательного действия Солидарность». Результатом перемен стало... отсутствие перемен. (...) К исключениям принадлежит избрание нового председателя «Унии свободы»: Лешека Бальцеровича сменил Бронислав Геремек (...) Неожиданностью стал также результат Анджея Олеховского на президентских выборах [18% голосов, второе место].

Зато парламентские выборы в 2001 г. заведомо будут проведены. (...) Но на этот раз перемена будет реальной». (*Малгожата Суботич, «Жечпосполита», 30 декабря — 1 января*)

☛ Согласно опросу, проведенному Пенгор-институтом изучения мнения и рынка, «Союз демократических левых сил» достиг в рейтинге политических партий 48%, ИДС — 18%, Польская крестьянская партия — 11%, «Уния свободы» — 10%, «Уния труда» — 6%, остальные партии — в сумме 7%. (*«Впрост», 14 января*)

☛ 226-ю голосами против 214-ти Сейм одобрил кандидатуру Лешка Бальцеровича, предложенную президентом Александром Квасневским, на пост президента Польского национального банка. (*«Жечпосполита», 23-26 декабря*)

☛ Генеральная ассамблея ООН изменила распределение членских взносов. Теперь Польша будет платить в два раза больше, чем раньше, — 4 млн. долл.; США — на 3% меньше, свыше миллиарда долларов. (*«Тыгодник повсехний», 7 января*)

☛ 1,2 млрд. долларов вместе с процентами составляет общий долг ряда государств Польше. Большею частью это страны бывшего социалистического лагеря, но самые крупные должники — Иран (564 млн. долл.) и Сирия (242 млн.). (*«Жечпосполита», 9 января*)

☛ Почти половиной общественных денег — приблизительно 150-ю млн. зл., что немногим меньше суммы планируемого госбюджета, — управляют целевые фонды и агентства, не подлежащие никакому контролю. Если проверки и случаются, они ни к чему не приводят. Эти фонды и агентства распоряжаются государственными деньгами, оставляя прибыль себе, а убытки списывая на госбюджет. Мы создали единственную в своем роде модель института, не подчиняющегося ни законам рынка, ни контролю государства. (*«Впрост», 7 января*)

☛ «На протяжении многих лет власти обещали полякам за границей и евреям, что закон о реприватизации хотя бы символически возместит ущерб, нанесенный всем, кто утратил свое имущество после войны. Эти обещания, как оказалось, ничего не стоили: в четверг Сейм утвердил закон о реприватизации, лишаящий польских эмигрантов и евреев родом из Польши возможности ходатайствовать о возврате имущества. (...) Репутация Польши и доверие к ней опять пострадают». (*Киши-тоф Даревич, «Жечпосполита», 13-14 января*)

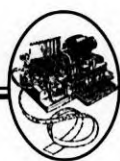
☛ По мнению социолога Павла Спевака, главная проблема Польши — посткоммунизм, «болезнь, охватившая всю государственную систему и затронувшая всю сферу общественной деятельности. Сегодня у нас почти такое же государство, с каким мы боролись до 1989 года. Поэтому дело не в том, какая партия будет править, а в том, как и на основе какого политического проекта нам удастся вернуть если не политическую свободу, о которой мы долгие годы мечтали, то хотя бы необходимый в повседневной жизни организационный порядок. Способ как будто прост: приватизировать, сокращать органы политической власти, ограничивать бюрократию. Да только мы не знаем, как это сделать. Ибо политическая власть влечет почти как секс». (*«Впрост», 24 декабря*)

☛ В Польше 116 министров и заместителей министра (во Франции — 32). В органах самоуправления, насчитывающих 404,2 тыс. чиновников, в 1999 г. было 50 тыс. директоров и заведующих. Проф. Витольд Кежун из Высшей школы предпринимательства и управления, недавно вернувшийся в Польшу, сказал: «То, что я увидел, напоминает Африку». (*«Впрост», 17 декабря*)

☛ По случаю завершения юбилейного года христианства епископ Ян Храпек сказал, что сейчас среди поляков «возникает новый тип солидарности и солидаризма. Мы осознали свою греховность, т.е. необходимость отчитаться перед совестью и внутренне измениться. Мы осознали, что мы слабы, как крысы, что мы вовсе не такие порядочные, как нам казалось. Это видно и у политиков, и у рядовых людей». (*«Жечпосполита», 6-7 января*)

☛ Уполномоченный по гражданским правам проф. Анджей Цолль предлагает легализовать публичные дома. Действующее законодательство, с одной стороны, допускает проституцию, с другой — запрещает черпать корысть из чужого разврата. Но государство и так получает доход в виде налогов от бюро знакомств, салонов массажа и клубов эротических танцев. Это, конечно, звучит лучше, чем налоги с публичных домов. (*«Газета wyborча», 10 января*)

☛ По опросу «Демоскопа», 41% поляков ограничили или собираются ограничить потребление говядины, опасаясь болезни Крейцфельдта-Якоба. Почти половина опрошенных уверены, что потребление молока также может вызвать заражение. (*«Тыгодник повсехний», 14 января*)

☞ В прошлом году статистический поляк истратил на покупку продуктов питания 31,3% своих доходов — по-прежнему почти в два раза больше, чем житель стран Европейского союза. Возросло потребление фруктов, мясных и молочных продуктов. (*«Жечпосполита», 2 января*)

☞ **Некоторые зарплаты (без вычетов) в польских фирмах с отечественным капиталом в сравнении с зарплатами в фирмах с иностранным капиталом (проценты в скобках):** директор — 11 647-21 266 зл. (+117%); заведующий бюро — 2767-3879 зл. (+36%); секретарша — 1388-2143 зл. (+40%); ассистентка директора — 1942-2448 зл. (+37%); зав. производственной группой — 2309-3732 зл. (+37%), кладовщик — 1500-2162 зл. (+12%). (*«Жечпосполита», 3 января*)

☞ Около 800 тыс. поляков вернулись в Польшу после 1990 года. (*«Газета wyborча», 12 января*)

☞ По данным ЦИОМа, большинство поляков — 60% — удовлетворены жизнью, средние удовлетворенных — 33%, а тех, кто испытывает неудовлетворенность, — 6%. Больше всего людей выражают удовлетворенность семейной жизнью (84%) и детьми (93%). (*«Газета wyborча», 3 января*)

☞ 250 польских семей (в общей сложности 1500 человек) репатрировались в Польшу из Казахстана. По приблизительным оценкам, около 20-30 тыс. поляков из 60 тыс. вывезенных в Казахстан пожелают вернуться в Польшу. (*«Газета wyborча», 3 января*)

☞ Проф. Мечислав Кабай из Института труда и социальных вопросов сообщает, что 1,1 млн. безработных — это люди, зарегистрированные как безработные больше года, а более полумиллиона остаются без работы свыше двух лет. Безработица среди молодежи составляет 33% — в 2-3 раза выше общего уровня. 2 млн. безработных, т.е. почти 80%, не имеют права на пособие. (*«Жечпосполита», 19 декабря*)

☞ Неправительственные организации оценивают число бездомных в Польше в 80-120 тысяч. В каждом большом городе есть ночлежки и бесплатные столовые, выдается теплая одежда, обувь, спальные мешки и одеяла. (*«Жечпосполита», 20 декабря*)

☞ В варшавском Центре современного искусства выставлены работы 32-х лучших польских художников. Павел Альтамет выставил «Танцующих» — видеофильм с участием 11 голых без-

домных, которые, держась за руки, радостно танцуют в хороводе. Анна Коник показала резиновые надувные руки, ноги и груди, а также документы о лечении шизофреников. (*«Газета wyborча», 19 декабря*)

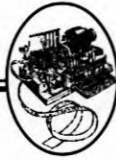
☞ Диалог поляков о поляках. Психолог Яцек Санторский: «Почти все поляки впали в депрессию, у них маниакально-депрессивный тип личности. В школах царит страх и напряженность, и если дети смеются, то не друг с другом, а друг над другом. Мы растем, заиклившись на своем «я». Нам постоянно кажется, что если смеются, то над нами». Социолог Яцек Курчевский: «В Польше хамско-барские отношения на работе только начинают изменяться. Начальник по-прежнему считает нужным изображать высокомерие по отношению к подчиненному, равно как и чиновник по отношению к клиенту. Клиент же и подчиненный не могут первыми улыбнуться, так как это подрывало бы авторитет начальника или чиновника». (*«Впрост», 24 декабря*)

☞ Исследовательская лаборатория косметической фабрики «Поллена-Эва» первой в мире включила янтарь в препараты ухода за кожей. На Всемирной выставке изобретений и новшеств «Эврика-2000» в Брюсселе эта янтарная косметика получила золотую медаль. (*«Жечпосполита», 6-7 января*)

☞ Прирост населения в Польше по сравнению с 1983 г. снизился на 45%, число браков, заключенных в последнее десятилетие, — на 25%, число разводов возросло с 27,9 тыс. в 1993 г. до 45,2 тыс. в 1998-м. (*«Тыгодник повсехный», 7 января*)

☞ В третьей ежегодной акции «Рожать по-человечески» лучше всего выглядели роддома маленьких городов. На первое место вышли роддома в Пуцке (Поморье), Сокулке (Подлесье) и Сулехове (Любушская земля). На втором месте роддома в Быдгощи, Катовице, Ольштыне и Тшебнице. Третьи премии опять получили роддома маленьких городов: Каменя-Поморского (Западное Поморье), Челяди (Домбровский угольный бассейн) и Вшесни (Великопольша). Основанием для присуждения премий были 12 тыс. анкет и писем от рожениц. «Газета wyborча» опубликовала «Путеводитель по роддомам 2000». (*«Газета wyborча», 30 декабря — 1 января*)

☞ Ночные дежурные «скорой помощи» в Бжег-Дольном не выехали по вызову полиции на место

автомобильного происшествия, поскольку были пьяны. (*«Жечпосполита»*, 11 декабря)

☛ С 15 декабря прошлого года нетрезвому водителю грозит тюремное заключение сроком до двух лет. Введен обязательный штраф в пользу учреждений или общественных организаций, уставная цель которых — помощь жертвам дорожных происшествий. Размер выплаты не может быть ниже трехкратного и выше десятикратного размера минимальной зарплаты на момент вынесения приговора судом первой инстанции. Сейчас это сумма колеблется между 2,1 и 7 тыс. зл. (*«Жечпосполита»*, 15 декабря)

☛ С 1 января повышена плата за вырубку деревьев и кустов. В зависимости от окружности ствола дерева эта плата (за один сантиметр окружности) составляет: для медленно растущих деревьев (дуб, граб, бук, липа, ель, тис и др.) от 68,1 до 1423,7 зл.; для быстро растущих деревьев (тополь, ива, клен, ольха и др.) — от 10,3 до 107,3 зл. За разрешение выкорчевать кусты с 1 кв. метра почвы плата составляет 131,3 зл. (*«Жечпосполита»*, 6 января)

☛ Несмотря на то, что высокие торфяники в Оравско-Новотаргской котловине взяты под охрану, там непрерывно продолжается добыча торфа. Почти две трети торфяников общей площадью 2330 гектаров уже разрушены. Эти торфяники — уникальное явление в европейском масштабе: возраст их — примерно 10 тыс. лет. (*«Жечпосполита»*, 5 января)

☛ Польша ратифицировала две конвенции Совета Европы: об охране национальных меньшинств и о борьбе с отмыванием грязных денег. Обе конвенции вступают в силу 1 апреля. Первая обеспечивает национальным меньшинствам равенство перед законом, создание условий для развития языка, а также гарантирует свободу вероисповедания. Вторая — предусматривает обмен информацией между государствами и в необходимых случаях отмену банковской тайны. (*«Жечпосполита»*, 21 декабря)

☛ Министерство образования полностью финансирует издание школьных учебников для национальных меньшинств, в частности учебников литовского, белорусского, украинского, словацкого и кашубского языков. (*«Газета wyborча»*, 13-14 января)

☛ Православная Церковь в Польше насчитывает 500 тыс. прихожан — больше всего в Белостокском воеводстве и в Прикарпатье. Униаты — около

150 тысяч, главным образом на юго-востоке Польши, а также на западных и северных землях [переселенцы с земель, отошедших к СССР]. (*«Жечпосполита»*, 21 декабря)

☛ 13-16 декабря в Неборуве под Варшавой были проведены «классы» по истории Восточной Европы для польской и белорусской молодежи. Спонсором были газета «Жечпосполита» и Фонд им. Стефана Батория. (*«Жечпосполита»*, 13 декабря)

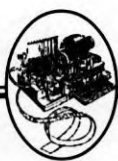
☛ 76-летний Чеслав Ч., бывший комендант лагеря для немцев, выселяемых из Польши после II Мировой войны, предстанет перед судом в Ополе по обвинению в организации убийств по крайней мере 48 заключенных в октябре 1945 года. (*«Жечпосполита»*, 10 января)

☛ Арестованный 76-летний Вацлав Л., бывший военный прокурор, обвинен в участии в двух судебных убийствах в декабре 1946 года. Два члена антикоммунистической организации были расстреляны в тот же день, когда Вацлав Л. потребовал для них смертной казни. (*«Газета wyborча»*, 12 января)

☛ Около 400 чеченцев, из которых почти половина — дети, находятся в шести центрах приема в Польше, ожидая ответа на просьбу об убежище. Один из них сказал: «Владелец гостиницы, в которой находится центр, получает деньги на обслуживание. Он может сделать с ними, что захочет: поехать на тропические острова или улучшить наше питание. Мы живем здесь между небом и землей. В России не было прав, и здесь нету. Что мы делаем? Ничего. Едим, спим, ждем беженского статуса. Человек превращается в автомат». (*«Жечпосполита»*, 23-26 декабря)

☛ Четверых чеченцев, перевозивших взрывчатку, задержали пограничники и сотрудники Центрального следственного бюро на пункте перехода польско-немецкой границы в Куновице. В том же районе в августе был задержан один чеченец, а в ноябре — еще несколько. (*«Жечпосполита»*, 11 декабря)

☛ До 52,5 тыс. возросло число людей, которым в 2000 г. было отказано в праве въехать в Польшу. В сравнении с предыдущим годом их число возросло на треть. При попытке нелегального перехода границы в 2000 г. задержаны 6150 человек, в том числе свыше 800 украинцев, 271 румын, 263 афганца, 225 граждан РФ. Возросло также число задержанных вьетнамцев. (*«Жечпосполита»*, 3 января)

☞ Освобожден подполковник Збигнев Беляч, наблюдатель ООН в Грузии, похищенный абхазскими сепаратистами. («Жечпосполита», 23-26 декабря)

☞ 13 фирм участвуют в конкурсе на поставку камер для системы наблюдения за улицами в центре Варшавы. Предполагается, что после установки камер уровень преступности в этом районе снизится на 90%, так как преступники покидают районы под наблюдением камер. Органы самоуправления окраинных районов начинают устанавливать системы наблюдения в жилых микрорайонах. («Газета wyborча», 5 января)

☞ По опросу Лаборатории общественных исследований, 94% поляков поддерживают правительственный законопроект ужесточения наказаний за особо опасные преступления против жизни и здоровья граждан. («Тыгодник повшехный», 7 января)

☞ По данным «Интерпола», Польша занимает пятое место в Европе по хищениям культурных ценностей. Ежегодно свыше 1300 собраний произведений искусства подвергаются кражам и ограблениям. Почти в 90% таких случаев преступники крадут произведения церковного искусства. Второе место среди жертв занимают частные владельцы, далее следуют галереи, антикварные магазины, библиотеки и музеи. («Жечпосполита», 5 января)

☞ Новое, исправленное и дополненное издание «Польской красной книги животных», перечня редких и гибнущих видов, сообщает что в Польше 140 видов животных вымирают, а 1300 видам (в т.ч. 105 видам позвоночных) угрожает исчезновение. По всемирной «Красной книге» 2000 года, исчезновение угрожает четверти видов млекопитающих и пятой части птиц. («Жечпосполита», 8 января)

☞ В ста церковных зданиях Мазовецкой низины размещены дуплянки для сипух, а в 20-ти — приняты меры по сохранению убежищ летучих мышей. Опекун над этим взяли на себя священники и причт. («Жечпосполита», 16-17 дек.)

☞ Волонтерство — это бесплатная, сознательная и добровольная деятельность ради ближних вне семейных, служебных и дружеских связей. Волонтерство постепенно становится опознавательным знаком демократии западного типа. В Польше имеется 13 центров волонтерства, число обученных волонтеров составляет 1875 человек. («Жечпосполита», 2 января)

☞ Поляки проводят свободное время главным образом за решением кроссвордов — 51-58% опрошенных. На втором месте они называют чтение

книг, на третьем... — готовку. («Газета wyborча», 2 января)

☞ Цивилизационная неграмотность — это, по определению, неумение пользоваться своими правами, информацией, технологией, культурными ценностями и принимать решения по правилам цивилизации. По опросам ЮНЕСКО и Организации европейского сотрудничества и развития, 80% поляков не понимают простых сообщений и понятий, 81% — неспособны составить короткое сообщение, 93% не умеют пользоваться новой банковской техникой, 95% — затрудняются пользоваться компьютером и Интернетом, 68% — не понимают распоряжений и поручений по службе. Из исследований проф. Александра Навляковского (Торунский университет им. Николая Коперника) вытекает, что почти половина учителей не понимает содержания школьных учебников. («Впрост», 17 декабря)

☞ Достаточно было десяти лет, чтобы «Opus Dei» («Дело Божие») стало одной из самых энергичных католических организаций в Польше. В центрах этой организации появляются лица с первых страниц газет. «Opus Dei» особенно интенсивно развивается в университетских центрах, располагая несколькими студенческими общежитиями в разных городах Польши. Как и иезуиты, эта организация делает упор на образовании, желая быть школой католической элиты. («Впрост», 7 января)

☞ Согласно последним данным, на экранах польского телевидения возрастает число сцен насилия. Вдобавок поляки черпают из телевидения свыше 90% знаний о мире. Перед телевизором они проводят 3,5 часа по будням и на час дольше — по выходным. Телевидение отнимает у поляков больше времени, чем разговоры с близкими, детьми, дружеские встречи. («Жечпосполита», 19 декабря)

☞ Свящ. Адам Бонецкий, главный редактор «Тыгодника повшехного», задается вопросом: «От всей прочей твари Homo sapiens отличается языком, словом (...) Переход от культуры слова к культуре изображения и его восприятия — это факт. (...) мы открыли в себе ненасытного Homo videns (...) Возможно ли исчезновение абстрактных понятий, таких, как государство, независимость, или тех, что созданы исключительно умом, как справедливость, законность, свобода, равенство, право, счастье и т.п.? Могут ли они быть изображены зрительно?» («Тыгодник повшехный», 7 января)

Ян Юзеф Липский

ДВЕ РОДИНЫ, ДВА ПАТРИОТИЗМА

Заметки о национальной мании величия и ксенофобии поляков

ЯН ЮЗЕФ ЛИПСКИЙ родился 25 мая 1926 г. в Варшаве, в семье интеллигентов. Во время гитлеровской оккупации подпольно учился; будучи членом харцерских (скаутских) «Серых шеренг», принимал участие в малых диверсионных актах. С 1943 г. был солдатом Армии Крайовой, участвовал в Варшавском восстании; тяжело раненный и контуженный, был награжден за участие в боях крестом Храбрых. В сентябре 1945 г. вернулся в Варшаву, сдал экзамены на аттестат зрелости и поступил на отделение польской филологии гуманитарного факультета Варшавского университета.

Родина существует только тогда, когда существует чужбина; нет «своих», когда нет «чужих». То, как выглядит патриотизм, больше зависит от отношения к «чужим», нежели к «своим». Всегда есть нечто парадоксальное в том, что любовь к своей стране и своему народу может быть определена лишь через отношение к другим странам и народам, но этот парадокс присущ всякой интеллектуальной и эмоциональной дифференциации.

Кто такие «свои», а кто — «чужие»? Чем отличается «моя» страна от не моей? Мой народ — от не моего?

Речь идет не о каком-то описательном содержании, вроде того, что мы говорим по-польски, а «они» — на других языках; что мы, к примеру, живем в иной культурной структуре, нежели «они», потому что мы приняли христианство в X веке с Запада, потому что с Запада к нам пришли Возрождение, Просвещение, романтизм и т.д., потому что — даже если кто-то из нас считает, что величайшим поэтом человечества остается Гёте, Данте или Шекспир, — все-таки Мицкевич и Словацкий иначе живут в нас (или мы в них), потому что, пожалуй, уже навсегда в нашу национальную память вросли годы неволи и борьбы за свободу — и т.д., и т.п.; и что даже, возможно (хоть это и спорно), нас в большинстве отличает нечто такое, что называется польским национальным характером. Дело не в описательных суждениях, а в ценностях и оценках: считаем ли мы, что мы лучше других или просто, что мы иные; думаем ли, что в этой инаковости есть какая-то особая ценность (и какая?); полагаем ли, что в силу этого нам положены какие-то особые права и привилегии — а может быть, обязанности? В зависимости от ответа на эти вопросы мы исповедуем разные виды патриотизма. В самых крайних случаях мы прямо принадлежим разным родинам, если родина — это прежде всего ценности и духовные блага, а не только факт той или иной этнической принадлежности.

Мир ценностей, с перспективы которого надо взглянуть на вопрос о родине, — это прежде всего, хотя и не исключительно, мир нравственных ценностей. Этические понятия нашего культурного круга сформированы главным образом христианством. Верующих и неверующих — всех сформировала заповедь любви к ближнему, основной нравственный знак нашей культуры. Я не хотел бы тем самым приуменьшать весомость нравственного наследия других религий и мировоззрений. Иудаизм, из которого вышло христианство, ислам, буддизм, индуизм или самая мирская среди них этическая культура конфуцианства разработали в области этики достойное уважения наследие. Мыслители нашего круга культуры, представляющие нерелигиозное, обмирщенное

течение, тоже обогатили нашу этическую мысль и наше сознание. И все-таки прежде всего нас воспитало христианство — при основных идеях этой этики мы и хотим оставаться.

Я считаю, что шовинизм, национальную манию величия, ксенофобию, т.е. ненависть ко всему чужому, национальный эгоизм невозможно примирить с христианской заповедью любви к ближнему. Патриотизм же с нею вполне примирим. Как особая любовь внутри семьи вовсе не обязательно мешает любви к ближнему, так и пристрастие к своей национальной общине должно быть подчинено той же вышестоящей нравственной норме. Патриотизм рождается из любви — и к любви он должен вести, всякая другая его форма — нравственное искривление.

«Любовь ко всему польскому» — частая формулировка национальной, «патриотической» глупости. Патриотизм — это не только уважение и любовь к традициям, но и безжалостный отбор элементов этих традиций, обязанность работать умом. Вина за ложную оценку прошлого, за укоренение нравственно лживых национальных мифов, за замалчивание темных пятен нашей истории, обслуживающее национальную манию величия, с нравственной точки зрения, конечно, меньше вины за зло, причиненное ближнему, — зато она становится источником сегодняшнего и будущего зла.

Мы не любим вспоминать, как мы огнем и мечом завоевывали ятвягов, — это портило бы нам образ польской нации, которая якобы никогда никого не завоевывала. Мы не любим включать в наши пособия по истории данные об уничтожении гарнизона Великих Лук после капитуляции — это не согласуется с рыцарственно-гуманистическим стереотипом нашей истории. Мы забываем о методах подавления украинских бунтов и восстаний; о рейде нашего национального героя Стефана Чарнецкого, вырезавшего село за селом вместе с грудными младенцами; о сумасшедшем коловращении взаимных актов мести и отместки, на протяжении нескольких веков составлявших мрачное содержание польско-украинской истории. Мы гордимся польской терпимостью — и лишь нехотя припоминаем, когда и как она кончилась. Мы гордимся трагическим участием польских солдат в испанской компании Наполеона — как будто Самосьерра, разгром испанцев, защищавших независимость своей родины, была славной страницей...

Нам нельзя так поступать! Всякое умолчание — симптом болезни, оно подливает масла в огонь национальной мании величия; каждое уклонение от признания своей вины — разрушение национального этоса.

В польской исторической литературе существуют две традиции: одна служит национальной мании величия, вторая (ей следовал Жеромский) — горькая традиция расчета с прошлым. Битва под Сарагосой у Жеромского — трагедия и одновременно национальный позор; австрийским захватчикам он воздаст должное за установление на польских землях законодательства,

Во время учебы был одним из создателей неформальной студенческой группы, оппозиционно настроенной по отношению к марксизму, и активным членом научного кружка полонистов; тогда же начал и литературно-критическую деятельность.

С 1952 г. Ян Юзеф Липский работал в польском Госиздате. В 1956-1957 гг. был членом редакции еженедельника «Попросту», а в 1956 — одним из учредителей (в 1957-1958 гг. — председателем) «Клуба кривого колеса», в начале 60-х разогнанного властями ПНР. В 1959 г. был уволен из Госиздата по политическим причинам; с 1961 г. работал в Институте литературоведения Польской АН.

В феврале 1961 г. Липский был принят в тайную масонскую ложу «Коперник», в 1962-1981 и 1986-1988 гг. был ее великим магистром, а в 1988-1990 гг. — секретарем.

В марте 1964 г. он был одним из организаторов составления «письма 34-х» — протеста против ограничения свободы творчества, идея которого принадлежала Антонию Слонимскому, — и сбора подписей под ним.

С 1965 г. руководил тайной кассой помощи лицам, арестованным по политическим причинам, и их семьям. Оказывал покровительство молодежному «Клубу искателей противоречий». Вокруг Липского собирались представители разных поколений, критически относившиеся к коммунистическому режиму.

В 1965 г. защитил диссертацию о творчестве Яна Каспровича.

В 1967 г. Ян Юзеф Липский организовал акцию протеста против исключения студентов (в частности Михника) из Варшавского университета по политическим причинам, в 1968 г. — был одним из организаторов чрезвычайного собрания Союза польских литераторов (в который вступил в 1960 г.) по поводу снятия цензурой спектакля «Дзяды» (по Мицкевичу) режиссера Казимежа Деймека в Национальном театре.

В 1975 г. Липский был одним из инициаторов «письма 59-ти» с протестом против поправок к конституции, вносивших в основной закон положения о союзе с СССР и руководящей роли ПОРП.

В сентябре 1976 г. стал членом-учредителем Комитета защиты рабочих (КОР), созданного в ответ на репрессии против радомских забастовщиков. «Мы решили, что на этот раз сделаем все, чтобы интеллигенция не спала, когда бьют рабочих», — вспоминал Ян Юзеф Липский позднее. Он принадлежал к самым активным деятелям КОРа, в частности отвечал за вопросы финансовой помощи жертвам репрессий.

Липский был одной из важнейших фигур всего этого круга, несомненным нравственным авторитетом. Арестованный вместе с другими членами и сотрудниками КОРа (май-июнь 1977 г.), он провел в тюрьме четырехдневную голодовку солидарности с участниками голодовки в церкви св. Мартина, требовавшими освобождения политзаключенных.

несущего известный общественный прогресс; польский мужик времен восстания 1863 г. показан им с натуралистической правдой, весьма далекой от «патриотических» лубков; независимой Польше, ее аппарату и властям Жеромский предъявляет жуткие обвинения-предостережения. Мы должны вернуться к Жеромскому и тому патриотизму, который выражен в его творчестве. Потребовались парадоксы ПНР 60-х гг., чтобы Анджея Вайду подвергли нападкам с «патриотических» позиций именно за то, что он нашел у Жеромского...

Следовало бы относиться с подозрением к каждой новой кампании «патриотизма», если она лишь некритически умножает излюбленные лозунги национальной мании величия. За милой полякам фразеологией и реквизитами чаще всего кроются циничные социальные технологи, которые смотрят, клонет ли рыбка — на уланский кивер, на гусарские крылья, на повстанческую маскировочную форму. «И топь — под стать болотной луже: / шагни туда — затянет глубже» (пер. И.Калугина), — пишет Милош в «Моральном трактате».

Патриотической фразеологии в официальной печати уже много лет сопутствует облава на тех, кто осмеливается портить лубки и райки для дурачков. Мне особенно запомнились нападки на «Почтовые вариации» Казимежа Брандыса, одну из самых смелых и умных книг этого писателя. Целая свора весьма «патриотических» журналистов и критиков бросилась на него с обвинениями в том, что он насмехается и издевается над нашим прошлым. Это было невероятно. Брандыс поразительным образом показал судьбу одной польской семьи, которая в каждом новом поколении вместе со всем народом идет бороться за независимость отечества — и в каждом поколении терпит поражение, сталкивающее побежденных на дно нужды, социально и психологически сбивающее с пути. Именно такова трагическая правда о судьбе если не всего народа, то по крайней мере его элиты, носительницы его самосознания. Я читал этот роман, как читаешь донесения историков о следующих друг за другом национальных поражениях; я был почти болен во время чтения, еще раз переживал трагизм нашей истории. И вдруг я узнаю, что автор «Почтовых вариаций»... насмехается и издевается. Это уж зависит от того, у кого какое чувство юмора и какие сферы оно затрагивает.

Эту и подобные ей кампании вели, как правило, те же самые журналы и по преимуществу те же перья, с которыми мы познакомились в памятном 1968 году. Советский лакей переоделся в уланский мундир...

Об этом следовало бы задуматься: какая роль отведена этим маскарадам? Кого они должны одурманить, кого поймать на «патриотическую» наживку, кого отравить ядом шовинизма? Что общего имеет это с любовью к родине? И к какой родине?

Старый лозунг «Бей жидов, спасай Россию» возродился у нас на глазах... Как при царе, как при охранке. Даже методы по существу мало изменились, хотя «патриотический» камуфляж такого размаха и стиля — нечто новое: довоенный ОНР [«Нацио-

нально-радикальный лагерь»] тоже был «патриотическим», но на этот раз перед нами государственный антисемитизм несuverенного государства. *«Спасай Россию».*

Если бы речь шла лишь об официальной печати, если бы никто не клевал на эту «патриотическую» приманку, если бы в польских традициях не было тех мотивов, которые вдруг откликаются на это, как чувствительный камертон, то не о чем было бы и писать, не с чем полемизировать. Но, к сожалению, это не так. Отзвуки национальной мании величия и ксенофобии можно найти и в неподцензурной, то есть в подлинной печати.

Здесь надо четко и ясно сказать: диалог возможен не всегда. Часто сама попытка вступить в диалог — уже позор (если не глупость). С героями антисемитских выходов в «мартовской» прессе диалога быть не может, как не может быть его и с теми, кто видит в этой грязной публицистике выражение своих убеждений. У нас с ними нет общей родины. Мы вообще не хотим иметь с ними ничего общего. Но между патриотизмом Антония Слонимского, Марии и Станислава Оссовских, Павла Ясеницы — я специально называю имена писателей и ученых, весьма отличающихся друг от друга и в то же время сходящихся в общем знаменателе гуманизма и патриотизма, имена самых близких идейных покровителей, более того, со-творцов сегодняшнего движения демократической оппозиции, — и «патриотизмом» официальных борзописцев остается огромное общественное поле, где находятся те, за кого еще только идет борьба. Какую родину они выберут? Ни под каким предлогом нельзя отказаться от людей, которых отуманивают ксенофобия и национальная мания величия, но умы и чувства которых, быть может, еще не деформированы ненавистью и гордыней окончательно и бесповоротно. Борьба за форму польского патриотизма станет решающей для судьбы нашего народа — нравственной, культурной и политической.

Ксенофобия и национальная мания величия вскармливают и поддерживают друг друга. Мы знаем, сколько выстрадала Польша от русских и немцев, но это не оправдывает переходящей всякие пределы глупости и ненависти по отношению к этим народам; глупостью и ненавистью человек сам себе вредит. Фашизированные украинцы принесли нам в 40-е годы немало зла, однако, с ними счет взаимных обид у нас уже иной, нежели с немцами. И все же в расхожем польском сознании украинцам это нисколько не помогает. Но почему поляк так часто презирает чеха («Пепичка»)? Тут видно, как переплетаются ксенофобия и идиотизм, приведшие некоторых наших соотечественников к внутреннему согласию с тем, что противоречило как нравственным принципам, так и нашим национальным интересам, — со вторжением в Чехословакию.

Вернемся к вопросу отношения подавляющего большинства поляков к немцам и русским. Следует повторить, что ненавистью

В июне 1978 г. выехал в Лондон на операцию сердца. Там ему был вручен крест Армии Крайовой.

Липский был одним из учредителей и преподавателей Товарищества научных курсов («летучего университета»), сотрудничал с неподцензурными издательствами и прессой. В 1981 г. была впервые опубликована его работа «Две родины — два патриотизма. Заметки о национальной мании величия и ксенофобии поляков», впоследствии многократно переиздававшаяся неподцензурными издательствами. Он был также автором первой монографии о КОРе, вышедшей в лондонском издательстве «Анекс».

С сентября 1980 г. Липский был активистом «Солидарности», членом ее Мазовецкого регионального правления, соавтором программы профсоюза по вопросам культуры и науки. 14 декабря 1981, после объявления военного положения, он присоединился к рабочей забастовке протеста в Урсусе под Варшавой, за что был арестован и обвинен в руководстве забастовкой. По состоянию здоровья его исключили из числа подсудимых и поместили в кардиологическую клинику под надзор КГБ. В марте 1982 г. он был уволен из Института литературоведения ПАН. В мае того же года ему позволили выехать в Великобританию на новую операцию, но в сентябре, узнав об аресте нескольких членов КОС-КОР и о том, что обвинение касается также его, Липский вернулся в Польшу, где сразу же был арестован. В декабре его выпустили из тюрьмы, а затем дело КОРа подпало под амнистию.

В 1982-1989 гг. сотрудничал с подпольными структурами мазовецкой «Солидарности».

В 1987 г. Липский был вдохновителем восстановления Польской социалистической партии (ППС), в которой стал председателем главного совета. В 1990 г. содействовал проведению объединительного съезда ППС на родине и в изгнании.

Был членом Гражданского комитета при Лехе Валенсе.

В своей общественно-политической деятельности и публицистике Липский всегда опирался на традиции и идеи некоммунистических левых, резко клеймил национализм, поэтому часто был объектом нападок крайне правых. В 1989 г. он только во втором туре выборов в Сенат получил большинство голосов, что было результатом направленных против него действий правых католических кругов.

Ян Юзеф Липский умер от сердечного приступа 10 сентября 1991 г. Перед смертью он успел подготовить книгу избранных литературно-критических статей и публицистики «Туника Несса» (издана посмертно в 1992 г.). Посмертно награжден Большим крестом ордена Возрождения Польши.

Адам Михник писал о Яне Юзефе Липском: «Он был первым человеком демократической оппозиции, когда этой оппозиции еще не существовало. Он был ее организатором, лидером, идеологом. Он всегда до конца делал выводы из своих этических и политических убеждений. За каждое произнесенное слово он платил собственной жизнью».

К.М.

и глупостью и человек, и народ сами себе вредят. Пренебрежение нравственными проблемами там, где они есть (раз так удобней), приводит к нравственному падению. К немцам у нас имеются многовековые претензии. Германские императоры вторгались в нашу страну, чтобы подчинить ее себе. Тевтонский орден крестоносцев Пресвятой Девы Марии был кошмаром для пруссов, литовцев, поморян и поляков. Пруссак вместе с Россией и говорившими на немецком же языке австрийцами разделили Первую Речь Посполитую. Национально-религиозные преследования в прусской части Польши были первым предвестием того, что произошло во время II Мировой войны. Напоминать о размахе гитлеровских преступлений на польской земле нет необходимости. И все-таки, если народ хочет оставаться в кругу христианской этики и западноевропейской цивилизации, должно прийти время, чтобы сказать: «Мы прощаем и просим простить нас». В условиях порабощения народа это сказал высший независимый нравственный авторитет, остававшийся у нас, — польская Церковь. Вопреки всем неизжитым обидам за то, что мы действительно перенесли, эти слова нам следует признать своими. Для этого хватило бы их нравственного содержания, но наряду с нравственным в них есть содержание национальное и культурное: ощущая как нация свою принадлежность к средиземноморской культуре, мы мечтаем о возвращении в нашу более просторную родину — Европу. Поэтому необходимо примириться с Германией, которая уже находится и останется в этой Европе. Рука, протянутая польскими епископами немецким, — самый смелый и прозорливый поступок в послевоенной истории Польши.

Однако обращение польского епископата к немецкому прежде всего ставит вопрос, который неизбежен, если мы хотим оставаться верными христианству, — вопрос о нашей вине перед немцами. В Польше такой постановки вопроса не признают, и понять это нетрудно: пропорции ужасающе неравны. Однако нельзя пренебречь собственной виной, даже когда она несравненно меньше чужой.

Мы приняли участие в лишении родины миллионов людей, одни из которых были заведомо виновны в том, что оказали поддержку Гитлеру, другие — в том, что пассивно способствовали его преступлениям, третьи — лишь в том, что не нашли в себе сил героически бороться со страшной машиной террора, и все это в условиях войны, которую вело их государство. Причиненное нам зло, даже величайшее, тем не менее не оправдывает и не может оправдать зла, которое причинили мы сами. Выселение людей из родных домов — это в лучшем случае «меньшее зло», но никак не благое деяние. Да, конечно, было бы несправедливо, если бы народу, на который напали два захватчика, вдобавок пришлось оплачивать всю цену этого нападения. Поиски выхода, который кажется меньшей несправедливостью, выбор «меньшего зла» — все это не может, однако, лишать нас нравственного чувства. Зло — это зло, а не добро, даже когда оно меньшее и неизбежное. Что поделать: или ты хочешь быть христианином, или нет... Если ты

христианин, то ты знаешь, что принцип коллективной ответственности не имеет ничего общего с этикой, которую мы исповедуем; что даже если мы вынуждены выбирать меньшее зло, нам не дозволено называть его добром; что, причиняя зло, мы отягощаем себя нравственной ответственностью — пусть даже тот, кто претерпел от нас зло, принес нам этого зла во сто крат больше и вдобавок почти не испытывал потребности в том, чтобы дать удовлетворение.

Принцип меньшей несправедливости, обязанность обустроить жизнь миллионов поляков, вынужденно оставляющих свою родину на восточных землях Второй Речи Посполитой, — это единственное оправдание тому, что свершилось. Таким оправданием ни в коем случае не могут служить ни исторические — как мы увидим дальше, весьма сомнительные, — ни этнические соображения, хотя, может, и следовало бы сделать исключение для Опольской земли, но и это спорно. Пройдемся по Вармии и Мазурам, чтобы своими глазами увидеть, много ли там коренного польского населения, т.е. мазуров и вармян! Тем тревожнее сигнализируют об отравлении национальной этики национализмом появляющиеся время от времени статьи, авторы которых похваляются, как еще до II Мировой войны, т.е. до нападения на Польшу, до истребления миллионов польских граждан немцами, до появления необходимости найти территории для миллионов поляков с восточных земель Польши, политические группы, с которыми эти авторы были связаны, требовали Польши до Одры и Нисы, со Щецином и Вроцлавом. В этих статьях повторяются тогдашние программы, которые были планами захвата, а значит, в соответствии с христианской этикой, противоречили принципам отношений между народами. Одобрительные упоминания об этих постыдных эпизодах идеологической истории есть проявление этического упадка и в то же время политическая глупость.

Польское мышление о наших исторических отношениях с немцами обросло массой мифов и ложных мнений, от которых его необходимо рано или поздно очистить — во имя истины и в целях самоисцеления. Ведь ложные представления о собственной истории — это болезнь национального духа и, чаще всего, наживка, вскармливающая ксенофобию и национальную манию величия.

Почти каждый поляк, даже образованный, верит сегодня, что после II Мировой войны мы вернулись на земли, отнятые у нас немцами. Это еще может относиться к Гданьску и Вармии, которые со времен Торунского мира (1466) и до разделов Польши принадлежали Первой Речи Посполитой. Впрочем, и Гданьск, и Вармия как тогда, так и до конца II Мировой войны этнически были преимущественно немецкими. Восточная Пруссия, кусочек которой нам достался, никогда не была польской: немцы отвоевали эти земли не у поляков, а у пруссов, народа, родственного литовцам. Польское меньшинство на этой территории (мазуры), в большинстве своем, кстати, не особо проникнутое национальным сознанием, — это население пришлое, переселенное в основном Альбрехтом Гогенцоллерном из Польши: он, бедняга, не

Януш Мацеевский ВРАГ ВРАЖДЫ

По специальности он был литературным критиком, издателем и научным работником — историком польской литературы. Во всем, чем занимался, успехов достиг немалых. Как критик, особенно поэзии XX века, он принадлежал к узкой ведущей группе эссеистов и списал большой авторитет среди авторов и читателей. Такие его издательские начинания, как выдержки из «Новых Афин» свящ. Бенедикта Хмелевского, стали бестселлерами, а некоторые припомненные Липским афоризмы сарматского энциклопедиста стали излюбленными поговорками современных поляков. Его труды по истории и теории литературы ценились (и продолжают высоко цениться) на научно-гуманитарной «бирже».

Все эти достижения были, разумеется, следствием не только его таланта, но и упорного труда. И все-таки Липский отдал ему лишь небольшую часть своей жизненной энергии. Основное внимание он сосредоточил на социальных вопросах, делах общественных и политических.

По мере того, как в Польше развивалась и крепла демократическая оппозиция, деятельность Липского также все более политизировалась. Однако она никогда не замыкалась исключительно на государственных проблемах. Липский не только продолжал писать о литературе, но и занимался

всевозможными делами людей, пострадавших от несправедливости или просто наживших неприязни, помогал им в вопросах порою очень личных. И его растущий среди поляков авторитет был прежде всего нравственным, а не политическим. Поэтому он начал выступать в роли посредника в конфликтах, которые неизбежно появлялись внутри демократической оппозиции.

Представление о месте Яна Юзефа Липского среди польской интеллигенции второй половины XX века было бы неполным, если не вспомнить о нем как об участнике общего дружеского быта. Этот отважный, даже героический человек, с максимальной ответственностью подходивший к обязанностям гражданина перед родиной и человечеством, был вместе с тем человеком ровным, веселым, не чуждавшимся радостей жизни. Он очень любил расслабиться, побыть среди людей, будь то в кафе (он высоко ценил их культурную роль), будь то в гостях или на других дружеских встречах. Был он, кстати, мастер вести беседу, мог развлечь остроумными рассказами (например, известная, много раз повторенная лекция об «историческом алкоголизме», забавная пародия на марксизм). В веселую, насмешливую фабулу он мог облечь даже собственный опыт жизни под слежкой, допросов, арестов.

Липского отличала сила собственных идейных убеждений и терпимость к чужим — кроме тоталитарных и националистиче-

знал, что обязан осуществлять «Дранг нах Остен» и населять Пруссию только немцами. Западное Поморье, этнически тоже не польское, хоть и славянское, несколько раз сбрасывало иго зависимости от Польши и создало свою государственную организацию, уничтоженную шведами лишь в XVII веке. Пруссия отняла эти земли, населенные не поляками, не у Польши, а у Швеции. Онемечивание Западного Поморья (Померании) произошло без насилия, естественным путем. Силезию еще в Средние века обложили данью чехи, и вместе с Чехией она вошла в состав австрийской монархии. Пруссия забрала ее опять-таки не у Польши, а у австрийцев, да и то только в XVIII веке, когда процесс онемечивания, тоже естественного, без принуждения, зашел уже довольно далеко. Опольская и Верхняя Силезия сохранили свой этнический польский характер. Организованный и в известной степени успешный натиск германизации на этих землях происходил лишь во второй половине XIX и в XX вв.

А сегодня мы не хотим вспоминать, что на этих землях несколько столетий цвела немецкая культура. Мы читаем сентиментальные очерки о силезских Пястах [первая польская королевская династия — IX-XIV вв.], об их замках и дворцах, но никто нам не говорит, что уже Генрих Пробос, символическая фигура в истории Силезии, известен в немецких учебниках литературы как миннезингер, занимавшийся стихосложением на том же самом языке, что Вальтер фон дер Фогельвельде или Герман фон Ауэ, в то время как польской любовной лирике предстояло появиться лишь два века спустя.

После столетий, когда немецкая культура развивалась рядом с польской на части наших нынешних земель, причем в Гданьске — преимущественно немецкая, а в Западном Поморье — издавна и по существу просто немецкая, в наших руках оказалось богатое достояние: архитектурные и исторические памятники и другие произведения искусства. Перед лицом человечества мы хранители этого достояния, и это обязывает нас сознавать, что храним мы достояние немецкой культуры, сознавать без обманов и умолчаний и хранить эти сокровища для будущего, в том числе и нашего.

В Польше бытует миф о «Дранг нах Остен», возникший в глупой и преступной мифологии кайзеровской Германии. Однако известно, что западная граница Первой Речи Посполитой веками была одной из самых спокойных и прочных в Европе. Захватнический характер государства крестоносцев был малым фрагментом истории средневековой Германии.

Зато у нас не любят писать и помнить о том, чем мы обязаны немцам в цивилизации и культуре. Сотни польских слов из всех областей ремесла свидетельствуют, что эти понятия пришли к нам из-за западной границы. Памятники архитектуры, скульптуры, живописи и других видов искусства и ремесел в Кракове и во многих других городах и городках Польши — дело рук немцев, поселявшихся здесь и обогащавших нашу культуру, причем не только в Средние века, но и позднее, вплоть до XIX века. Почти каждый

поляк слышал о Вите Ствоше, но не каждый знает, что родом он был немец (спасибо польской науке: труды свящ. Болеслава Пшибышевского окончательно разрешили этот вопрос); многие думают, что он поляк, и готовы вклеить пощечину всякому, кто это оспорит. Никто, кроме специалистов, не знает сотен или даже тысяч имен творцов-немцев, оставивших неизгладимый след в нашей культуре.

История должна быть дверью в будущее. Что хотим мы избрать символом будущего: битву под Грюнвальдом или под Леницей, где поляки и немцы вместе преградили путь коннице Батыя? Грюнвальдская битва, конечно, навсегда останется в национальной памяти — но почему только она одна? Что должно господствовать в нашем сознании — память о разрушении польской культуры гитлеровцами или об обогащении ее Витом Ствошем и сотнями менее знаменитых художников? Запомним ли мы из Освенцима лишь немцев-палачей, забывая при этом о немцах-узниках (пусть их и была горстка) и о тех, кто в составе команды лагеря боролся со злом? (Об этом пишет Юзеф Гарлинский в книге «Сражающийся Освенцим», изданной в Лондоне полтора десятка лет назад, а наши таможенники изымают эту книгу на границе.) Только ли гестаповцы и эсэсовцы должны оставаться в нашей памяти немцами? Разве не были героями немцы из организации «Белая роза» в Мюнхене, в самом сердце тьмы начавшие труднейшую борьбу — борьбу против «своих» в военное время?

«Белая роза» была группой истинных христиан, своим безумным поступком засвидетельствовавших, что в те годы, в отличие от множества своих соотечественников, они были христианами не только по названию — они готовы были принять мученичество, чтобы свидетельствовать об истине и добре. И хотя они не были связаны с Польшей напрямую, память о них должна быть у нас жива: во-первых, именно потому, что это были немцы — люди, принадлежавшие к тому же народу, что и убийцы миллионов людей во время II Мировой войны; во-вторых, для того, чтобы осознать нравственный императив, суть которого в следующем: если твой народ вступает на путь преступления и зла, твой нравственный долг — противостоять этому, даже если нация и государство ведут внешнюю войну. Разве герои из «Белой розы» недостойны называться немецкими патриотами? Разве они были предателями своего народа? Наоборот, они-то и спасали остатки достоинства и нравственных ценностей своего народа, они-то и создавали ценности, необходимые будущей Германии. В своих душах они несли иную родину, а не ту, в которой имели несчастье жить и умереть мученической смертью.

Страх и недоверие, с которым относится к немцам значительная часть поляков, понятны. Было бы глупо и легкомысленно полагать, что немцы, их отношение к нам и вообще их умонастроения полностью избавились от ядов национализма, накапливавшихся с эпохи Бисмарка и обоих Вильгельмов, а может быть, и раньше — с начала XIX века. Нет недостатка в фактах — кстати, раздуваемых нашей официальной пропагандой до размеров,

ских взглядов. Он был агностиком, но при этом с уважением относился к христианству, особенно к его этике. Что касается философских воззрений, то он оставался рационалистом, близким к традициям неопозитивизма и львовско-варшавской школы. Поэтому он боролся против модного во времена его молодости экзистенциализма. По политическим убеждениям Липский вначале был близок к анархосиндикализму. Позже эволюционировал к современному, западного типа социализму (демократическому и, естественно, стоящему за независимость Польши), поэтому в конце жизни он возглавил ППС.

В молодости Липский воевал с немцами. За участие в Варшавском восстании он даже получил орден «*Virtuti Militari*» («За боевые заслуги»). Позднее, почти всю оставшуюся жизнь, он активно выступал против господства советской России над Польшей. Но никогда не испытывал ненависти ни к немцам, ни к русским. Как раз наоборот, всю свою сознательную жизнь Липский посвятил делу примирения поляков с соседними народами, даже если их вожди были повинны в преступлениях против его отчизны и сограждан.

значительно превосходящих их действительную роль в жизни сегодняшней Германии, — свидетельствующих, что мы должны внимательно следить за склонностью части немцев к рецидиву. И все же мы обязаны сделать максимум возможного для того, чтобы создать с нашей стороны оптимальные предпосылки для примирения обоих народов. А чтобы это стало возможным, нам прежде всего следует изменить многое в нас самих и в нашем историческом сознании.

Отношение рядового поляка к русским выглядит иначе. В отношении к немцам накопилось много ненависти, смешанной со страхом, но немало и уважения. В отношении же к русским — тоже наряду с ненавистью (пожалуй, гораздо менее укорененной и не такой острой, как к немцам), страхом и кошмарными снами, в которых советские танки стреляют по взбунтовавшимся полякам, — преобладает презрение, высокомерие. Откуда оно взялось, неведомо, но в целом поляки уверены, что русская культура ниже польской. («Выше» и «ниже» по отношению к национальным культурам — тема скользкая и опасная. Народы во многом напоминают людей. Так же, как для человека, воспитанного на принципах христианской этики и принимающего эту этику разумно и сознательно, всякая человеческая личность обладает не меньшими ценностью и достоинством, чем какая-либо другая, хотя один умен, другой глуп, один хорош, другой плох, — так и каждый народ обладает своей ценностью и достоинством, независимо от того, одержим ли он в настоящий момент какой-либо безумной идеологией, обладает ли он богатой культурой и т.п.)

Испытывать культурное высокомерие по отношению к народу, породившему Достоевского и Толстого, не говоря уже о по меньшей мере двух десятках писателей, которые могли бы стать гордостью любой европейской литературы, по отношению к народу Андрея Рублева, Менделеева, Стравинского — это, пожалуй, огромное недоразумение. Этот народ создал былины и великую церковную живопись еще тогда, когда наша национальная литература была скудной, а живопись едва зарождалась. Ни один из польских писателей не оказал такого влияния на литературу Запада — того самого Запада, к которому мы хотим принадлежать, — как Достоевский, Толстой, Тургенев, Чехов. Ничто не свидетельствует и о том, что у польских крестьян духовная культура богаче, чем у русских. Они просто разные. Есть что-то одновременно гротескное и жалкое в маниакальном высокомерии многих поляков по отношению к русским.

Иногда это отношение обосновывают по-другому. В польской идеологии издавна, со времен романтизма, расхожими стали концепции, согласно которым русская культура двойным образом, притом негативно, обусловлена скрещением византийских и татаро-монгольских (туранских) влияний. В последнее время в бесцензурных публикациях головокружительную карьеру сделали теории Феликса Конечного. Сжато их можно изложить следующим образом: результат этого византийско-туранского скрещивания — культура, где подчинение личности иерархической власти есть нечто очевидное, коллективизм господствует над убеждением в ценности индивидуальности, а этика орды — над этикой личности.

Однако с подобными обобщениями всегда так: что-то вроде бы и верно, а что-то чересчур не сходится. Традиции московского деспотизма по-видимому генетически имеют в себе нечто от китайского образца власти, а место и роль царя и его двора в этой системе, вне всяких сомнений, сознательно ориентированы на Византию. Но в той же России существует и другая традиция, традиция духовной независимости, начинающаяся с князя Курбского, а то и раньше; традиция несогласия и поисков духовных ориентиров на Западе. Россия декабристов и Герцена, Бескишкина и других участников нашего восстания 1863 г., «Земли и воли», народников — это не византийско-туранская Россия. Недавно русские создали слово *самиздат*, которым пользуемся нынче и мы; они были первыми, они показали путь, платя за это высокую цену, а Сахаровский комитет стал для нас источником вдохновения и образом. Вдобавок у них более трудные условия, а значит, и смелости нужно больше.

Не забудем, что освобождение всей Центрально-Восточной Европы от советского тоталитаризма зависит главным образом от освободительных движений в СССР. Самый большой и играющий наиболее значительную роль в империи русский народ еще далек от того, чтобы требовать демократических прав. В роли угнетающей нации он, естественно, особенно деморализован. Здесь больше всего

расцветает новое явление — советский «патриотизм» (увы, с ним встречаешься не только у русских); здесь легче всего найти сторонников политики интервенции и усмирения, которая держит в тисках государства-сателлиты; здесь любое упоминание о том, что самоопределение народов СССР может стать фактом, вызывает, как правило, гнев. Тем более мы должны проникнуться уважением — лишенным гротескного и глупого высокомерия, — тем большее чувство братства должны испытывать к русским, борющимся за свободу. Еще несколько лет тому назад в Польше было крайне мало смельчаков, решавшихся противостоять тоталитарно-полицейской системе, — если же посчитать русских, которые отважились бросить вызов системе, и сравнить обрушившиеся на них репрессии, то можно испытывать лишь восхищение и уважение.

После десятилетий самого страшного в истории внутреннего террора, после страшного и долгого негативного отбора им труднее, чем нам, а репрессии против них сильнее и безжалостней.

Говоря о русских, мы, поляки, не желаем помнить и того, что если СССР и вправду наследник и продолжатель устремлений и стиля царизма, в силу чего русский народ играет огромную роль в советской экспансии, то одновременно советизм, стремясь разрушить национальное самосознание поляков, литовцев, латышей, украинцев, грузин, армян и других, с огромной силой разрушает и русское национальное самосознание, русские традиции и культуру. Советизм опасен и убийствен для всех, в том числе и для русских.

Особое место в нашем сознании должны занимать литовский, белорусский и украинский народы. Тут обязательно надо вспомнить проповедь свящ. Яна Зеи, произнесенную в Варшаве 17 сентября 1976 г. Я уверен, что она приобрела историческое значение, причем не только в нравственном отношении, хотя речь в ней шла о нравственных принципах. Народы эти веками были связаны с нами общей судьбой. Однако мы слабо отдаем себе отчет в том, что для них эта общая судьба оказалась не такой достославной, как для нас. Полонизация шляхетской верхушки в Литве и Западной Руси вытолкнула эти народы в ряды «неисторических наций», которые лишь во второй половине XIX в. начали создавать свою новую элиту, свою интеллигенцию. Правда, полонизация была процессом естественным, совершавшимся без применения силы, но в то же время и поражением, задержавшим создание этих наций в полном смысле слова. Такое легко не забывается. Украинцы, кроме того, хорошо помнят XVII-XVIII вв., помнят жуткое и варварское усмирение поляками казацких и украинских крестьянских восстаний, но в то же время не желают вспоминать об ужасах массовых убийств поляков и евреев в 1648 г. и об уманской резне. Поляки же — наоборот. Если Первая Речь Посполитая не оставила слишком хороших воспоминаний, то Вторая не исправила этого, и даже напротив. Польско-литовскому конфликту вокруг Вильнюса было действительно трудно найти решение. Оба народа эмоционально были связаны с этим городом, в то время как (этого мы уже почти не помним) большинство населения, по крайней мере юго-западной Виленщины, включая и Вильнюс, было этнически польским. Федеративного решения вопроса, к которому стремился Пилсудский, не допустили польские националисты. Литовцы и по сей день держат на нас острую обиду за то, что мы захватили Вильнюс, а на это накладывается память о том идиотском году, когда по улицам польских городов шли демонстрации, скандировавшие: «Вождь, vedi нас на Ковно!» — как будто в польском гербе был не белый орел, а упрямый козел. Мы, в свою очередь, по сей день питаем неприязнь к литовцам за то, что во время II Мировой войны среди них были созданы коллаборационистские соединения, особенно жестокие к полякам (а еще более жестокие к евреям). Этот заколдованный круг мы обязаны разорвать! Когда недавно в Каунасе произошли волнения на национально-религиозной почве, настроение солидарности (к сожалению, лишь настроение) было в Польше всеобщим. Может быть, это добрый знак.

С мягкими, тихими белорусами у нас не было таких острых конфликтов, как с украинцами. Однако следует напомнить, что от Второй Речи Посполитой на нас тоже остался груз вины перед ними — в виде тенденций полонизации, выражавшихся главным образом в дискриминации белорусских школ. Мы должны стремиться к тому, чтобы такого рода явления не повторились.

Хуже всего было с украинцами. Первой войной Второй Речи Посполитой была, о чем не все помнят, польско-украинская война в Восточной Галиции. За века Львов настолько сросся с историей и

культурой Польши, что в те времена трудно было себе представить отказ от этого города, где польское население явно преобладало над украинским. Дело решила сила. Печально, но в истории два народа отнюдь не редко не находят иного решения конфликтов, кроме войны. Однако самый тяжкий счет украинских обид открывается позже. Украинский сепаратизм, неустанно возбуждаемый — что скрывать — фашиствующими украинскими националистами, искавшими опоры то в Германии, то в неприязненной к нам Праге, был трудным вопросом для Второй Речи Посполитой. И все-таки воевода Юзефский на Волыни умел смягчать напряженность и ради блага Польши поддерживать украинские культурные чаяния. Пренебрежение национальными и культурными потребностями этого народа было дорогой в никуда. Усмирения — в том виде, в каком они проводились, — останутся нашим позором, независимо от того, сколь трудную ситуацию создавали украинские националисты террористическими и диверсионными актами. Для будущего обоих народов было бы лучше, если бы межвоенный период остался в памяти украинцев временем, когда в Восточной Галиции и на Волыни украинские культурные учреждения во главе с украинским университетом во Львове расцветали под покровительством Речи Посполитой. Это наследие и сегодня, а может быть, и дальше приносило бы проценты обоим народам. Но случилось иначе.

Последняя война не поровну заполнила счета грехов, предъявляемые друг другу обоими народами. На этот раз нам почти не в чем себя упрекнуть. Зато сразу после войны, когда части УПА после поражений, нанесенных им советской армией, были оттеснены на юго-восточные окраины польского протектората и разгорелись бои в Бещадах, возник замысел, как справиться с украинским партизанским движением на этих землях: выселить лемков и рассеять их по всей Польше. Это был воистину сатанинский замысел, несомненно родившийся в голове какого-нибудь «советника» из КГБ, где талантливо практиковался римский принцип «разделяй и властвуй» и учитывался опыт операций, проводившихся в собственной стране — с еще большим размахом.

Коротко о наших отношениях с чехами, хотя об этом уже упоминалось. У чехов нет оснований похвалиться исключительно чистой совестью по отношению к нам. Одностороннее вооруженное решение вопроса Заользинской Силезии в 1920 г., когда на весах лежало существование польского государства, не приносит им чести. Но участие Польши вместе с Гитлером в разделе Чехословакии было, тем не менее, позорным. А 30-ю годами позже, в 1968 г., польские войска приняли участие в оккупации Чехословакии. В прекрасной песне о Градце-Кралоуе [город в Северной Чехии, куда вступили польские части], которую пели в том году в кругах оппозиционной молодежи, это публицистически выражено в последнем куплете: «Не по твоему приказу / танки громоздятся, / только что ты, что ты сделал / для Кралоу Градца?» Польский народ не может отвечать за власть, навязанную нам извне и держащуюся главным образом на внешней силе. Но то, что в большой стране с прекрасными традициями борьбы «за нашу и вашу свободу» голос протеста подняли только Ежи Анджеевский и Зигмунт Мыцельский в своих письмах чешским и словацким братьям, а также горстка студентов в Варшаве, пытавшихся распространить листовки протеста, — этот факт не приносит чести нам, тем, кто побоялся. Хуже того, можно было встретить и таких неумных людей, которые одобряли вторжение, бессмысленно ссылаясь то на немецкую угрозу, то на враждебность чехов по отношению к нам... В результате национальной мании величия и ксенофобии как раз по отношению к тем, кого мы должны были считать вообще, а тем более в тот момент особенно близкими, к братьям из-за Судет, Ользы и Карпат, мы проявили мелочное отсутствие солидарности.

Сегодня каждый поляк должен понимать, что существуют две причины — нравственная и политическая — по которым наши традиционные фобии и мании по отношению к окружающим нас народам самоубийственны. Это попросту безнравственно, но вдобавок мы уже в большой степени отравлены советизмом, и нам грозит утрата духовной связи с нашим прошлым и культурой Запада, с этическими основами христианства. То, что раньше было пятном на нашей истории и национальном складе ума — пятном, которое можно встретить и у многих других народов, — сегодня может оказаться предвестием смерти и разложения. А политическая причина состоит в том, что нужно считаться с тезисом, согласно которому от угрозы обращения в ничто мы избавимся или все вместе, как народы самого СССР, так и

зависимые от него, или не избавится никто. Ничтожна вероятность того, что тоталитарный советизм, держащий в тисках народы в составе СССР, окажется вынужденным выпустить из когтей ту добычу, которую мы собой представляем.

Антисемитизм — это особый род ксенофобии, с настолько иной функцией и ролью в истории, что о нем необходимо сказать отдельно.

Прежде всего возникает вопрос, ксенофобия ли это. Когда в Польше жили люди, отличавшиеся всем: языком, национальным чувством, религией, традициями, обычаями, одеждой, и антисемитизм был направлен против них, — это безусловно была ксенофобия. Когда антисемитизм обращался и против людей, не отличавшихся языком и одеждой и уже отошедших от религии своих предков, — можно было все-таки считать, что это происходило по причине их действительной или мнимой солидарности с теми, т.е. это по-прежнему была ксенофобия. Однако, распространяясь на людей, колонизированных зачастую уже во многих поколениях, нередко исповедовавших, и не формально, а фактически, ту же религию, что и большинство поляков, на людей, проникнутых польской культурой до мозга костей, часто участвовавших в борьбе за независимость и свободу Польши, — антисемитизм становится чем-то больше ксенофобии, явления отрицательного и нежелательного, но не всегда связанного с социальной психопатологией.

Единственная возможность обосновать такой антисемитизм — это расизм, часто подсознательный, не исповедуемый во всеуслышание. Но уверенность в неполноценности людей ввиду их биологической, расовой определенности невозможно примирить с нашим христианским этическим наследием, с заповедью любви к ближнему и к словам апостола Павла: «Ни Еллина, ни Иудея».

На практике мы знаем еще одну попытку обоснования — религиозного, псевдохристианского. То, что иудеи отвергли Иисуса и даже взяли на себя и своих потомков кровь Его, пролитую под их нажимом, якобы должно отягощать евреев результатами, аналогичными первородному греху всего человечества, т.е. имманентным злом, которое они сами на себя приняли. Это конструкция скорее невежественная, чем богословская, и образцово антихристианская. Христианство не знает ни коллективной вины, ни наследования вины, ни коллективной ответственности за вину. Первородный грех в христианском богословии — это не наследование вины, а растление человеческой природы. Что же выходит: согласно этой концепции, евреи имеют вдвойне растленную человеческую природу? В таком случае, будучи нашими ближними, они должны стать предметом особой заботы, а не гонений; крещение же окончательно смывает это растление, что для «национал-патриотических» невежд было мыслью неприемлемой. Но II Ватиканский собор, после того как Церковь веками терпимо относилась к такому подходу и даже фактически, хотя и не прямо, одобряла его, отверг этот вариант обоснования антисемитизма. Жаль, что так поздно, и все-таки хорошо, что это произошло. Существенный составной элемент христианской этики, усвоенной как верующими, так и неверующими, — это уверенность в том, что человека можно оценивать лишь по его делам, что все люди с этой точки зрения равны (верующий прибавит: перед Богом) и что никакая оценка человеческих поступков не может отменить заповеди любви к ближнему.

Тем не менее в польском народе, который веками был христианским, антисемитизм угрожающе укоренился.

Антисемитизм или антисемитизмы? Мы хорошо знаем, как широк тут спектр проявлений: это и высокомерие, смешанное с презрением (самый гротескный род ксенофобии по отношению к народу, который открыл или изобрел единого, вездесущего, всемогущего, чисто духовного Бога; который дал человечеству столько великих ученых, артистов, писателей, сколько не дал, пожалуй, ни один другой народ в мире; который стал живым доказательством сверхчеловеческой стойкости, тысячелетиями храня в неблагоприятных условиях свою религию, культуру, национальное самосознание); это и ощущение угрозы с вытекающей из него всяческой дискриминацией; это и прямая ненависть, выливающаяся в резню. Нельзя сказать, что все это одно и то же — разница огромна, и все-таки правы те, кто указывает, как легко более мягкие и «приличные» формы антисемитизма становятся зачатком самых

опасных. И все они — пусть, правда, не в одной и той же мере — никак не согласуются с заповедью любви к ближнему.

В этом отношении история Польши на протяжении веков была одной из лучших в Европе. Отдельные расправы с евреями случались и в Речи Посполитой, однако, их размах несопоставим с жуткими средневековыми погромами в Западной Европе. Просвещенные короли и правящие верхи умели разумно управлять сосуществованием народов в Речи Посполитой. Павел Ясеница в «Польше Ягеллонов» со справедливой гордостью говорит о братьях Юзефовичах, один из которых, выкрест, стал высоким государственным деятелем Речи Посполитой Обоих Народов, а другой, оставаясь иудеем, был возведен королем Сигизмундом Старым в рыцарское достоинство. В «золотой век» все это было еще возможно: еврей, возводимый в рыцари, мужик — один из ведущих поэтов своей эпохи, мещане в рядах интеллектуальной и даже политической верхушки.

Однако, несмотря на позднейший упадок государства и народа, только вторая половина XIX века принесла зачатки «современного» антисемитизма («современного», т.е. выходящего за пределы как шляхетского ощущения недопустимости перехода сословных барьеров, так и конфессионального отращения). Это было уже в те времена, когда в боях за независимость сформировалась традиция, озаменованная именами офицера повстанческих легионов Берко Иоселевича, погибшего под Коцком в 1809 г. (меньше помнят солдат его полка, почти уничтоженного в 1794 г. при обороне Праги, варшавского предместья) и его ровесника и соотечественника из Литвы, Янкеля из «Пана Тадеуша»; традиция раввинов Мейзельса и Цилкова, введших польский язык в синагогах и солидарных с католическим духовенством в борьбе против российских захватчиков; традиция, в которой важное место занимал эпизод демонстрации на ул. Краковское Предместье в Варшаве в 1861 г., когда после залпа, от которого погиб молодой монах, несший крест во главе шествия, крест подхватил и поднял вверх, чтобы пасть от следующего залпа, молодой учащийся раввинской школы Ланди («крест поляков», читаем мы в сообщениях того времени); традиция евреев — участников восстания 1863 года. Эти традиции всегда служили тормозом (хотя и несовершенным) польскому антисемитизму — несовершенным, несмотря на то, что они укреплялись традицией пылких польских патриотов-евреев, боровшихся за польскую культуру и науку, за польское просвещение в натрое разделенной стране, а позднее и участием евреев в боевых действиях легионов Пилсудского. Болеслав Прус гениально уловил этот процесс, показывая в «Кукле», как на пороге новой эпохи, которую породила индустриализация Царства Польского, пути тех, кто был солидарен в 1863 г., расходятся из-за того, что евреев стали отталкивать от принадлежности к «польскому»: для доктора Шумана, выросшего в польскую культуру, это трагедия; для Шлангбаума, ассимилированного в меньшей степени, это начало отчуждения. Не забудем, что оба они, как и Вокульский, — повстанцы 1863 года!

Антисемитские настроения, все больше проникавшие в среду польской буржуазии и разжигавшиеся провокациями охраны как в Царстве Польском, так и в других частях Российской империи (сегодня уже довольно хорошо известно, кто организовал волну погромов после 1905 г. и откуда начали свой путь «Протоколы сионских мудрецов»), вошли в идеологию и практику польской национал-демократии, постепенно обостряясь и все более и более обезчеловечиваясь: от лозунгов экономического бойкота через отрицание гражданских прав еврейского меньшинства вплоть до кровавых погромов в местечках и в высших учебных заведениях. В печати крайне националистического ОНР появлялись даже призывы к истреблению польских евреев.

К сожалению, общественный отпор был слаб. Главная, сильнейшая в независимой Польше левая партия ППС [Польская социалистическая партия] была сильна в рабочих кругах, но слаба в вузах, откуда, главным образом, и вербовались штурмовые отряды ОНР. Лево-либеральная интеллигенция находила в себе силы солидаризироваться с жертвами штурмовиков, но в большинстве случаев это были проявления индивидуального мужества (интересно, что они случались и в среде старой национал-демократической профессуры). Власть, после смерти Пилсудского все более тяготеющая к фашистствующим правым, не пыталась чересчур энергично препятствовать скандалам, которые устраивали частично группы, стоявшие в оппозиции к правительству, частично его союзники. Церковь смотрела

на все это с равнодушием (за исключением таких исключительных случаев, как избивание в церкви священника Пудера, новообращенного), а часть католической печати даже поддерживала антисемитизм.

Но вот пришла война, а вместе с ней — чудовищное истребление евреев немецкими оккупантами. Оценка того, как поляки сдали этот экзамен, к сожалению, не может быть простой и однозначной.

На Западе, главным образом в еврейских кругах, потрясенных трагедией уничтожения миллионов, появились безответственные и не имеющие с действительностью почти ничего обвинения польского народа в соучастии в геноциде. Некоторые пытались даже распространить оскорбительное определение «народ вымогателей». Антиполонизм следует считать не менее позорным явлением, чем антисемитизм. Слова «все поляки — антисемиты» или «все поляки — пьяницы» так же бессмысленны, как и «все евреи — мошенники».

Явление «вымогательства», т.е. шантажа скрывающихся евреев и сотрудничества с гестапо в их вылавливании, в чем упрекают поляков многие евреи на Западе, было маргинальным — во всяком обществе есть свое преступное дно.

Но для евреев оно было столь опасным, что многим из них заслоняло всю Польшу. Нельзя винить людей, на которых несколько лет шла охота, в такой деформации зрения. Однако необходимо помнить, что гестапо использовало предателей не только для поимки скрывающихся евреев, но и для раскрытия целых подразделений подпольной армии и даже командиров такого уровня, как главнокомандующий АК Грот-Ровецкий. Так что речь шла не об антисемитизме, а о мерзком занятии, направленном против всех, по чьим следам шло гестапо.

В пылу полемики с оскорбительными мнениями об отношении польского общества к евреям, но и не без злого умысла пропаганда ПНР делала обобщение: так, мол, думают евреи во всем мире. Это уже была ложь антисемитского толка, рассчитанная на неинформированность людей.

Долог и, наверное, еще неполон список поляков, награжденных израильской медалью «Праведный среди народов». Это показывает, что в Израиле ценят заслуги поляков в спасении евреев во время II Мировой войны. Более того, по случаю награждения этой медалью начальника Штаба подпольной борьбы институт Яд-Вашем, присуждающий награду, в обосновании официально сослался на заслуги польского подпольного государства. Такие еврейские ученые, как Филипп Фридман, очень много сделали для того, чтобы изучить участие поляков в спасении евреев. Таким образом, антиполонизм, распространенный среди части евреев на Западе, нельзя приписывать им всем — так же, как нельзя весь польский народ упрекать в антисемитизме.

Однако, набравшись мужества, приходится с горечью признать, что истина в этом вопросе вовсе не кажется такой простой и ясной, как это нередко изображается. Поляки виновны прежде всего не в том, что они преследовали и вылавливали скрывавшихся евреев — хотя были люди, занимавшиеся и этим, — но в том, что они были равнодушны. Правда, чтобы спасти евреев, требовался настоящий героизм. Я знаю людей, схваченных с оружием в руках и все-таки переживших войну в концлагерях, но не знаю человека, прятанного евреев, который выжил бы после провала, — даже не слышал о таких случаях. Более того, солдат АК знал, что если он будет арестован, его ждут пытки, может быть, арестуют его жену, а его самого заведомо скоро расстреляют; но он мог надеяться, что его малые дети останутся в живых. Тот, кто скрывал еврея, не мог надеяться и на это. Такой цены не платили ни французы, ни голландцы, и тем не менее их успехи в спасении евреев не выглядят особо впечатляющими. При этом вина французов, участвовавших в выдаче евреев, весьма велика. Усилия польского общества по спасению евреев были немалыми и достойными уважения. Они оплачены кровью и не лишены успехов. Наряду с отдельными людьми и семьями, спасавшими своих друзей, а зачастую и случайных, чужих людей, действовали такие учреждения, как Совет помощи евреям, получавший поддержку и материальную помощь от подпольного государства. Польские власти относились к этому со всей ясностью. Однако думаю, что значительная часть общества была равнодушна к геноциду и что вину за это несет, в частности, разнузданный довоенный антисемитизм. Да что там: подпольная пресса крайне правых и во время войны оставалась антисемитской! Более того, разве не случалось нам во время оккупации слышать: «После войны Гитлеру поставят памятник»? Если бы до войны польский народ не отравляли

антисемитизмом, равнодушных было бы заведомо меньше. Может быть, не нашлось бы тех элементов, которые в местечках Мазовии отреагировали на вывоз людей из гетто грабежом и жестокостями (об этом прямо писал, протестуя и грозя репрессиями, «Информационный бюллетень», официальный орган АК).

История антисемитизма в Польше на этом не кончается. Вскоре после войны страну потрясло сообщение о келецком погроме. Многие позволяют подозревать, что это была провокация НКВД и польской госбезопасности с целью представить Западу Польшу как по сути дела фашизированную страну, где только коммунисты способны навести порядок. Но стопроцентных доказательств провокации нет, а если бы и нашлись — остается фактом, что такого рода провокации удаются лишь тогда, когда для них есть питательная почва.

Сталинские годы принесли с собой новые предлоги для антисемитизма. Произошло то, что можно было предвидеть еще до войны: как это обычно бывает с меньшинствами, не имеющими своей территории и подвергающимися всяческой дискриминации, среди еврейской молодежи и интеллигенции популярность приобрели крайне интернационалистические левые, и в аппарате новой власти, особенно в репрессивных органах (а попросту говоря, в органах госбезопасности), оказалось немало евреев или людей еврейского происхождения. Кто знает, не сопутствовала ли этому явлению достойная Макиавелли директива из Москвы: меньшинства в силу своего отчуждения хорошо годятся на такую роль (об этом свидетельствует, например, кровавая роль поляков, евреев, латышей в ЧК), а в случае чего — и на роль козла отпущения.

Служба немалого числа выживших польских евреев и поляков еврейского происхождения в госбезопасности, да и во всем аппарате коммунистической власти наложилась на воспоминания о 1939-м, когда значительная часть еврейского населения восточных окраин с демонстративной, хотя и недолго продолжавшейся радостью приветствовала крушение Польши и советскую оккупацию. Однако никак нельзя помнить лишь об этом и забывать о героической верности Польше лидеров «Бунда» Альтера и Эрлиха и об их протесте советским властям. Вскоре они заплатили за это своей жизнью, но... не вошли в пантеон польской памяти.

И все же октябрь 1956 г., несмотря на отдельные эксцессы, показал, что антисемитские мотивировки не столь сильны, чтобы спровоцировать стихийные и опасные общественные действия, хотя очаг их тлеет и по сей день. В 60-е годы, тем не менее, была предпринята организованная сверху попытка использовать этот мотив в политической борьбе. Рвавшаяся к власти группа под водительством Мечислава Мочара сначала полуоткрыто, в 1967 г. — открыто, а в 1968-м — уже под гром фанфар и барабанов бросила в массы лозунг антисемитизма (подменяя его обманчивым лозунгом борьбы с сионизмом). Впрочем, это был целый комплекс пропагандистских приемов, которые даже совестно назвать идеологией, но которые все-таки использовались в качестве идеологии: «патриотизм», бьющий в литавры национальной мании величия («мы, поляки, забияки» — как в детской считалке); курс на некритическое отношение к национальным мифам и их присвоение; взывание к заурядному ветеранскому складу ума; милитаризация воображения; восхваление репрессивных действий органов правосудия; ксенофобия, направленная, в частности, на наши связи с Западом и на чувство солидарности с чехами и словаками. Некоторые успехи это принесло, но как раз не в антисемитской кампании. Были опасения, что она вызовет в обществе более сильный положительный отклик, однако, общество реагировало сонно и сдержанно, а частично, притом в гораздо большей части, чем можно было ожидать, — неприязненно и прямо враждебно. Сам факт, что кампания была развернута сверху, обрекал ее на ничтожный успех. По сути дела оказалось, что заинтересованы в этой кампании только аппарат и партийный актив (плюс пристройки к ним типа «Пакса» с довоенными антисемитскими традициями) — по тому же принципу, по которому до войны мелкий польский буржуа ненавидел еврея-конкурента. Мелкого буржуа сменил партийный недоросль, ненавидевший конкурента на видные посты, что в 1968 г. все еще было актуально. Особенно враждебно встретила антисемитскую кампанию молодежь.

Позором в истории нашей страны останется то, что в 1968 г. тысячи евреев и поляков еврейского происхождения были принуждены уехать из Польши. Советский полицейский антисемитизм, разгулявшийся в СССР еще тогда, когда в ПНР ничто его не предвещало (повинный, в частности, в уничтожении

немалой части еврейской интеллигенции в СССР, в том числе почти всех писателей, писавших на идише), теперь был привит и у нас. Не без основания несколько месяцев спустя все ведущие «мартовские» публицисты были награждены золотыми значками Общества польско-советской дружбы. Наряду с невосполнимыми моральными потерями, к которым привела деятельность этих людей и их союзников из аппарата, следует отметить также потери, поддающиеся исчислению: исход из Польши тех, у кого не выдержали нервы, часто приводил к нехватке специалистов, которых нечем было заменить.

Я не считаю, что у меня та же родина, что у «мартовских» публицистов и аппаратчиков, организовавших в 1968 г. антисемитские гонения. Мне стыдно за ветеранов, которые позволили использовать свое прошлое как знамя этого позора. Среди них, к сожалению, были и мои товарищи по оружию из АК.

Рука об руку с разными типами ксенофобии идет национальная мания величия. «Мы, поляки, забияки». Как будто мы несравненно лучше, умнее, талантливее других народов мира, а главное, тех, что живут поблизости. Еще в XVII веке о. Демболецкий написал немало глупостей на эту тему. И с тех пор это продолжается и развивается.

В безнадежной международной ситуации после разгрома восстания 1830-1831 гг. развился польский мессианиззм. Наши величайшие поэты и мыслители увлеклись этой идеей. В ней было подлинное величие, крыленное их гением. Думаю, что она помогла пережить поражения, хотя остается вопросом, не способствовала ли она новым поражениям. Но наследие, сохранившееся в умах рядовых более или менее образованных поляков от этих романтических взлетов, выглядит жалко: ощущение какого-то особого превосходства лишь потому, что ты поляк, часто приправленное религиозной экзальтацией. Может быть, и это слишком высокое слово — скорее карикатурой на экзальтацию, пользующейся национально-религиозным реквизитом.

Стоит и следует обратить внимание на то, как в этом контексте национальные мотивы сплетаются с религиозными (это, кстати, имеет и свою хорошую сторону: партийно-ветеранский «патриотический» жаргон слабо воспринимается обществом). О том, что значит «поляк-католик», обширно, компетентно и верно писал Богдан Цивинский в «Родословии непокорных». Несмотря на это, я бы хотел обратить внимание на несколько аспектов этой проблемы, имеющих принципиальное значение для ответа на вопрос: «Патриотизм, но какой?».

Лозунг-утверждение о неразрывности польского и католического можно истолковывать по-разному. Обычно его высказывают без особых уточнений — причем случается это так часто, что можно оценить это как метод. Ибо в самом очевидном истолковании этот лозунг означает, что не-католик не может быть полноценным, стопроцентным поляком (если он вообще в строгом смысле слова поляк), поэтому каждый раз, когда кто-то пользуется этими словами, следовало бы спрашивать, идет ли речь о таком понимании. Недавно слова о нераздельности польского и католического можно было прочитать в статье свящ. Сроки в гданьском [студенческом самиздатском] «Братняке». Когда я обратился лично к автору, он ответил, что его неправильно поняли: речь шла о том, что католичество оказало такое большое и многостороннее влияние на польскую культуру, что эта культура в целом не может быть оторвана от католичества, не утратив своего облика. Это разумный тезис, который не должен бы никого затрагивать, хотя тоже может стать предметом обсуждения. Но оставим дискуссии в стороне. Для меня важнее первое истолкование польско-католического лозунга, довольно распространенное всюду, где мы встречаемся одновременно с ксенофобией и с национальной манией величия, продолжающее кормиться неясными убеждениями, которые мы здесь рассматриваем.

Истолкование это не просто ложно — оно оказывает медвежьую услугу национальным традициям и сегодняшнему состоянию национальных чувств. А именно, оно лишает национальные традиции их огромных и важных пространств и исключает из сегодняшней жизни тех людей, которые не чувствуют своей связи с католичеством.

Можно ли найти в польской истории и польских традициях что-нибудь не-католическое? Минуты эпизоды, которые лишь в небольшой степени повлияли на ход нашей истории, как, например, польское гуситство, начать следует с польской Реформации и вообще протестантизма. Этого не так мало: в XVI и

XVII вв. были сильны традиции Миколая Рея и польских ариан, традиции сосуществования разных вероисповеданий во взаимной терпимости, закреплённые актом Варшавской конфедерации. Немало протестантов и среди наших национальных героев (например, генерал Совинский), немало пасторов среди польских национальных деятелей. Верно, что католическая Церковь сыграла огромную роль в сохранении польского духа, особенно на землях, захваченных Пруссией и Россией. Но в Тешинской Силезии и на Мазурах польский дух хранили и вскармливали евангелические братства и их пасторы. Последним актом национального героизма польских евангеликов было мученичество стойких пасторов и мирян во время гитлеровской оккупации. Вклад польских протестантов в польскую культуру и борьбу за национальное бытие так велик, что всякие попытки исключить их из нашей польской национальной общины должны возбуждать резкое противостояние.

Точно так же невозможно отвергнуть прижившееся в польской культуре со времен Просвещения, а особенно развившееся во времена позитивизма, внерелигиозное светское течение, часто атеистическое, иногда агностическое. К нему принадлежат люди, представляющие зачастую целые школы и направления польской мысли, сотни поляков, которые внесли огромный, неизгладимый вклад в нашу культуру.

Один из вариантов ксенофобии — культ «своего», противопоставляемый «модам», прибывающим из внешнего мира (главным образом, с Запада). Парадоксальность тут заключается в том, что большая часть его приверженцев одновременно провозглашает тезисы о наших связях с западной культурой. Странные связи, которые должны опираться на изоляцию. Похоже, что приверженцы таких взглядов считают, что-де связи связями, но хватит уже и того, что есть.

Это смешно и абсурдно. Еще ни одной культуре изоляция не принесла ничего хорошего. Поляки испытали это на себе в немалой степени. От братьев-чехов мы получили христианство, которое прививали у нас чехи, немцы и другие духовные лица, прибывшие с Запада. Учиться поляки ездили в итальянские и немецкие университеты, в Прагу и Париж: поначалу немногие, потом их число все росло — с пользой для нашей культуры. Западные учителя, немцы и французы, учили нас возводить романские, а затем готические здания, заполненные скульптурами и картинами работы цеховых художников-немцев. Нравы западноевропейского рыцарства привились в Польше. Приглашенные с Запада монашеские ордена вскармливали цивилизацию и культуру. С конца XV века мы начали полными горстями черпать сокровища Италии, переживавшей Возрождение, а потом и всей ренессансной Европы, приглашая оттуда художников, писателей и ученых. Из Германии пришла Реформация, обогатившая польскую умственную жизнь. От близкого турецко-татарского Востока польская шляхта заимствовала одежду, интерьеры, оружие (и, к сожалению, варварский обычай сажать на кол). Начиная с XVI века в польской литературе невооруженным глазом видны влияния, приходившие из Италии, Германии, Франции, Испании. Только XVIII век ослабил эти связи и импорт культуры с трагическими для Польши результатами. К счастью, уже в середине XVIII века эти связи снова окрепли, польские художники начали ездить учиться в Италию, а просвещенная часть аристократии — привозить с Запада не только камзолы и парики, но и идеи Просвещения, плодом которых стали Комиссии национального образования [1773-1794] и реформы Великого сейма [1792]. И с тех пор мы продолжаем черпать полными горстями: с Запада пришли романтизм и позитивизм, символизм и импрессионизм, экспрессионизм и футуризм.

Все это известно и очевидно, но нуждается в напоминании. Польская культура всегда расцветала в симбиозе с этими стимулами, а не в противостоянии им. Редко мы черпали извне так обильно, как в XVI веке, и притом с такой пользой для национальной культуры. В XIX веке Мицкевич был полностью проникнут западным романтизмом — и в то же время это поэт оригинальный, полный творческого духа, необычайный. Разрыв связей такого рода мог бы загнать нас в лучшем случае в неосарматство, подобное сарматству эпохи Саксонской династии.

Не раз бывает горько, что брали мы гораздо больше, чем давали. Правда, в целостности европейской культуры ценится не только экспорт, но и сам факт создания оригинальных ценностей, тем не менее нам хотелось бы принимать участие в европейском синтезе не только фактом обладания богатой куль-

турой. За малыми исключениями, наши влияния не выходят за рамки региона. Многим нам обязаны украинцы, литовцы, белорусы, но не французы, англичане, немцы, итальянцы. В гораздо лучшем, чем мы, положении находятся русские — с древнерусской церковной живописью, с Достоевским и Толстым... Думаю, можно без всякой национальной мании величия утверждать, что Европа много теряет, практически не зная Мицкевича, Словацкого, Норвида. Зато она уже относительно неплохо знает Гомбровича и Виткация. Это показывает, что оригинальные художественные ценности, имеющие шанс выйти за пределы нашей национальной культуры, по-прежнему возникают на перекрестках дорог, ведущих из мира к нам и обратно.

Выраженные здесь мысли — отнюдь не открытия, а многие из затронутых вопросов требовали бы, наверное, более углубленного рассмотрения. И все же я думаю, что многим читателям эти мысли покажутся по меньшей мере спорными, а частично и неприемлемыми. Потому-то и появилась эта статья, написанная с мыслью о том, как сильно распространены в Польше ксенофобия и национальная мания величия, хотя я и не думаю, что они всегда равнозначны крайнему шовинизму. Вдобавок, при рассмотрении разных вопросов границы между мнениями стираются, отчасти в результате исторического опыта, не способствующего расцвету христианского подхода к отношениям между народами, отчасти вследствие воспитанных привычек, так что в результате и автор этих заметок иногда ловит себя на том, что хоть и считает верным то, что пишет, но все-таки не может утверждать, что принял подход, который сам же и провозглашает, полностью, по всем пунктам, так, чтобы тот руководил его эмоциями без сбоев. Тем более необходимо пропагандировать такой подход. Я убежден, что один из самых существенных вопросов нашего настоящего и будущего звучит так: как избавиться от национальной мании величия и ксенофобии или, по крайней мере, затупить их до уровня, не опасного для дальнейших судеб польского народа? Если этого не произойдет, любой агент, надев уланский кивер и повесив на грудь образок, поведет народ куда захочет, стуча в барабан «национальной гордости» и манипулируя фобиями. И тем самым мы потеряем всякие шансы — даже если они у нас окажутся — на взаимодействие с другими народами, как и мы, угнетенными советизмом. Между тем, нам нельзя ждать счастливого стечения обстоятельств — мы должны приняться за труд по созиданию солидарности угнетенных. Иначе мы навсегда закроем себе путь в Западную Европу, в которой мы видим колыбель нашей культуры. Не будем предаваться иллюзиям, что мы все еще остаемся в этой Европе. Разве что немножко: воспоминаниями, печалью, чаяниями. Из года в год мы все глубже погружаемся в советизм, разлагающий нашу систему ценностей, общественные связи, наши собственные представления о национальных традициях. Иногда, как, например, в 1968 году, кажется, будто мы сами к этому стремимся. И все же будем надеяться, что наш народ окажется умнее подобных манипуляций.

1981

ВМЕСТО ПОСТСКРИПТУМА

Самая важная проблема, связанная с тем историческим событием, каким стало передвижение границ Польши на Одру и Нису и сопутствовавшее ему выселение немецкого населения, — это ущерб и обида, нанесенные людям.

Нравственно это самая главная проблема — но не единственная.

Включив в свой состав Западное Поморье, Гданьск, Вармию и Мазуры, Любушскую землю, Нижнюю и Опольскую Силезию, мы стали хранителями огромного наследия немецкой материальной культуры на этих землях: храмов, замков, дворцов, ратуш, знаменитых бюргерских домов.

Когда тебе достаются чужие памятники культуры, можно говорить лишь об их хранении. То, что принадлежит культуре того или иного народа, навсегда остается его наследием и гордостью. Хранитель же одновременно принимает на себя обязанность. По тому, исполнит он их или нет, оценивается уровень его цивилизованности: Европа имеет право требовать от него отчета в исполнении своих

обязанностей, ибо и то, что создали немцы, и то, что создали поляки, входит в общую европейскую культуру.

Первая из этих обязанностей — не позволить, чтобы исторические памятники были разрушены или повреждены. Не лучшим образом покажет себя польский патриотизм, если позволит им разрушаться, пренебрежет их ценностью (это, мол, «не наше»), будет изглаживать их немецкий характер. Наоборот, их национальный характер следует соблюсти полностью.

В прошлом мы не всегда умели и хотели хранить памятники, в том числе и памятники польской культуры. В этом было немало халатности, культурного примитивизма, глупости и даже злого умысла. Но хранение чужой культуры — обязанность не меньшая, если не большая.

И раз уж сложилось такое положение, что мы не в состоянии справиться с этой обязанностью, ибо Польша сегодня — страна очень бедная, мы должны обратиться за помощью к особо заинтересованному в этом и несравненно более богатым, чем мы, немцам.

Кому-то может не понравиться, что таким образом немцы ступят на земли, которые еще не так давно им принадлежали, а ныне составляют интегральную часть Польской Республики. Но немцы и так стоят на этих землях — памятниками своей культуры. Совместное спасение и охрана этих памятников может нас сблизить.

Разумеется, тот, кто платит, приобретает и известные права, например, право на контроль денег, предназначенных на взаимно согласованные цели, право предъявить условие (кстати, вполне справедливое), чтобы на информационных табло, в буклетах и т.п. было ясно сказано, что данный объект связан с немецкой культурой, и чтобы это было сказано по крайней мере на обоих языках.

Должен признаться, что во втором, скрытом слое этого предложения таится еще и другая цель. Если мы вместе создадим модель такого взаимодействия, то, может быть, в будущем она послужит образцом наших отношений с литовцами, украинцами, белорусами в той же самой области. Не забудем, что на территории сегодняшней Литвы, Украины, Белоруссии, даже за пределами бывших границ Второй Речи Посполитой, находится важное для нашего национального самосознания культурное наследие.

Однако прежде всего воспользуемся теми возможностями, которые выглядят реальными уже сегодня и будут служить польско-немецкому примирению и строительству общеевропейского дома.

Рис. А.Млечко

1990

Статья переведена с незначительными сокращениями.

Малгожата Гутовская-Адамчик

ЮРЕК ОВСЯК – ДИРИЖЕР ОРКЕСТРА СЕРДЕЦ

Вот уже девять лет в первое воскресенье января начинает играть самый большой в мире оркестр — Большой оркестр рождественской помощи. В этот день по улицам идут толпы людей с прилепленными к пальто и курткам сердечками из красной бумаги. Сердечко означает участие в удивительно благородном предприятии. Чтобы стать участником «оркестра горячих сердец», не обязательно уметь играть на каком-нибудь инструменте. Можно даже нот не знать: достаточно одного лишь желания помочь человеку, а точнее — больным детям. Большой оркестр рождественской помощи — это стихийно возникшая всепольская благотворительная акция, цель которой — собрать деньги, необходимые для спасения жизни и здоровья самого младшего поколения. «Финал Большого оркестра» — ежегодный праздник любви, дружбы и музыки. Сотни концертов по всей стране, миллионы зрителей перед экранами телевизоров и благородное соперничество: кто соберет или даст больше денег. На экранах с головокружительной быстротой растет сумма, на которую закупят современное медицинское оборудование. В этот день мы не только прекрасно отдыхаем, но и чувствуем гордость за то, что мы поляки, и надеемся, что оркестр действительно будет играть, как обещает его создатель и вдохновитель Юрек Овсяк, «до конца света и еще один день». И мы вместе с ним!

О себе Овсяк недавно сказал, что «такую рожу с другой не спутаешь». Когда я впервые увидела его по телевизору, то подумала, что так мог бы выглядеть современный клоун: пухловатое лицо, острижен под ежик, большие очки в красной оправе, желтая рубаша и красные брюки. Теперь я думаю, что в его облике не было ничего деланного. Он не придумывал себя — такой он и есть. Сошедший с ума от безумной любви к жизни и демонстрирующий эту любовь на все лады. Но самое главное — он настоящий. И дефект речи у него настоящий, хотя кое-кто думает, что это поза. Настоящий и его язык, ядреный и сочный, не без крепкого словца, с выражениями, да простит меня переводчик, типа: «Все путем», «Ой, что щас будет!», «Чего хотите, то и ворочайте!» Такого языка не устыдился бы и Рабле, будь он нашим современником. Но он совершенно не притворяется — просто он такой. В этом весь Юрек Овсяк. За это мы его и любим.

В ряду нравственных авторитетов молодежь ставит его на второе место — сразу после Иоанна Павла II. Такое обязывает. Но этот выбор отнюдь не случаен:

Овсяк олицетворяет все то, что молодежь безуспешно ищет во взрослых. Его принципы — честность, правда, логика и — не соваться в чужие дела. Он ненавидит хамство, высокомерие, агрессивность, двурушничество. Его жизнь — в музыке: классический рок, панк, фолк, рэгги, джаз. Он ездит на велосипеде, но в то же время обожает большие машины, особенно трайлеры и вездеходы. Верит в Бога, но ценит Далай-ламу и восхищается им. И при всем при этом он ужасно остроумен — у него абстрактное, первобытное и дикое чувство юмора. Он не только музыкальный ведущий на радио и телевидении, но и *spiritus movens* музыкальных фестивалей, путешественник, создатель витражей и, наконец, душа ежегодной благотворительной акции, размах которой кажется безграничным! Ему уже под пятьдесят, но жизни в нем больше, чем в любом двадцатилетнем! Даже те, кто его лично не знает, называют его только «Юрек», словно он их приятель. Я не удивлюсь, если и

в паспорте его вместо положенного «Ежи» записано «Юрек».

Со свойственным ему лукавством он говорит, что его создала армия. Образцовым учеником он никогда не был, случалось и оставаться на второй год. А потому ничего странного, что он провалился на вступительных экзаменах и на факультет психологии, и в Академию художеств. Когда же армия наложила на него свою тяжелую лапу, он понял, что любой ценой должен отвернуться от почетного долга защищать родину. Оказавшись в армии, он начал симулировать психическое заболевание. Успех был скорее половинчатым: после многочисленных врачебных комиссий он на полтора месяца попал в психбольницу в Хороше. Однако здесь, парадоксально, и началось захватывающее приключение: некоторое время спустя из пациента он превратился в психотерапевта в варшавском центре «Синапис», где познакомился со многими интересными людьми.

Он контактировал с большими, умел к ним подойти, а когда впервые (случайно, конечно) оказался на радио, все сразу стало ясно: его своеобразное чувство юмора обратило на себя внимание, и его пригласили вести передачу. И вот что интересно: слушателям не мешал его специфический выговор (хоть Юрек и заика, но, заикаясь, он говорит с космической скоростью), им было важно, *что* он говорит.

Его стиль можно сравнить со стилем Монти Пайтона. О телепрограмме «Чего хотите, то и ворочайте, или Рок-н-ролл без передышки» он вспоминает в обширном интервью, которое взял у него Бартломей Добровичинский:

«Была постоянная группа, снимавшая нас. Каждому хотелось участвовать в этой программе. Во-первых, из-за обжираловок, которые мы устраивали, а еще — потому что все делалось на полном серьезе: огни разжигали, чуть что — студия рушилась, воду лили, дым пускали, все время переодевались, коровы входили, индеец въезжал на настоящем коне, а телезвезда Йоланта Файковская шла за этим индейцем. А потому, как только снимали “Чего хотите, то и ворочайте”, сразу вокруг нас появлялась масса народу — хоть посмотреть, что творится. По всему телевидению пошел слух, что это какие-то необыкновенные программы». Таких программ было выпущено 125, а последнюю из них закончил большой «Бум»: на военном полигоне взорвали декорации и чучела ведущих — Юрека Овсяка и Агаты Млынарской.

Потом была «Дыра в корзине» — программа, весьма своеобразно пропагандировавшая баскетбол. Бог знает во что одетый Юрек со своей командой ездил по маленьким городкам и раздавал дворовым командам баскетбольные корзины от фирмы «Пепси-кола».

«Она вертится» — программа для путешественников. Юрек побывал и у ближайших соседей, например в Финляндии, видел и Канаду, Соединенные Штаты, и такие экзотические места, как Южно-Африканская Республика, Борнео, Вьетнам, Индия или Непал.

Его пристрастие к хэппенингу повсюду проявилось в передаче «Свободу слону», где весьма нелицеприятно был показан варшавский зоопарк. Передачу сняли с эфира. В настоящее время Овсяка можно увидеть во II программе: в своем неподражаемом стиле он ведет передачу «Танцульки», летом сменяющуюся передачей «Безопасные каникулы».

В то же самое время не забывал он и своих радиослушателей: сначала были передачи по Харцерскому радио, потом по III программе Польского радио. Сейчас на I программе Польского радио в цикле «Она вертится» Юрек ведет некоммерческую молодежную музыку.

Как-то раз, ведя музыкальную программу «Брум», Овсяк взволнованно объявил слушателям, что клинике кардиохирургии варшавского Центра детского здравоохранения не хватает оборудования для спасения жизни детей. Эту новость сообщила ему одна телеведущая, пригласившая участвовать в своей передаче молодых врачей. Центр детского здравоохранения, называемый больницей-памятником, — наверное, самая известная детская больница в Польше. Достаточно было Юреку крикнуть: «Люди! Мы обязаны что-то сделать!» — как на следующий день на радио стали поступать деньги. Просто в конверте, по почте! Жертвовала в основном молодежь. В минуту испытания молодые люди оказались необычайно отзывчивы к чужой беде.

В декабре 1991 г. возникла идея Большого оркестра рождественской помощи. По призыву Овсяка его слушатели и молодые музыканты стали проводить рок-концерты, а поступления передавать кардиохирургической клинике в Центре детского здравоохранения. В 1992 г., во время фестиваля молодежной музыки в Яроцине, прошел полуфинал, а 3 января 1993 г. — первый финал Большого оркестра. Было собрано около двух миллионов долларов! Чтобы не растратить эти деньги, весной 1993 г. был создан Фонд Большого оркестра рождественской помощи, неправительственная организация, никак себя не определяющая политически, религиозно или философски. В состав правления вошли Лидия и Ежи Овсяк, Богдан Марушевский, Петр Бурчинский и директор Центра детского здравоохранения Павел Янушевич. Собранных в первом финале оркестра денег хватило не только для клиники варшавской больницы, но и для всех 11 детских кардиохирургических клиник в Польше!

С тех пор каждый год повторяется одна и та же картина. Правление фонда по согласованию с экспер-

тами намечает цель, на которую будут собирать деньги. После того как деньги собраны, их отправляют в банк, а осенью проходит аукцион медицинского оборудования. Фонд не предоставляет индивидуальной помощи, не передает деньги учреждениям здравоохранения и не занимается хозяйственной деятельностью; ни один из его членов-учредителей не получает денежного вознаграждения за свою работу. Каждый раз собранная сумма декларируется в министерстве внутренних дел и администрации: до конца февраля туда должен поступить полный финансовый отчет очередного финала. Лишь 5% собранных средств Фонд может направить на содержание бюро, в котором сейчас работают восемь человек.

Итогом восьми финалов стала закупка медицинского оборудования на 23 млн. долларов, которое было безвозмездно передано 650 больницам и другим учреждениям, причастным к спасению человеческой жизни: например, государственной и добровольной пожарной охране, добровольной спасательной службе в Татрах, добровольной службе спасения в горах и на водах.

В работе Большого оркестра, превратившей Юрека Овсяка в общественного деятеля, проявилась философия положительного мышления; она стала доказательством того, что если по-настоящему хочешь сделать что-то полезное, то сумеешь. Но главное — она создала «народное ополчение» молодых. Это их движение! Овсяк предложил молодежи нечто чрезвычайно привлекательное: покажем, чего мы стоим, но ни на миг не перестанем веселиться! Финалы оркестра все еще выглядят как большая стихийная ярмарка. Из года в год, затаив дыхание, мы смотрим их по телевизору, вместе со всей Польшей радуемся тому, что поступления растут, и ждем, не будет ли на этот раз установлен рекорд.

В сборе пожертвований участвуют несколько десятков тысяч молодых людей со всей Польши. Обратившись в фонд с письменным заявлением, каждый из них получает удостоверение и кружку для сбора денег на улице. Проходим, дающим деньги, вручают бумажные сердечки-самоклейки. В этот день на улице редко кого встретишь без сердечка. И неважно, сколько дают. Как раз самые скромные суммы часто бывают самым искренним даром, от всей души. Попадает в кружки и валюта, а случается — даже перстни, обручальные кольца и другие ювелирные изделия. Их переплавляют в кулоны-сердечки и в следующем финале выставляют на аукцион. Цена сердечка номер один в ходе телевизионного аукциона достигает головокружительных сумм! В аукционе участвуют как частные лица, так и банки, для которых благотворительная деятельность — элемент рекламы.

Поступают на аукцион и другие дары. Одним из самых экзотических и вызвавших массу пересудов в

печати был самолет МиГ, подаренный армией. Охранная фирма, которая его в конце концов купила, избрала для себя лозунг: «Мигом будем у вас!» Помню, как мы восхищались одним из аукционов: зрелище почище иных спортивных состязаний! Два банка бились, точно боксеры на ринге, — до нокаута.

Во время ежегодных финалов II программа Польского телевидения собирает рекордное количество зрителей. В двух студиях располагается штаб. В одной — установлены компьютеры, куда со всей Польши стекаются сведения о денежных поступлениях, — они следят за ходом аукциона. В другой — проходят выступления музыкальных ансамблей, там держат связь с региональными студиями. Местных штабов оркестра насчитывается уже несколько сот. Люди стихийно организуются снизу, чтобы приблизить достижение благородной цели, чтобы потом можно было сказать: и я внес свою лепту в общее дело. Каждый город хочет первенствовать в сборах, но даже те, кому не удалось собрать много, могут заявить о себе в передаче. Юрек все время в состоянии готовности, в студии: он с радостью громко провозгласит, а потом, когда уже не хватает голоса, и прохрипит каждую сумму и поблагодарит за помощь. Следя во время одного из первых финалов за данными, поступавшими из штабов, я испытывала такие чувства, как будто наблюдаю за высадкой человека на Луну. Хотелось сорваться с места и куда-то бежать, быть вместе с этими людьми. Незабываемые ощущения...

Наверное, поэтому так много молодых людей каждый год занимаются сбором пожертвований. Наконец-то появилось дело, которое обходится без надзора со стороны старших. По завершении сбора они должны самостоятельно вынуть деньги из кружки, пересчитать и перевести их на счет оркестра. За все это они получают всего лишь открытку с благодарственной надписью «Твое сердце полно рок-н-роллом и любовью» и еще кое-что — чувство сплоченности в общем деле! Такие же открытки фонд высылает и жертвователям. Акция оркестра вызвала такой общественный резонанс, что иногда судьи, карая правонарушителя денежным штрафом, указывали счет оркестра как то место, куда следует внести деньги. Представьте себе выражение лица этого человека при получении открытки «Твое сердце полно рок-н-роллом и любовью». Впрочем, фонд не одобряет «даров», получаемых таким способом. «Возможно, одним из слагаемых успеха стало то, что мы даже не пытаемся шантажировать людей. Поэтому сбор средств происходит на улице. Люди сами должны прийти к оркестру», — сказал Юрек в одном из интервью.

Однако и сбор средств на улице вызывает ряд сомнений, начиная с самых очевидных, касающихся честности сборщиков, да и того, что их никто не охраняет.

Случались нападения, у ребят отнимали кружки. Но, к счастью, такое происходит крайне редко, а успех акции свидетельствует о том, что молодежи можно и следует доверять.

Постоянно звучат голоса недоброжелателей Овсяка, что, мол, акции его оркестра — это своего рода самореклама. Не все верят, что лично ему от деятельности фонда ничего не перепадает. Его бескорыстие постоянно подвергается сомнению, не всегда выражаемому в парламентских формах. Кое-кого раздражает его стиль и то, что он велит детям «побираться». Однако такие люди забывают, как много хорошего сделал фонд, забывают, что он помогает государству оснастить больницы оборудованием, спасая тем самым жизнь и здоровье его маленьких граждан. Юрек научился сносить унижения молча, хотя при его пылком характере это, наверняка, не было просто. Впрочем, отвечать на высосанные из пальца обвинения — это все равно, что их признавать.

Юрек обожает молодежь. Для нее он организует летние концерты на открытом воздухе «Остановка Вудстока» — своеобразную благодарность за тяжелый труд на благо других. Если деятельность оркестра вызвала ряд неблагоприятных комментариев, особенно в правых кругах, то организация концертов подняла настоящую бурю. Овсяка обвиняли: в растлении молодежи, нравственном релятивизме, ригилизме, пропаганде культуры смерти.

Но Овсяк принимает молодежь такой, какова она есть. Он не считает себя вправе указывать ей единственно верный путь. Молодые люди приезжают на «Остановку» с жадной найти друзей, быть выслушанными и понятыми. И, конечно, им нужно дать отдохнуть, покричать. Эти желания, свойственные молодежи, часто наталкиваются на стену непонимания взрослых. Действительно, когда несколько десятков тысяч молодых людей собираются на огромный концерт, начинается действовать закон толпы, и не всегда происходит то, что взрослые готовы одобрить. Подвыпившие юнцы дебоширят, дилеры торгуют наркотиками, порой дело доходит до драк и актов вандализма. Именно эта сторона отражена в прессе, настроенной по отношению к Овсяку критически.

Однако размах таких концертов и их организация впечатляют. Надо было установить 250 туалетных кабин, 240 водопроводных кранов, 30 телефонов-автоматов, банкомат (который за три дня произвел 1700 операций!). Вопреки сценариям тех СМИ, которые видели всё в черном цвете, ничего не было сломано! Параллельно, 6-8 августа 1999 г., проходила акция «Остановка Иисус» — начинание католических священников, стремившихся нести Благоую Весть и приблизить молодежь к Богу. Общество Сознания Кришны раздавало вегетарианскую еду (было роздано около 50 тыс.

порций), «Клуб Гайя» собирал подписи против транспортировки животных в жутких условиях, антирасистская организация «Никогда больше» проводила профилактику СПИДа, группа «Familia» («Семья») призвала молодежь покончить с наркотиками, и многие подписали заявление, что не будут принимать их «до конца жизни и еще один день». Когда по телевидению прозвучало обвинение в том, что ехавшая на «Остановку» молодежь нанесла ущерб 150 поездкам на сумму около 16 тыс. злотых, Оркестр полностью возместил его, сдав в металлолом 500 тыс. кружек.

Во время финала, который проходил под девизом спасения жизни детей, попавших в автодорожные происшествия, выяснилось, что, кроме оборудования, очень важна и профилактика — обучение детей правилам уличного движения. Это положило начало телепрограмме «Безопасные каникулы», где детей призывают, например, пользоваться касками при езде на велосипеде, прикреплять к одежде нашивки-отражатели, повышающие безопасность на дорогах. С легкой руки Овсяка и его команды и при участии дорожной полиции в Дорожный кодекс было внесено положение об обязательном ношении таких нашивок пешеходами за пределами города. Уже роздано более 750 тыс. нашивок-отражателей, причем особое внимание было уделено детям из сельской местности, для которых носить подарок от Юрека Овсяка — дело чести.

Чего боится Юрек Овсяк? Старости и дряхлости. Ну, и немного своей жены, о которой всегда говорит с величайшей нежностью: она его опора и помощь во всех, даже самых сумасшедших предприятиях. Странно, но при всей своей эстрадной натуре Юрек Овсяк больше всего ценит спокойствие домашнего очага. Он не любит тусоваться, хотя запросто мог бы. В своей книге Юрек отмечает, что именно своей жене он обязан тем, что дом уберезен от настоящего половодья «друзей», способных превратить дом в подобие автовокзала.

О чем еще может мечтать человек, добившийся такого успеха? На этот вопрос молодых людей он ответил, что у него нет притязаний распространять деятельность оркестра на другие страны, не хочет он стать ни политиком, ни, тем более, президентом, как предложил ему один из молодых почитателей. Единственное, чего ему хотелось бы, — устроить большой концерт в центре Чикаго. В программе такого концерта нашлось бы место для польской музыки самого высокого класса: джаза, классики, фольклора. Это был бы своего рода бесплатный хэппенинг, продолжающийся весь день и завершающийся буйством фейерверков. Думаете, ему кто-нибудь сможет в этом помешать?.. Юрек Овсяк, человек-оркестр, чем-то еще он нас удивит?..

Лешек Шаруга

ПЕРЕД ЛИЦОМ КАТАСТРОФЫ

Можно без преувеличения сказать, что на многие вопросы, появившиеся в нашей жизни после войны, литература реагирует как бы с запозданием. Сколько в этом вины цензуры, а сколько просто вытекает из внутреннего ритма, регулирующего нашу способность переживать и понимать, судить трудно. Мне кажется, оба фактора равноценны: цензура, разумеется, затормозила возможность свободно говорить об индивидуальном и коллективном опыте, тем не менее кое-что в этом опыте, возможно, требовало времени, чтобы стать предметом литературы.

Таким опытом, который в настоящее время все интенсивнее находит отражение в нашей литературе, стала Катастрофа. Конечно, литература, возникавшая еще во время войны и сразу после ее окончания, включает ряд важных произведений на эту тему — к ним принадлежат, в частности, «Страстная неделя» Ежи Анджеевского, лагерные рассказы Тадеуша Боровского, «Медальоны» Зофьи Налковской. Значительную роль в понимании того, что происходило в доведенном до упадка мире, сыграли и писательские свидетельства изнутри — как, например, написанные в варшавском гетто, но изданные только в 70-е годы стихи Владислава Шенгеля из сборника «Что я читал умершим».

Литературу, посвященную Катастрофе, в общем, можно поделить на два течения. Первое из них — литература как свидетельство, численно преобладавшая на первом этапе освоения этого опыта: будь то произведения Юлиана Стрыйковского, Адольфа Рудницкого или Богдана Войдовского. Все они стремились передать ужас и исключительность мира, сотворенного нацистами. Второе течение родилось позже, в 70-е, и сосредоточилось не только на самой Катастрофе, но и — прежде всего — на ее последствиях, как нравственных, так и культурных. Катастрофа «польского еврейского народа» важна для национального самосознания поляков, веками сосуществовавших с соседями-евреями. После войны еврейская составляющая польской государственности исчезла, а во многих случаях, когда началось послевоенное переселение народов, поляки начали заселять пространства, «оставшиеся от евреев». Несомненно, важный мотив литературы последних лет, многие из авторов, которые родились годы спустя после войны, — стремились как увидеть и понять знаки погибшего мира, так и задуматься над причинами происшедшего.

В первом из перечисленных литературных течений заслуживают внимания прежде всего такие произведения, как «Успеть раньше Господа Бога» Ханны Кралль (беседа с единственным оставшимся в живых членом штаба восстания в гетто Марекон Эдельманом) и ее роман «Жиличка», рассказы живущей в Израиле Иды Финк «Краешек времени», проза Генрика Гринберга. Во втором — в первую очередь стихи Ежи Фицовского из тома «Читая по праху», но и некоторые книги более молодых авторов: роман Владимира Пазневского «Короткие дни», описывающий жизнь в Кременце накануне войны и погибший мир, где «смешивался печной дым трех религий»; роман Петра Шевеца «Катастрофа» и недавно изданные «Сумерки и рассветы», оба посвященные совершенно особенной действительности межвоенной Замости; роман Павла Хюэлле «Вейзер Давидек», экспериментальная проза Ярослава Марека Рымкевича «Умшлагплац», рассказы Михала Гловинского из сборника «Черные времена года» или совсем недавний роман Марека Бенчика «Творки». Мотивы общности исторических судеб поляков и евреев мы найдем и в знаменитом романе Анджея Щипёрского «Начало», в сборнике репортажей Ханны Кралль «Там и реки уже нет», в поэме Божены Кефф «Опекун» и в книге Анны Болецкой «Белый камень». Недавно Болецкая опубликовала эпистолярный роман «Милый Франц», в значительной степени посвященный осмыслению атмосферы жизни в межвоенной Европе, где нарастали тенденции, нашедшие свою кульминацию в Катастрофе.

Это, разумеется, лишь избранные, самые известные примеры: я не собираюсь составлять каталог произведений, в которых проблематика Катастрофы и ее последствий составляет предмет художествен-

ного осмысления. Зато важным представляется тот факт, что именно в 80-90-е годы появляется довольно много произведений, посвященных такому осмыслению. Эта литература позволяет все яснее осознать, что Катастрофа — будучи кульминацией нарастающих и сталкивающихся тоталитарных режимов, особенно на польских землях, где их встреча определила специфику нашего опыта, — одновременно остается одним из центральных моментов в опыте широко понимаемой современности. При этом следует подчеркнуть, что в нынешних писательских исканиях развиваются мотивы, заложенные раньше, когда западная культура, столь часто ставимая нам в пример, была далека от понимания важности этой проблематики. Сегодня на Западе тема Катастрофы стала «модной»; тем не менее нельзя усомниться в том, что, посвященные ей произведения современных польских писателей, представляют собой продолжение течения, остававшегося живым со времен войны, и, следовательно, не могут быть сочтены подражанием тому, что приходит извне.

Надо сказать, что с самого начала — а теперь в особенности — литература о Катастрофе имела в Польше два аспекта: с одной стороны, она обладала универсальной ценностью, с другой — выражала стремление добраться до своих собственных культурных корней и понять чисто польскую судьбу после Катастрофы. Этот второй аспект кажется особенно плодотворным интеллектуально хотя бы потому, что ставит вопрос ответственности за сохранение памяти о погибшем мире — мире, который на протяжении долгого периода национальной истории был ее важной составляющей. Из осознания того, что, независимо от всех иных событий, повлиявших на нашу судьбу, Польша после Катастрофы — уже не та страна, какой она была прежде, вытекают важные последствия, определяющие динамику перемен в национальном самосознании, даже если влияние этого опыта не удастся описать прямо, если оно носит пунктирный характер, как, например, в стихотворении Януша Шубера «Сны»:

*Этот, в сером мундире,
Стоял на пороге с плеткой.
«Почему твой рукав без повязки?
Ты же один из них?»
Я пытался сказать, что нет.
И тут пропел петух.*

Продемонстрированное здесь (в сборнике стихов, вышедшем в 2000 г.) ощущение общности судеб, указывающее на универсальный аспект Катастрофы, — несомненное свидетельство того, что давно прошедшие исторические события продолжают жить. Это и попытка найти для них язык, способный вынести их вес и серьезность.

О том, что поиск этого языка — вопрос принципиальный, свидетельствует том публицистики Петра Матывцекого «Межевой камень», посвященный тому, как трудно говорить о Катастрофе. Матывецкий прямо пишет, что сознание современного человека защищается от этой темы, оно не способно с ней справиться, одновременно отдавая себе отчет в том, что обязано с этим справиться, если хочет сохраниться. Эту тему развивает Яцек Леотяк в трактате «Язык Катастрофы» — во введении к своей книге автор указывает, почему он занялся этим вопросом: все его детство прошло на территории бывшего варшавского гетто. Такую же причину выбора тематики своего романа приводит и Марек Бенчик в интервью «Политике» в связи с присуждением ему премии этого еженедельника — причем и он главной трудностью, которая возникла в ходе написания романа, считает необходимость найти язык, которым можно описать опыт Катастрофы. Поэтому можно, не боясь преувеличений, счесть по-прежнему живое присутствие в нашей новейшей литературе мотивов Катастрофы, постоянно предстающих во все новом и новом свете, одной из важнейших попыток выразить состояние культурного самосознания поляков.

Михал Гловинский

Перевод
Александра Бондарева

ВИЛЛА НА ОДОЛАНСКОЙ

(Из сборника «Черные времена»)

Когда через десять с лишним лет после войны мы решили перебраться из Прушково в Варшаву, мать поставила вопрос ребром: она согласна переехать, но не туда, где раньше было гетто, и не на Мокотов. Первое условие казалось очевидным: невозможно жить обычной, повседневной жизнью на том клочке земли, где творились самые непередаваемые, самые чудовищные вещи, где тебе довелось пережить самое страшное, а земля пропиталась страданиями и преступлениями так, как это возможно лишь на полях смерти, — то есть в местах массовых убийств. Нельзя вести спокойную, хотя бы в минимальной степени нормальную жизнь на кладбище, даже если в буквальном смысле слова могил на нем нет; нельзя постоянно жить там, где любая архитектурная деталь, любой камень, любое название могут стать напоминанием, потому что в них нет ничего нейтрального и незначущего — даже в разрушенном городе, который сознательно и методично сравнивали с землей.

Но нежелание матери жить на Мокотове нас удивило, ибо ни ее самое, ни ее семью с этим районом ничего не связывало. Сначала я не знал, откуда взялся этот протест, и лишь через какое-то время понял, что его причина коренится в тех же временах и связана с определенным событием, которое оставило неизгладимый след в сознании матери, да и у меня никогда не выветрилось из памяти. Это произошло на одной из мокотовских улиц в мрачный декабрьский день 1943 года. Именно тогда, благодаря необычайному стечению обстоятельств, мы лишились возможности укрываться в этой части города.

Мы приехали в Варшаву, так как не могли больше прятаться в Р.: в этой деревушке и ее окрестностях стало неспокойно. Что делать дальше, мы не знали — жить нам было нелегко; кто-то из друзей нашел нам на короткое время пристанище у неких Бобровских. На короткое время — потому что пребывания у них стоило дорого и вдобавок оставалось там по разным причинам было особенно опасно. Так что этот вариант мог быть только времен-

ным. Квартиру Бобровских стоит описать подробнее. Она была просторная, многокомнатная и располагалась на верхнем этаже эlegantного здания на Литовской улице, то есть рядом с районом, где жили немцы. До войны эта квартира, по всей вероятности, принадлежала богатой мещанской семье, а теперешние ее хозяева вселились в нее уже во время оккупации.

Были они дельцами, и дела у них шли явно неплохо: война для них была временем, когда можно сколотить капитал. Это была молодая, бездетная пара; вместе с ними жила пожилая (но еще не старая), необычайно энергичная дама, которую они звали «мамочка», но я так и не понял, кому из Бобровских она приходилась матерью. Они занимались торговлей: у «мамочки» был свой ларек на базаре Ружицкого, а у Бобровского — если не ошибаюсь, на Керцеляке (или наоборот). Супруга Бобровского помогала им в «делах», но главным образом следила за квартирой — а там действительно было за чем следить. Дело в том, что квартира эта была своего рода гостиницей для укрывающихся евреев — разумеется, для тех, кто сумел запасться «левыми» документами. Большинство комнат сдавали тем, кто, как мы с матерью, задерживался ненадолго, но одну комнату занимали постоянные жильцы: господин, которого все называли (если мне память не изменяет) «инженером», вместе со своим сыном — а с ними еще один мальчик. Ровесники мои были тезками, и с обоими Стефанами инженер вел занятия, на которых и я пару раз присутствовал. Бобровская, которую трудно было обвинить в неразговорчивости, призналась моей матери, что этого одинокого Стефана она сейчас держит у себя за небольшие деньги, но поступает так, потому что его семья официально обязалась после войны заплатить ей целое состояние. Здесь все было вопросом денег, и сантименты не играли никакой роли — хотя следует признать, что к мальчику она относилась хорошо. Разумеется, Бобровские отдавали себе отчет в том, какой они выбрали рискованный способ зарабатывать деньги. Они вполне осознавали, что за ук-

рывательство евреев корысти ради им точно так же грозила смертная казнь, как если бы они делали это по дружбе, из соображений гуманности или каких-либо иных благородных побуждений. В квартире были какие-то потайные места, какие-то закоулки, вполне достаточные, чтобы скрыть, что в ней происходит, от приходящих гостей и знакомых, но от этих тайников не было бы никакого толку в случае немецкой облавы или обыска.

Когда мы остановились в квартире на Литовской, наши друзья продолжали искать надежное место, которое стало бы нашим убежищем надолго. Разумеется, найти для еврейки с ребенком даже самую завалившую комнату было не так-то легко. Но в конце концов это удалось. Комната нашлась! Как обычно, помогла великодушная и благороднейшая Ирена Сендлер, добрый гений всех скрывавшихся от преследований (Ирена Сендлер участвовала в спасении двух с половиной тысяч еврейских детей!). И вот одним декабрьским утром мы должны были перебраться на Мокотов, чтобы обосноваться в подвале уже заселенной, но еще не отделанной виллы на Одоланской улице. Мне трудно сказать, знала ли хозяйка, кому она за небольшую плату сдает комнату, сказали ли ей об этом открыто или она об этом только догадывалась. Во всяком случае она согласилась — это главное. Мы должны были прийти в назначенное время, сразу же после окончания комендантского часа.

Так и произошло. Для нас, затравленных и не имеющих пристанища, этот подвал в вилле на Одоланской стал огромной надеждой — хотя, конечно, не было никакой гарантии, что здесь с нами ничего не случится. В то время для таких, как мы, безопасных мест не существовало: каждое убежище почти сразу могло оказаться последним, могло стать местом финала трагедии. Я понимал это так же хорошо, как и мать, но в поисках укрытия мы должны были сохранять хоть ничтожную надежду на то, что здесь нам удастся уцелеть. С этой надеждой мы направлялись на Мокотов, на Одоланскую улицу. И вот, когда мы уже добрались до места, крадучись по улицам, чтобы не привлечь ничьего внимания, мы увидели то, чего совершенно не ожидали, что застало нас врасплох: спаленный дом.

Эпитет «спаленный» во время оккупации имел особое значение — «спаленной» называли проваленную явку, вообще любое место, где из

соображений безопасности нельзя было скрываться или заниматься конспиративной работой, — но в данном конкретном случае его следовало понимать буквально. Мы не верили своим глазам: перед нами была вилла, где только что был погашен пожар. Самый обычный, заурядный пожар, который мог вспыхнуть в мирное и спокойное время, — во всяком случае к войне и оккупации он не имел никакого отношения. Пожарные уехали незадолго до нашего появления.

Мы оказались среди развалин. Для нас это тоже была катастрофа. Дом выгорел дотла, и в подвальных помещениях, как всегда после пожара, вода доходила до щиколоток. Мы примостились в каком-то углу, совершенно не зная, что делать дальше. Хозяйка нас не ждала, да и трудно удивляться, что в таких обстоятельствах она не помнила, что назначила нам встречу; должно быть, она вообще забыла о нашем существовании. Я ничего о ней не знаю и не смог бы ее описать, но перед моими глазами по-прежнему предстает фигура высокой худощавой женщины, в отчаянии мечущейся среди руин того, что еще вчера было ее домом. Вокруг суетились какие-то люди: то ли жильцы, то ли знакомые, спешившие помочь той, на кого свалилось такое огромное несчастье, то ли чиновники, выяснявшие причину пожара или оценивавшие понесенный ущерб. Мы с матерью сидели в самом незаметном углу, где воды было сравнительно немного, и старались вести себя так, чтобы нас никто не заметил: а вдруг кто-то из суетящихся людей распознает нас и донесет? Мы сидели, убитые горем, беспомощные, потрясенные случившимся. Мать должна была решить, как нам быть дальше, но явно не была в состоянии это сделать. У нее в запасе не было никаких, даже самых неопределенных вариантов. Куда нам было идти? У нас не было никаких заранее подготовленных — да и любых других — позиций, на которые можно было бы отступить. Контакты со скрывавшейся в Варшаве семьей были затруднены (отец был в то время в Кельце, где нанялся рабочим), нельзя было связаться и с помогавшими нам польскими друзьями (не знаю, помнила ли мать номера телефонов, но из соображений безопасности она вряд ли их записывала). Впрочем, даже если в сгоревшей вилле и был до этого телефон, то после пожара он наверняка не работал. Нам не на кого было рассчитывать — в каком-то смысле мы были отрезаны от внешнего мира.

Так мы и сидели, безучастные ко всему, дрожащие от голода и холода. Мать решила, что мы останемся здесь до завтра: идти все равно некуда, а вдруг после первых часов работы по уборке окажется, что в подвале все-таки можно жить? Это было бы для нас спасением. Так что мы сидели не двигаясь и ждали, как все сложится. И действительно, через некоторое время ситуация прояснилась. Через несколько часов, которые мы провели в разрушенном, в значительной части залитом водой подвале, к нам пришла хозяйка. Не потому, что она только сейчас о нас вспомнила или обратила внимание: по всей вероятности, она все время знала, что мы сидим в темном углу затопленного подвала. Она пришла, чтобы передать нам важное сообщение или даже своего рода инструкцию. Наше присутствие заметили, сказала она, а в этой исключительной, жуткой обстановке в доме крутятся самые разные люди. Особенно нами заинтересовались новые жильцы, вселившиеся в виллу всего несколько дней назад; она с ними практически незнакома, не знает, кто они, но не исключено, что это местные немцы, «фольксдойчи». Неизвестно, как они себя поведут, не донесут ли. В общем, ситуация стала крайне опасной, и мы должны немедленно покинуть сгоревшую виллу. Она отчеканила все это решительным и безапелляционным тоном, не оставив нам возможности не только возразить ей, но даже задать вопрос. Совершенно ясно, что иначе она этого сказать просто не могла: полностью осознавая нависшую угрозу, она действовала и ради нашего блага, хотя помочь нам и не могла: на нее самое обрушилось несчастье. И верно, некоторое время назад нас с матерью встревожил чрезмерно внимательный взгляд какой-то молодой женщины.

Вне всякого сомнения, хозяйка знала, кто мы такие. И ее требование нужно было без промедления выполнить: наверняка оно вытекало из реалистической оценки ситуации, а не из того (или не только из того), что она хотела как можно быстрее от нас избавиться, чтобы не навлечь на себя новое несчастье. Мать, по-видимому, охватило еще большее отчаяние, чем то, в котором она пребывала после того, как увидела сгоревший дом. Минуту спустя она приняла решение: возвращаемся к Бобровским! Конечно же, у нас не было никакой уверенности, что они захотят нас принять, — но и другого выхода тоже не было! Когда мы оказались перед дверями квартиры на Литовской, мать осто-

рожно позвонила — но ответит ли на звонок вообще кто-нибудь? Она позвонила еще раз — и после долгого ожидания к двери подошла пани Бобровская и задала традиционный вопрос: кто там? Понятно, что в квартире, где прячут евреев, каждый неожиданный или не оговоренный заранее стук в дверь должен был вызывать тревогу, страх, панику, после чего требовалось быстро проделать множество вещей хотя бы для того, чтобы скрыть от пришедшего (пусть даже дружески настроенного) то, чего заметить не должен был никто. Мы услышали твердый отказ: у Бобровских уже появились какие-то новые жильцы, а кроме того, они, быть может, опасались, что мы им не заплатим. Мать повторила просьбу, которая перешла в мольбу, заверяя, что и на этот раз все счета будут оплачены, для нас это был вопрос жизни и смерти, оставаться на улице после наступления комендантского часа означало неминуемую гибель. Бобровская заявила: «Мы не благотворительная организация», — но дверь в конце концов открыла. Все события, происходившие в этот страшный день, двигались как бы по кругу: вечером мы вернулись в то место, которое утром оставили, как нам казалось, навсегда.

Мать провела у Бобровских еще два (быть может, три) дня, я оставался дольше — почти неделю. Ей быстро удалось найти себе место прислуги у одной учительницы в Отвоцке под Варшавой, что также случилось благодаря пани Ирене, которая в ту пору страшной гекатомбы всю свою жизнь посвятила спасению евреев. Я должен был расстаться с матерью — это была моя первая с ней разлука, которая продлилась до конца войны. Я помню, каким это было для меня ударом, когда мать объясняла мне, что мы уже не сможем быть вместе. Из того времени, которое я провел у Бобровских один, моя память сохранила немного — пожалуй, только семейную сцену, которая разыгралась поздним вечером, может, уже ночью. Я притворялся спящим, делал вид, что меня вообще нет, но не мог не слышать этих отвратительных криков. Супруги швыряли друг другу в лицо самые страшные обвинения, а присутствовавшая при этом «мамочка» время от времени вмешивалась в ссору то на одной, то на другой стороне, а иногда в качестве примирительницы. Еще немного — и дело дошло бы до супружеской драки; высокая, крепкотелая Бобровская наверняка достойно сражалась бы со своим мелким и тщедушным супругом, ед-

ва доходившим ей до плеча (таким он остался в моей памяти, но не поручусь, что она меня не подводит). На следующий день я покинул квартиру на Литовской, и началась новая глава моей игры в прятки со смертью.

Здесь я мог бы и закончить рассказ об этом фрагменте моей оккупационной эпопеи, но я ощущаю потребность еще кое-что договорить. Дело в том, что я задаюсь вопросом: не оказался ли пожар виллы на Одоланской, который нам с матерью казался тогда таким страшным несчастьем, той самой случайностью, которой мы обязаны жизнью? Если бы мы остались в том подвале, даже ненадолго, нами бы наверняка заинтересовались те самые новые жильцы, практически незнакомые хозяйке, которые, что не исключено, действительно были «фольксдойчами». Разумеется, никто не знает, чем бы эта заинтересованность закончилась — ее результатом мог стать донос и наш смертный приговор. Когда речь шла о скрывавшихся евреях, любой, в отношении кого у тебя не было абсолютной уверенности, любой незнакомец или прохожий, мог оказаться потенциальным палачом. Палачом могла оказаться и та молодая женщина, приглядывавшаяся к нам пронизывающим взглядом, хотя не исключено, что она делала это из чисто женского любопытства. Поэтому, когда я через столько лет рассказываю о событиях одного декабрьского дня 1943 года, я задумы-

ваюсь, не был ли пожар на Одоланской тем самым счастьем, про которое говорится: «Не было бы счастья, да несчастье помогло». Кто знает, если бы не этот пожар, удалось ли бы матери и мне пережить оккупацию? Быть может, ему обязана жизнью и хозяйка виллы: немцы неминуемо приговорили бы ее к смерти за укрывательство евреев.

Когда я размышляю сегодня о людях, которые спасались от смерти «на арийской стороне», вне территории гетто, меня изумляет, какую огромную роль играла во всем этом случайность. Вопрос о том, кто выживет, а кто погибнет, решала счастливая случайность — или иногда лишь кажущаяся счастливой, или кажущаяся несчастливой. Случайность мгновенная и не только неожиданная (все случайности таковы), но поразительная, иррациональная, противоречащая всем правилам теории вероятностей. Причем эта случайность была тем более непредсказуема, что реализовалась она в мире, где действовали законы строгого детерминизма. Действительно, человек ведь не сам решал, еврей он или не еврей. И как же часто именно случайность определяла выбор между жизнью и смертью. Странно, но тогда она гораздо сильнее вмешивалась в людские судьбы, чем в более спокойные времена, когда влияние детерминизма, казалось бы, ослабевало.

Марек Рудницкий
«Крик голода»
Рисунок 2001г.

Пётр Матывецкий

Перевод
Юрия Чайникова

МЫШЛЕНИЕ

(Из книги «Межевой камень»)

Зная о муках людей в гетто, разум ныне живущих отказывается от функций познания и считает этот отказ естественным. Прилагательное «естественный» в данном случае означает простительную обычность отказа, равносильную признанию того, от чего не отказываются, — привычного размышления об «обычных» муках. Добавляется и другое значение «естественности»: *естественным* становится бессилие познания, пасующего перед феноменом массовой смерти, по сути своей непознаваемым, *естественным* становится ступор мысли, а формы, образующиеся при ее оковании, напоминают паралич, известный только естеству, природе. (Быть может, все, что здесь обдумано и написано, вместе с приводимыми свидетельствами чужих размышлений суть омертвевшие риторические фигуры мышления о массовом уничтожении, фигуры, воспринимаемые исключительно во внешних чертах, без возможности истинно по-человечески приобщиться к жизни мысли.) Есть нечто окаменелое в природе массовой смерти, в ее апатичном овладении разумом, который, теряя возможность выделять такую смерть из ряда смертей, как бы заражается от предмета размышлений тяжеловесностью и апатией.

Признать такой отказ от познания естественным, подчиниться ему — это дает облегчение, а облегчение приносит удовлетворение, ставшее одним из устойчивых следствий массовой гибели. На этом дегенеративном удовлетворении и строится существование разума в эпоху после гетто.

От выполнения своих задач уклоняются не только познавательные функции разума — современный разум отворачивается от гетто всей своей ментальной структурой. Он не хочет сосуществовать с гетто не только из-за невозможности выработать установку на моральную солидарность с ним (это было бы ханжеством). Разум не хочет признавать своего сосуществования с реальностью гетто, он не хочет быть субъектом такой объективной данности, ибо это стало бы издевкой над любым *естественным состоянием* как совместным бытием (со-стоянием) разума и мира, как бы это со-стояние ни воспринимать. Такое происходит, когда мышление обращает против себя мысль о гетто, о полном изъятии человека из мира.

Гетто отрицает какую бы то ни было причастность к миру, оно приводит в исполнение приговор, устраняющий из мира не столько осужденного на казнь, сколько сам мир вместе с осужденным, мир, гибнущий в невыразимом предсмертном отчаянии обреченного. Мир, если его рассматривать как социальную материю, как предпосылку и результат уз, связывающих человека с человеком, гибнет, лишенный корней в генеалогии предков и надежды в потомстве. Гетто, как приговор, устраняет также утверждаемую верой и отрицаемую атеизмом связь человека с Богом, устраняет эсхатологическую связь с зарождением, жизнью и концом света. Массовое истребление уничтожает человека, его время и пространство, его смысл и бессмыслицу. Человек в гетто гибнет окончательно...

Современный разум считает самоубийственным участие в том, что противоречит участию как таковому, что истребляет и участника, и то, в чем он участвует. То, что во все времена — от гетто до наших дней — воспринимается разумом как современность, представляет собой мир солидарности современных умов, мир, который, если ему не хватает метафизики, держится за эту солидарность как за свой последний аргумент. Разум — часть мира, и он не хочет гибнуть вместе с миром, потому что такая гибель даже не стала бы жертвой, принесенной за мир: ведь в сознании гибнущего гибнет и Бог, принимающий жертву, Бог, который мог бы обновить мир принятием жертвы*.

* Поэтому так легко принять и так трудно во всей их глубине понять слова Иоанна Павла II, сказанные им в сороковую годовщину восстания в Варшавском гетто: «Отдавая дань уважения памяти невинно убиенных, мы просим Бога принять эту жертву во спасение мира» (цит. по: «Тыгодник повсехный», 1983, №17). Религиозная мысль и сердце верующего не смогут ни помыслить, ни прочувствовать глубже. А ведь одинаково глубокой была утрата веры — и многие обрели ее в гетто.

Современные умы, вместо того чтобы рассмотреть истребление людей в гетто или те муки, которые оно у них вызывает, оградили гетто системой коренных вопросов цивилизации, таких, например, как вопрос об имманентном существовании зла в европейской культуре, о типе и мере ответственности за преступление массового истребления людей. Это, всё проблемы, затрагивающие основы этики и права, однако «вместо того» лежит в их собственной основе и ослабляет их. Полагаю, что оно разрушает обоснованность их постановки**.

С помощью таких вопросов гетто отгораживают от мира, считающего себя обычным. Выход этих проблем на границу гетто, обозначающую его реальность для разума, — предупредительный знак, *символизирующий* реальность гетто, угрожающего разуму. Наличие этих проблем создает в сознании особые «гетто» ирреальности, особую символику бесчеловечного (или нечеловеческого) антимира. (Возможно, все, что в моих писаниях и приводимых свидетельствах определяется словом «гетто», и есть некая ирреальная символическая бесчеловечность, настраивающая против реальной бесчеловечности гетто***.)

Разум отворачивается от людей из гетто, дабы не приблизиться к истинной причине смертельного страха — к разрыву связи мысли с миром. Гносеологический отказ (ибо разум признаётся только в нем, а не в онтологическом отказе) он мотивирует причинами мнимыми: непознаваемостью гетто не просто как актуальной проблемы познания, но и такой, которая сама по себе не желает проявиться в своей элементарной разумности; гносеологический отказ, стало быть, мотивируется тем, что гетто как бы самопроизвольно ускользает с горизонта познания; в конце концов разум выдвигает мотив, непосредственно его затрагивающий, — инстинкт, предписывающий избегать страдания.

Обычно думают так: каждое страдание остается непознаваемым (не соиспытываемым) для того, кто сам в данный момент не страдает. И этим размышления о гетто ограничиваются, однако такая уверенность скрывает нечто более опасное, чем страх боли, которая с помощью стен и времени изолирует человека из гетто от ныне живущего, — скрывает ужас перед такой ситуацией (или скорее отсутствием ситуаций), когда люди раз и навсегда перестают существовать по отношению друг к другу, причем даже в большей степени, чем при «нормальной» смерти. Ибо они перестают существовать вместе с их доступными или недоступными воображению болью и отчаянием, с воспоминаниями о том, как мы представляли их страдания, и воспоминанием о самих этих людях. Они перестают существовать не только потому, что их отделила смерть, но и потому, что их поглотило несуществование в чьей-либо жизни, а еще — из-за *отсутствия существования*: ныне живущий каким-то образом уничтожается вместе с погибшим в гетто, если обращается к нему.

Думают так: те специфические страдания, которые человек испытывает в гетто, не могут быть поняты живущими в обычные времена. Да, так думают, лишь бы мысль не пришла к следующему: если в мире возникло гетто, этот «ноль мира», это «ничто» личностного мышления, «ничто» личности как субъекта данного мира, «ничто» времени и пространства, то в любом месте и в любое время, в каждом человеке существует возможность — и ничто (никакое «что-то») не в силах ее предотвратить — обратить мир в небытие.

Думают так: экстремальность страданий в гетто настолько превышает меру мучений, которые человек может вынести, что абсурдной становится сама мысль о сопоставимости страданий, а потому абсолютная беспрецедентность этой моральной боли не имеет соответствующих ей категорий в разуме — ни заранее выработанных, ни созданных после осознания исключительности гетто. В этой беспрецедентности и заключается «суть» гетто. Но это должно было бы означать следующее: перед самим

** Это «вместо» сопровождает и книги, в которых внимательно исследуется данная проблема, например, «Современность и Катастрофа» Зигмунта Баумана или «Эйхман в Иерусалиме» Ханны Арендт.

*** Такого рода предупредительная символика встречается в очень многих произведениях, посвященных Катастрофе или хотя бы в каком-то аспекте ее затрагивающих. В романе Ханны Краль «Жиличка» это метафора «черноты», в драме Тадеуша Ружевича «Ловушка» — «черная стена», в «Умшлагплаце» Ярослава Марек Рымкевича — сам Умшлагплац как символ реального, непознаваемого, отталкивающего Умшлагплаца [места в варшавском гетто, откуда отправлялись этапы в Освенцим].

собою разум признаёт свое небытие, потому как нет в нем чего-то такого, что он признал бы соответствием жуткой действительности, что он выдвинул бы в качестве негативной «идеи гетто», что, стало быть, он реализовал бы в себе как «гетто» внутри бесчеловечности. Получается, что разум — это отнюдь не гармоническое сочетание объективной данности вне разума и ментальных состояний, а подрыв структуры бытия человеческого мира, небытие. Либо разум признаёт свою онтологическую ответственность за гетто (на единственном лишь основании своего существования в том же самом мире, что и гетто, существования, доказанного соответствием мыслительных категорий и реальности гетто), либо он предается самоуничтожению. В радикализме данного парадокса — самая большая опасность для современного сознания, раз и навсегда выработавшего установку (и сделавшего на этом остановку) по отношению к гетто.

Думают так: в страданиях людей из гетто концентрируется непознаваемая тайна мирового зла, тайна сохранения целостности мира, в который *внедрено* зло, насильно формирующее его образ. Много раз в истории этим тривиальным способом ограждались от другой возможности — возможности того, что сам мир по своей конституции, само бытие есть зло. В отношении гетто такое мышление заслоняет еще один момент, а именно: что человеку в его жизненном опыте дано пережить отсутствие бытия, что человек живет без бытия. Без бытия, а все-таки живет... В такой жизненности благо жизни и зло смерти заменены какими-то псевдосуществованием и псевдосмертью. С одной стороны, это и мнимое существование, и мнимая смерть, но с другой — они простираются до конечных реальностей: до жизни и смерти, не поддающихся квалификации с позиций смысла и зла. Это непреодолимый нигилизм — как внутри жизни, так и «внутри» смерти. Гетто не просто отнимает жизнь, оно отнимает и мертвых: мы не можем добиться от гетто не только смысла их смерти, но даже их обычной человеческой смертности, подчинения закону умирания по-человечески. Все гетто умерли: не осталось ни живых, ни даже мертвых, а потому нет ни воспоминаний, ни даже хоть какого-нибудь теоретического воплощения, проступающего из мертвой нечеловечески человеческой массы****.

Думая о страданиях в гетто, страдаешь сам и хочешь «таких» страданий избежать, а уходишь от страдания — когда не думаешь. Тогда испытываешь удовлетворение: страдание людей из гетто зависит от моего мысленного согласия хоть как-то отнестись к тому, что творится за стенами гетто. Этический разум с возмущением отвергает такое удовлетворение, однако оно осуществляется в эмоциональной сфере. Поскольку речь идет о «таком» страдании, то отмеченное противоречие этики и эмоций представляется несмыслимой виной: именно так это ощущает личность — субъект противоречия. Поэтому каждый — думая или не думая о гетто — принимает вину за гетто на себя.

Как избежать этой вины? Прибегнув к недостойной манипуляции, можно задвинуть за познавательный горизонт сам факт того, что некогда существовало такое страдание, существовало гетто, и сказать, что данный факт гетто по своей сути (или скорее в силу отсутствия сути) устраняется из мира, истории, культуры.

Бытие отрицается, а собственная нерасположенность к познанию магически перемещается в сферу онтологии, причем так, чтобы над небытием гетто воцарилась магия.

**** Ян Паточка осуществил необычайно тонкий анализ первобытного отношения «мертвые-живые», как бы воскрешая архаическое представление: «Смертность человека воистину неотвратима, но в отношении человека к мрачному царству смерти существует нечто высшее. И хотя идет оно от богов, его область — отношение между мертвыми и живыми. В этом отношении есть что-то вроде бессмертия, но оно касается не индивида, а всех, кто остается друг с другом в связи, идущей от смены поколений. В определенном смысле они представляют собою единство, как бы свидетельствуя, что то, что проступает из царства мрака путем индивидуализации, несет на себе постоянное клеймо необособленности» (цит. по варшавскому изданию «Еретических эссе по философии истории», 1988). Думаю, что «клеймо» персональной «неособленности» мертвых и живых пришло Паточке на ум после войн нашего столетия — вот откуда этот грозный «архаичный» подтекст тревоги.

Ежи Фицовский

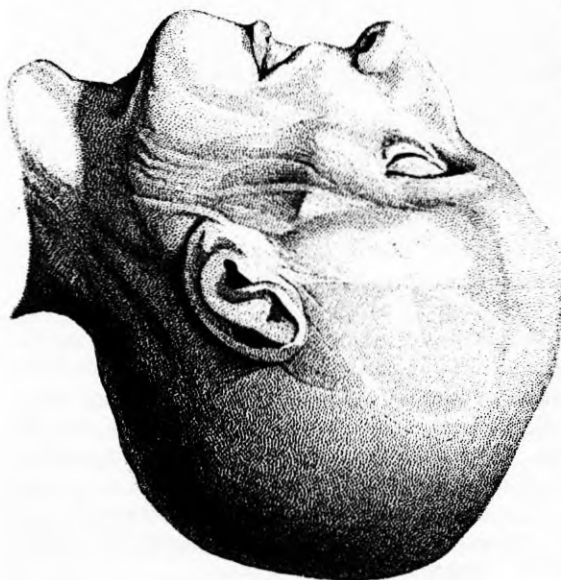
Перевела
Наталья Горбаневская

ИЗ КНИГИ СТИХОВ «РАЗГРЕБАНИЕ ПРАХА»

Ежи Фицовский — поэт, эссеист, переводчик, издатель. Родился в Варшаве в 1924 г. Во время II Мировой войны был солдатом Армии Крайовой и участником Варшавского восстания. Восхищался т.н. культурой пограничья. Особенно интересовался культурой и фольклором польских цыган, которым посвятил много очерков. Не менее глубоко представлена в его творчестве трагедия польских евреев. Его поэму «Письмо Марку Шагалу» иллюстрировал сам художник.

ЭПИТАФИЯ ЖИВЬЕМ УМЕРШЕМУ

Обложенный со всех сторон
он смертельно боялся
целые пять лет
той луны желудка
что его освещала
изнутри
холодом

того мертвого моря
выдохов-вдохов
в котором не утопая
он обрастал солью
невозможности дожидаться

он смертельно боялся
моисеева пятикнижия
своих десяти пальцев
и кудрявой синайской горы страха
но пережил

но пережил
самого себя

ВОСХИЩЕНИЕ МИРИАМ НА НЕБО С УЛИЦЫ ЗИМОЙ 1942-ГО

неисчисленный опускался снег
оползало небо в лоскутьях

а она возносилась
недвижностью минуя
белизну за белизной
благостные вышние
за вышними
в ильиной колеснице
унижения

над падшими ангелами
снегов
в зенит мороза
все выше осанны
унесенной
на самое дно

ОСТАЛОСЬ ПОСЛЕ ЕВРЕЕВ

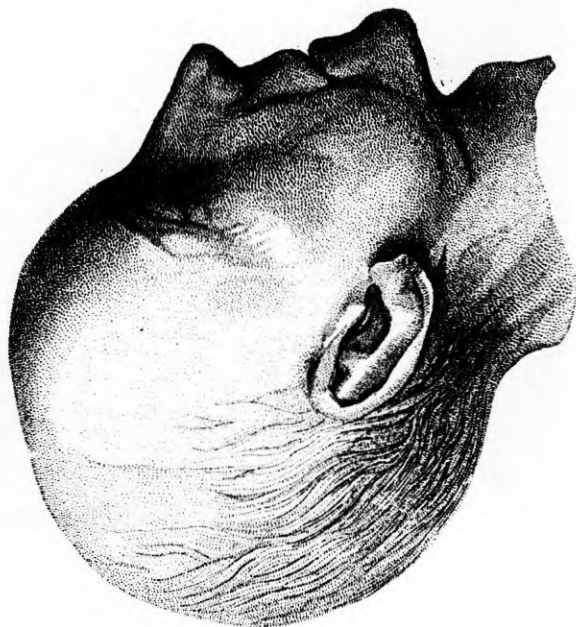
гардероб у нее где платья
еще успели выйти
но и так вышли бы из моды

кресло с которого кто-то когда-то
встал на минутку
на целый остаток жизни

блюда кастрюли полные голода
еще пригодятся
досыта
портрет убитой девчушки
яркими красками

могла бы взять и такой черный стол
в хорошем состоянии
да он ей не понравился

какой-то печальный

ШЕСТИЛЕТНЯЯ ИЗ ГЕТТО ПОБИРАЕТСЯ НА СМОЛЬНОЙ В 1942 ГОДУ

ничего у нее не было
кроме очей на вырост
в них совсем невольно
две звезды давидовы
их могла бы погасить слеза

вот она и плакала

Ее слова
не были серебром
они стоили самое меньшее
плевка взгляда мимо
в ее плаксивых словах
слоги были горбатые

вот она и умолкла

Ее молчание
не было золотом
оно стоило самое большее
5 грошей ну может морковку
очень вежливое молчание
с еврейским акцентом
голода
вот она и умерла

5 VIII 1942

Памяти Януша Корчака

Что делал Старый Доктор
в телячьем вагоне
идушем в треблинку 5 августа
за несколько часов кровообращения
за грязную реку времени

не знаю

что делал Харон добровольный
перевозчик без весла
раздал ли детям остаток
задыхающегося дыхания
а себе оставил
лишь мороз по коже

не знаю

лгал ли он им например
малыми дозами
обезболивания
щелкал ли в потных головках
пугливых вошек страха

не знаю

но зато но потом но там
в Треблинке
весь их ужас весь плач
были против него

ах это было всего лишь
сколько-то минут или целую жизнь
мало это или много
меня там не было не знаю

вдруг Старый Доктор увидел
что дети стали
старые как он
все старее
так они догоняли седину праха

и когда его ударил аскар или эсэсовец
они видели что Доктор
стал ребенком как они
все меньше и меньше
пока и не родился

с тех пор их со Старым Доктором
полно нигде

я знаю

Казимеж Трацевич

Перевод
Андрея Базилевского

ЙОМ-КИПУР

(Отрывок из романа)

Сентябрьское солнце уже не греет так, как летом; к вечеру чистое небо темнеет. Натанаэль Гольдберг крадется, прижимаясь к стенам каменных домов, боязливо озирается и шепчет:

— Боже праотцев наших, Боже Авраама, Исаака и Иакова, Боже великий, всемогущий и грозный... Отче Небесный... Спаси!

Натанаэль крадется из молельни, где только что отзвучали молитвы праздника Йом-кипур, к дому, где он надеется найти убежище и покой; здесь, на улице, этого ожидать не приходится. Он хорошо помнит, как накануне кончившегося сегодня праздника вместе с женой своей Руфью, по давнему обычаю, отправился на кладбище, чтобы просить умерших предков о заступничестве.

Кладбище — небольшое, заросшее развесистыми деревьями, бросающими тень на каменные и мраморные надгробия. На этих надгробиях золотыми буквами высечены имена умерших, скрижали, принесенные Моисеем с горы Синай, семисвечники, ладони священников, готовые к благословению, ладони, пальцы которых расставлены особым образом, как умели только священники: безымянный и мизинец отдельно, средний и указательный отдельно, а между ними большой просвет.

Немногие люди отважились прибыть на кладбище. Натанаэль и Руфь пришли, потому что как же было не навестить могилы отца Ханаана, и дедушки Наума, и бабушки Яхели? Они должны были прийти сюда, как каждый год перед праздником Йом-кипур, пройти мимо большого надгробия доктора Винбаума, потом мимо маленького, со стершейся надписью, где лежит портной Цвейг... Хороший он был портной, ой, хороший, лучших клиентов у Гольдберга отбивал, а теперь вот уже несколько лет тут лежит; разошлась каменная камера, надгробие покосилось, зелень трав начала его помаленьку рушить. Они должны были сюда прийти, миновать эти хорошо знакомые им могилы, пройти по утоптаным дорожкам, чтобы, наконец, остановиться возле своих, над которыми горько склонялась плакучая ива. Они должны были прийти к отцу Ханаану, к дедушке Науму и бабушке Яхели особенно теперь, когда им так нужно было заступничество мертвых, когда каждый

день мог принести то несчастье, о котором они слышали уже несколько лет, с тех пор как Адольф Гитлер возвестил миру о своей миссии.

Натанаэль словно украдкой достал из кармана кусок пряника, отломил часть, подал Руфи. В горле у него пересохло, он никак не мог проглотить крошки. (...)

Захария говорит, что закончился Йом-кипур — Судный День. Натанаэль медленно открывает глаза, жмурится, отрицательно качает головой.

— Мне так не кажется.

Они смотрят на него удивленно, ведь он только что вернулся из молельни, молитвы окончены. Видя эти удивленные взгляды, он печально усмехается:

— Кажется мне, что впереди еще тяжкий путь, а ЙОМ-КИПУР — СУДНЫЙ ДЕНЬ для евреев только начинается.

Два мальчика движутся со стороны леса, густо покрывшего близлежащие холмы.

У речки они останавливаются. Младший вглядывается в быстрое течение: вода клокочет, окружая выступающие камни, несет ветки, клочья соломы. Она мутновата, глиниста — ночью шел дождь. Мориц облизывает запекшиеся губы. Он спускается к воде, становится на колени. Приятная прохлада освежает. Он уже подносит ладошкой ко рту поток воды — но чувствует рывок за плечо. Старший брат стоит над ним.

— Нельзя, — строго указывает он пальцем на мутную воду, — а то еще какой-нибудь тиф подцепишь.

Прав Ицек — нельзя. Мориц с трудом поднимается с земли. Да и времени нет... Там, в землянках, ждут. Два дня они не ходили в деревню за продуктами, напугавшись рокота машин, доносившегося с шоссе. Отец протирает гноящиеся глаза, подползая к опушке леса и, болезненно моргая, пытался высмотреть, что там происходит. «Там» — значит, в их деревне, которую они второпях покинули недели две назад. Они бежали, потому что знали, что их ждет. Посреди деревни, где улицы расширяются, образуя что-то вроде рыночной

площади, в недавние добрые времена был конский торг. Там торговал лошадьми Моше Цукерман, он ездил и в город, невдалеке от которого было графское поместье. Граф был добрый барин, в знак приветствия он даже подавал Цукерману кончики пальцев. Граф продавал коней со своего конного завода, неплохо на этом зарабатывал и Цукерман. До поры до времени. До того дня, когда на рыночной площади остановились немецкие грузовики, а по брусчатке загрохотали тяжелые подкованные сапоги.

И тогда они поняли, что их ждет, поняли, что надо бежать: и Цукерман с семьей, и Цвейг, местный лавочник, и даже Блюменфельд — владелец небольшого кирпичного заводика.

Они спрятались в лесу на ближайшем холме. Голыми руками вырыли ямы — как гонимые звери. А над ямами соорудили навесы из веток. Но это были не крыши шалашей, какие строят в честь праздника Суккот, отмечаемого в память исхода из плена египетского, это были не те шалаша, сквозь крышу которых видны мигающие звезды. Эти ямы и шалаша были свидетелями новой неволи, постигшей сынов Израиля.

Вот и ходил Моше Цукерман на опушку леса, и смотрел гноящимися глазами на деревню, на луга, на пыльную дорогу, на видневшиеся вдали приземистые хаты и невысокую беленую усадьбу на краю деревни.

А теперь к этой деревне крадучись пробирались его сыновья Ицек и Мориц, чтобы раздобыть немного продуктов у недавних соседей. Смотрел Моше и на реку, и на луга — но не видел двух фигурок, которые в эту минуту как раз проходили по шаткому мостику. Не замечал их — потому что сыновья его были слишком далеко, да и зрение у старого Моше в последнее время испортилось.

Мориц и Ицек стоят у кустов над речкой, осматриваются вокруг. Позади, за ними, — лес, землянки и семьи, ждущие их возвращения. Верящие, что в своих маленьких корзинках они принесут что-нибудь поесть. Глядит Мориц в пустую корзинку, и слюна у него течет от воспоминаний о вкусном, душистом хлебе.

Ицек толкает его в бок. Теперь они идут по ложбинке к небольшому оврагу, ведущему почти к самой беленой усадьбе господ Яворских. Сначала шагают быстро, потом все медленней... медленней... Справа деревенские хаты — они словно выше приподнялись над землей. Усадьба тоже видна отчетливой, речка и мост остаются далеко позади, кромка леса все еще, от луга ее отделяет прильнувшая к земле полоса тумана.

Вот, наконец, и овраг, на крутых склонах выросли ежевики, бузины, шиповника. «Пить... пить», — мечтает Мориц. Пить нечего. Надо идти дальше. Усадьба близко. Господа Яворские — добрые господа... Отец недавно продал для них в городе коней. До деревни — хотя она уже намного ближе и четко видны стрехи домов — еще далеко. А тут слева ясно видно окна усадьбы, и лестницу, ведущую на крыльцо, и два столба, подпирающие крышу...

Ицек решает: сначала в усадьбу. Но пойдет он один. Мориц останется здесь, в кустах шиповника, и не будет высовываться — а вдруг в усадьбе немцы?

Мориц хотел было возразить: усадьба так близко, видно даже конюха, идущего к сараю, за ним бежит собака... а ему так хочется пить, но теперь, когда брат говорит, что у господ Яворских могут быть немцы, — он весь сжимается. Испуганно смотрит на Ицека:

— Не ходи!

Но уже слишком поздно. Ицек стоит на краю оврага, отряхивает пиджак, забрасывает корзинку на плечо и направляется к усадьбе...

Мориц подтягивается повыше, упирается подбородком в ладони. Из-под куста ему хорошо видно и лужайку, и сени, и лестницу, и стены усадьбы. Ицек идет быстро, все быстрее, ускоряет шаг. У Морица заколотилось сердце. Быстро... все быстрее, словно в такт все более быстрым шагам брата... Есть у господ Яворских немцы или нет? А если есть... Что будет с Ицеком? Мориц закусывает губы... Что-то сдавливает ему горло. Ицек все ближе к усадьбе, Морицу хочется плакать... А вдруг страшные немцы выскочат из-за этих столбов, увитых диким виноградом... И тогда... Мориц трет глаза, из которых текут слезы. Смотрит в сторону — туда, где на горизонте кончаются последние хаты деревни, а за ними уже заходит красное солнце, — он смотрит на это солнце с надеждой и доверием, а потом возвращается взглядом к усадьбе...

Вздых облегчения — на крыльце появляется знакомая фигура. Немцев нет. На лестнице стоит господин Ян. При виде его Ицек на мгновение замедляет шаг, потом поднимает руки и бросается бегом. Мориц поднимается на коленки. Немцев нет... Отец продал для Яворского коней... Что-нибудь должны дать. Мориц проверяет: в кармане у него золотые часы с конвертом... Вторые такие же у Ицека... Должны что-нибудь дать, продать... Отец больше не будет жевать траву... Маленькая Мириам не будет плакать...

Но что это?! Господин Ян расставляет ноги, поднимает к глазам... Что он поднимает к глазам? Ицек бежит. Мориц хочет крикнуть что было силы: Ицек! Ицек! Но голос застревает в горле... Сухой треск пронзает воздух и словно проламывает ему, Морицу, голову — потому что Ицек странно подскакивает, корзинка описывает широкую дугу и падает на траву... Ицек вытягивает руки и падает лицом на землю. Валится на землю и Мориц. Сердце трепещет у него в груди, подкатывает к горлу... Он вытаращил глаза. В голове гудит. Он смотрит... Господин Ян медленно спускается с крыльца. Идет, опираясь на ружье... Он застрелил... Застрелил Ицека... Идет, останавливается над лежащим...

Топот ног на крыльце... К нему мчитесь господин Стефан... Несется босиком по траве... в рубашке с закатанными рукавами.

— Что ты наделал, бандюга!.. Что ты наделал... — слышит Мориц страшный крик. Ицек лежит неподвижно, а те двое над ним... Окаменевший Мориц не может отвести глаз... Господин Стефан хватается Яна за горло — тот вскидывает ружье... Ружье летит в воздух... И тогда господин Стефан отскакивает назад... Вытягивает прямо перед собой руку... Слабый сухой треск... Гораздо слабее, чем только что... Господин Ян валится наземь... Мориц зарывается лицом во влажную траву... Трава пахнет. Пахнет как ни в чем не бывало, так же, как тогда, когда он однажды дрался с Монькой и Монька пригнул ему голову к земле...

Мориц отползает назад... Смотрит в ужасе: там лежит Ицек, лежит господин Ян, а над ними стоит господин Стефан. Стоит и не двигается... Мориц весь трясется... Он запихивает в рот кулачок и бесшумно скатывается на дно оврага. Здесь темно — солнце освещает уже только печную трубу усадьбы да верхушки деревьев. Он зарывается в землю, в кусты, не чувствуя колючек, ранивших тело... Его бьет дрожь... Что случилось? Что случилось? Все кружится в глазах. Ицека нет... Господин Ян застрелил его. Почему он его застрелил? Ведь Ицек ему ничего плохого не сделал. Эта корзинка, летящая в воздухе... А где моя корзинка? Нет ее — осталась там, наверху. Мориц уже знает это наверняка, но вернуться за ней не может. Ицека нет... К маме... Вернуться к маме. Он дрожит. Теперь он дрожит и от страха, и от холода, вокруг оседают холодные капельки росы... Возвращаться, возвращаться — но подняться нет силы.

Наконец Мориц подымается с земли, пытается выпрямиться. У него болит спина, болят ноги и руки... Только теперь он чувствует, как поцарапался и поранился...

Он медленно карабкается наверх... Земля осыпается под ногами... Он хватается за траву... Наконец высовывает голову из оврага. Свет в окнах усадьбы. С дрожью и страхом он устремляет взгляд туда, где упал Ицек...

Нет его... Забрали. По усадьбе кружат какие-то тени. Мориц оглядывается назад — на холм, на лес, который так гостеприимно укрыл их ямы в земле. Из-за леса выглядывает месяц и смотрит. Смотрит на этот лес и на освещенную усадьбу, на луга, уже пустые луга, и на этот овраг, где прячется он — Мориц Цукерман.

Из деревни доносятся какие-то далекие крики, собачий лай. И вдруг там, позади, — движение. За речкой — в направлении леса — перемещаются какие-то огоньки, слышны крики и лай собак...

Может быть, немцы уже идут туда, за ними, и вытаскивают их из землянок? Зубы у него стучат... Нет... туда — нет... Он катится на дно оврага и пускается бегом. Мчится, спотыкается, падает. Бежит и бежит... Сам не знает, долго ли. Все кружится у него в глазах. Овраг кончается. Усадьба и зловещие луга исчезают в ночной мгле, а звезды мигают, как будто ничего не случилось...

Он падает в какую-то лужу. Поскальзывается на мокрой траве, слизывает росу... Бежит дальше. Нога, нога. Болит колено. Болит разодранная колючками ладонь. Вот уже ни деревни, ни усадьбы, какие-то вспаханные поля. Дорога, придорожный ров. Мориц приседает на корточки во рву. Тишина. Он перепрыгивает на другую сторону... Все труднее. Каждый шаг — через силу, больно... Куда идти?... Куда?... Впереди что-то маячит. Все равно... Мориц идет. Ему все равно. Здание... Какая-то маленькая железнодорожная станция. Лает собака, надо обойти... Забор. Площадка... Штабеля бревен... Товарные вагоны. Длинная череда вагонов. Поеду. Надо ехать. Только бы подальше отсюда, от этого луга и усадьбы, и от собак, и от этой облавы в «их» лесу.

Мориц плетется, едва волоча ноги. Тусклые огоньки в одном из пристанционных строений, вагоны. Будка тормозного... Мориц хватается ручонками за железный поручень, приоткрывает дверь... С трудом сгибает ногу в колене. Еще одно движение — с болью, еще одно... На полу охалка соломы. Мориц валится на нее, слишком тесно, чтобы вытянуться, — он опирается головой о стену будки. Весь мир кружится... Он закрывает глаза. Мчится, летит куда-то вниз, во тьму, которой нет предела...

Агата Тушинская

Перевела
Наталья Горбаневская

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

ЛЕНЧИЦА

нету следов
и тени вывозит
на возу под покровом ночи
большая медведица

со звездой на рукаве

ЗДЕСЬ БЫЛА СИНАГОГА

на сквере цветут каштаны
это май
(месяц сиван)

они всё еще хорошо выглядят

мало кто в местечке Л. помнит
их генеалогию
до третьего поколения
субботних свечей
святого ковчега на восточной стене
пергаментного пятикнижия

никто не понимает
что они говорят
на чужом языке
часовщиков и портных

и почему вдруг
начинают вооружаться

★-★-★

дед мой Самуил
переменил имя

Шимон все так же
ел селедку с луком
любил халву и орехи
не любил отсчитывать деньги
на необходимые расходы
во сне видел
грехи шкварок
в судный день

БАБУШКА ДЕЛЯ

я не знала ее
запаха

ни вкуса десерта
из яблок
которым
объедались
по ее рецепту
жильцы пансионата
пани Чаплицкой
в Отвоцке

войну она пережила
почти

история шальной пули
осенью сорок четвертого
звучит туманно

второго июня
ей было бы сто лет

вчера я отыскала
фотоснимок ее отца
в ермолке

гляжу ему в глаза
и знаю ее

НОВЫЙ ГОД

да здоровствовали на Бзуре
топили грехи
сотни сладких лет

пока не сгорела синагога

Рисунки Piotr (Długi) Gidlewski

Ханна Кралль

Перевод
Александра Бондарева

ТЕАТР

(Из сборника «Там и реки уже нет»)

Ханна Кралль, писательница, автор таких книг как «Успеть раньше Господа Бога», «Танец на чужой свадьбе», «Гипноз», «Доказательства существования», переведенных на многие иностранные языки. Лауреат подпольной премии «Солидарности», премии ПЕН-Клуба, Гражданской премии города Бремергавена. Многократно занимала первое место в рейтингах зарубежных литературных критиков.

1

Вдоль рыночной площади рядком стоят одноэтажные дома. Все на одно лицо, с просторным крыльцом, с цветами при входе. Дома деревянные, покрытые белой штукатуркой. Штукатурка изображает каменную кладку. Дома изображают шляхетские усадьбы. Эта театральная декорация, фальшивая и умильная, не менялась уже двести лет.

Перед домами в ожидании застыла пустая широкая эстрада. Что-то разыграется на ней или когда-то уже разыгралось...

За домами течет река. Когда-то она струилась по извилистым руслам. Ее рукава, маленькие озера и островки лугов тянулись до самого горизонта. На лугах паслись коровы, приводили их сюда через плотины или переправляли на лодках. В камышах обитали птицы: болотные курочки, зеленички, трясогузки, сорокопуты, ракитницы и турухтаны.

Долину осушили.

Птицы улетели.

Нарев превратилась в узкую, заурядную реку.

2

Над пустой рыночной площадью сгустился зной.

В бывшем королевском саду одеваются актеры. Женщины надевают длинные платья, мужчины — белые жилетки с кистями «цицит», лапсердаки и ермолки.

В первый раз они надели эти костюмы несколько лет назад. Заведующая местным музеем придумала представление — битву времен восстания 1830-1831 гг. Жители Тыкоцина переоделись повстанцами и москалями. В конце представления в город вступил повстанческий генерал, которого, как настоящие патриоты, приветствовали все жители. От имени еврейской общины с приветствием выступил хозяин магазина товаров повседневного спроса вместе со всеми домохозяевами. На них были взятые напрокат театральные костюмы — кажется, из «Свадьбы» Выспянского. Неизвестно почему, но после представления они их не сняли. Ходили себе по улицам в лапсердаках и ермолках, а люди говорили: «Смотрите,

евреи вернулись». Хотя заведующая музеем понимала, что это только переодетый хозяин магазина с детьми и женой, но и ей казалось, будто в город вернулись настоящие, давние евреи.

3

Жили они в Тыкоцине четыреста девятнадцать лет. Магнаты и короли вверяли им торговлю и финансы. Семьи Хорошухов, Сураских и Голдов вели дела своих польских доверителей на протяжении всего восемнадцатого века. Тыкоцин процветал. По реке плыли плоты и баржи. Сплавалось зерно. Строились суда. Купцы привозили заморские товары.

Тыкоцинские лекари славились своими знаниями, раввины — мудростью, а синагога — чудесами. В ее люстре поместили амулет. Во время службы на праздник Йом-Кипур люстра оборвалась, но — благодаря амулету — проплыла в воздухе над головами прихожан. И упала, никого не задев.

4

В сентябре 1939 года Тыкоцин заняла Красная Армия. Евреи радостно приветствовали ее. Один из энтузиастов взобрался в синагоге на биму — кафедру, с которой хазан громко читает Пятикнижие Моисеево, и с воодушевлением обратился к присутствующим:

— Братья! Вы ожидаете пришествия Мессии? Он пришел! Наши советские друзья — вот кто наш Мессия!

Серьезные люди — книготорговец Гранат, доктор Турек и дантист Бейнис — были вне себя от возмущения. Но когда советские друзья отправили в Сибирь доктора Турека и дантиста Бейниса вместе с семьями, серьезные люди побороли возмущение и стали держать язык за зубами.

5

В июне 1941 года Тыкоцин заняли немцы.

Летом начались земляные работы. В соседнем лопуховском лесу немцы велели выкопать ямы. Две были длиной двенадцать метров, третья — короче. Глубина у всех была одинаковая — пять метров.

Странное зрелище: три пустые черные ямы. От одного их вида было как-то не по себе. Но когда немцы заказали у еврейских портных мундиры, а у сапожников — армейские сапоги, люди успокоились.

— Да ничего они нам не сделают, — говорили люди. — Мы же им нужны, мы им сапоги и мундиры шьем...

Стояла чудесная погода. Люди целыми семьями ходили в лопуховские леса прогуляться. «Ну, ямы и ямы... — говорили они. — И что из того? Надо полагать, в стратегических целях».

В августовское воскресенье, когда жители города возвращались с прогулок по лесу и по наревским плотинам, на рыночной площади появился рассыльный из магистрата, ударил в барабан и прочитал распоряжение:

— Завтра в шесть часов утра евреи должны собраться на главной рыночной площади...

Возникло замешательство.

Евреи двинулись к дому раввина. Аба Святицкий, который считал свое жалованье слишком высоким и настаивал, чтобы получать меньше, который однажды отказался принять в подарок от общины пальто, — раввин Аба задумался и сказал:

— Нужно прийти на площадь.

Пошли к Шмулю, резнику.

— Нужно прийти...

Пошли к Иосифу Водовозу, что вместе с водой развозил свежие новости. И тот сказал:

— Нужно послушаться раввина.

Люди приготовили теплую одежду, упаковали вещи в заплечные мешки и узелки и на следующий день, в шесть утра, собрались на рыночной площади.

Немцы начали выкликать фамилии.

В шесть тридцать садовник Песах Капица, у которого была своя лошадь и телега и который в торговые дни продавал овощи и фрукты, шепнул на ухо сыну:

— Абрам, беги домой. Проверь, все ли в порядке.

Мальчик побежал.

В семь подъехали мотоциклы и грузовики. Площадь окружили эсэсовцы. Женщин и детей погрузили на машины, мужчин построили в колонну.

Во главе колонны стали музыканты: трубач Даниэль Дойч, барабанщик Шмуль Соколович и скрипач Эли Кавка.

За музыкантами поставили самых уважаемых граждан: купцов Сураского и Хорошую — потомков тех, исторических, что служили королю, гетману и магнатам.

Музыкантам приказали играть еврейское песнопение с издевательскими немецкими словами.

Под звуки песнопения шествие двинулось в сторону Лопухова.

Очередями из автоматов немцы застрелили тысячу четыреста человек. Ночью местные жители засыпали трупы. На следующий день застрелили еще семьсот человек и заполнили вторую яму. В третьей закопали тех, кто убежал и скрывался поблизости.

История тыкоцинских евреев закончилась.

6

Абрам Капица проверил, все ли дома в порядке.

Все было в порядке.

Он хотел было вернуться на площадь, но тут раздалось урчание мотоциклов.

Он спрятался в зарослях. Издалека доносились крики, потом песнопение, потом топот тысячи ног, которые удалялись на юг.

Вечером он вернулся домой. Родителей не было, братьев и сестер — тоже. Были только соседи-поляки: женщина забирала корову, мужчина — коня и телегу. У женщины не было хлеба. Подумав, она оставила корову на ночь на прежнем месте.

Абрам заснул, прикрывшись соломой. Ночью пришла соседка подоить корову. Мальчик попросил молока. Женщина подала ему кружку — старую фаянсовую кружку с кухни Юдифи Капицы, матери Абрама. Мальчик выпил и от всего сердца поблагодарил.

На рассвете со своим другом Мойшей Кавкой, соседкой Брейндой и ее ребенком он покинул город.

Когда они подошли к перекрестку дорог, Брейнда остановилась.

— Вместе нам идти нельзя, — сказала она. — Мы пойдем вправо, а вы — влево. Так будет лучше...

Брейнда с дочкой пошли правой дорогой.левой пошли двое мальчиков.

Дойдя до леса, кто-то из них сказал: «Надо пойти за хлебом».

Мойша пошел направо, Абрам остался. А может, наоборот — Абрам пошел направо...

Абрам пережил войну.

Брейнда с дочкой и Мойша Кавка лежат в лопуховском лесу, в третьей яме.

7

После представления о ноябрьском восстании участники декламировали еврейскую народную поэзию. Потом играли сценки из Шолома Алейхема и Башевиса Зингера... Костюмов из театра больше никто не одалживал... Люди сами сшили себе талесы, лапсердаки и жилетки с кистями «цицит». Сами научились ритуалу субботы и узнали происхождение праздника Пурим и еврейской Пасхи.

Местный учитель обычно играл раввина (во времена коммунизма он учил русскому языку, а когда пришла демократия — перекинулся на строительство оград).

Старый холостяк, зубной техник, изображал образцовых отцов еврейских семей.

Хозяин магазина с товарами повседневного спроса, который заработал денег на строительстве в Германии, играл роли исторических личностей: местных купцов или приемного отца царицы Эсфирь в праздник Пурима.

Водопроводчик, пекарь, учителя и медсестры играли второстепенные роли.

8

Приемный отец царицы, который в Германии освоил современные методы строительства, помогает шурина ремонтировать бывшую фабрику.

Как-то шурина стоял на улице и ел мороженое. Когда он облизывал первый ванильный шарик, подкатила машина. Из нее вышел его знакомый.

— Загвоздка получается, — сказал он. — Продается такая штука, которая воздух очищает, а у меня с деньгами туго...

Шурин просмотрел чертежи и сказал:

— Вхожу в долю.

Прошел год. У шурина патент, заказчики. Он фабрику ремонтирует. А все потому, что однажды задержался на улице, возле будки с мороженым.

— Это не случайность. Это судьба. Если б я купил мороженое на десять минут раньше... Или ел быстрее... Или вообще бы не задержался... Это не просто судьба, это что-то большее... Или КТО-ТО...

— А ты хоть поблагодарил этого КОГО-ТО? — спрашивает приемный отец царицы Эсфирь.

— Я с Ним каждый день расплавляюсь, — говорит шурин. — Воздух на земле чище делаю. Разве этого мало?

Приемный отец поспешно демонстрирует монтаж панелей из сухой штукатурки и выбегает из цеха.

— Буду с вами откровенен, — запыхавшись, говорит он мне по дороге. — При коммунизме шурин был партийным секретарем. А после той истории с мороженым из придорожной будки стал верующим предпринимателем. Прямо как у Зингера, разве нет?

— Ты торгуй, — подгоняет он жену в своем магазине. — А мы в театр побежали.

И вместе со старшим сыном бежит к своим вечерним еврейским перевоплощениям. К богатому купцу Шлеме Сураскому и Гершеле, набожному ученику тыкоцинской ешивы.

9

— Давным-давно, когда Тыкоцин был знаменитым городом, когда по реке плыли плоты, а купцы с всех сторон света выставляли на тыкоцинском рынке свои товары, жили-были ведьма и раввин. Оба они творили чудеса. Ребе Лейб творил их с помощью Божьих сил, а ведьма — с помощью дьявола...

Так начнется сегодняшнее представление. Будут в нем демоны, бесовки, благоразумные юноши, благонравные девицы, ведьма, раввин — все, как у Зингера.

На заднем плане будут стоять дома — каждый с крыльцом, с цветами.

В доме, что стоит за эстрадой, жила семья купца Абрама Изера.

Их кто-то убил ночью, вскоре после прихода немцев. По всей видимости — должник, которому не хотелось возвращать деньги. Он взял себе в помощь молодого парня, и они топорами зарубили всю семью — купца, его жену, сыновей и внуков.

Виновных никогда никто не искал.

Человек, которого все подозревали, жил себе, поживал, ловил рыбу в Нареве и охотился на птиц. Когда заболела его жена, он купил гроб. Показал ей, что, мол, добротный, взял лодку и отправился ловить рыбу. Лодка перевернулась. Он схватил воспаление легких. Похоронили его в гробу, что он купил для жены. Люди диву давались: знал ведь реку, всю жизнь на ней провел, а та отплатила ему смертью...

Дом Абрама Изера, как и все дома на рыночной площади, построил шурин последнего польского короля. Он снес тыкоцинский замок, а готический кирпич предназначил на погребя. В бездонных готических подземельях нынешние жители Тыкоцина хранят в плотно закатанных банках компоты, маринады, джемы, соки, соусы, заливные, овощные пюре, закваски...

— Когда мы после войны сюда перебрались, стены в крови были. — говорит жительница дома Абрама Изера. — Стены мы разобрали, положили бревна и покрасили в белый цвет. Пришел недавно еврей, Абрам Капица. Огляделся и говорит: «Восьмерых, значит, убили». А мой муж отвечает: «Не восьмерых, пан Капица, а только двоих». А Капица ему: «Восьмерых. Деда с бабушкой, родителей, детей — даже младенца». А муж: «Убили только двух старых евреев, пан Капица...». А Капица ему: «Уж я-то знаю, сколько их было, сам хоронил...»

10

«Их на досках выносили...» — написал мне в письме из Израиля Абрам Капица. И набросок сделал: несколько досок, связанных, как в плоту, и с обеих сторон что-то наподобие ручек.

Трупы были завернуты в белые, льняные саваны.

И плыли эти плоты без весел над тыкоцинской рыночной площадью.

Над ручьем, куда евреи швыряли свои грехи перед праздником Йом-Кипур...

Вдоль синагоги с амулетом в люстре...

Их похоронили в общей могиле, и это был последний раз, когда в Тыкоцине хоронили по еврейскому обряду....

11

В саду Абрама Изера, за эстрадой, стоит Богоматерь — Дева Мария из Лурда. В белом одеянии и синем плаще. Она беспомощно разводит руками, как будто говорит: «Что я тут могу сделать? Ничего... Просто ничего...»

В гроте Массабель, где пастушке Бернардетте впервые явилась Богоматерь, она была светловолосой, с голубыми глазами.

В саду Абрама Изера глаза и волосы у нее — черные.

Может, оно и хорошо, что Ее не было здесь во время войны.

12

Действие теперь пойдет живее.

Ведьма влюбится в раввина, но у раввина есть амулет. Без труда прогонит он злую колдунью.

Ведьма посадит в темницу благонравных девиц и набожных юношей, но у тех есть волшебный мелок. Если начертить им круг, то ни человек, ни зверь не сможет из него выйти.

Ведьма, заключенная в меловом кругу, подпишет клятву, что навсегда исчезнет.

Пары молодых станут под брачным балдахином.

Гости будут кричать: «Мазел тов! На счастье!»

13

Справа, за эстрадой, стоит деревянный дом с крыльцом и цветами.

На крыльце сидела маленькая девочка.

На рыночной площади стояли польские жители города, которых согнали сюда немцы.

Одна из женщин, еврейка с арийскими документами, минутой раньше шепнула девочке:

— Беги на крыльцо. Посиди там...

Девочка сидела на крыльце.

Она издалека наблюдала за матерью, которая старалась не смотреть в ее сторону.

Девочка наблюдала за людьми, которых немцы вели к грузовикам...

Площадь опустела.

Девочка сидела на крыльце. У нее были такие же черные глаза, как у Марии из Лурда в саду Абрама Изера.

Из подвалов, из леса, из закоулков и щелей возвращались люди, которые ускользнули от облавы. К дому по правой стороне они не приближались.

В доме по левой стороне, на краю площади, местный учитель сказал жене:

— На крыльце сидит черненькая девочка.

Жена учителя пошла и пригляделась.

— Действительно, черненькая.

Спустя час она спросила:

— Сейчас пойти или когда стемнеет?

— Сейчас, — сказал учитель. — И так на нее все смотрят.

— Чего скрывать? — сказал он, когда они уже были дома. — И так все видели, как ты с ней шла...*

14

Говорит жительница дома по правой стороне :

— Девочка не просидела у нас на крыльце весь день. Моя бабушка открыла дверь ипустила ее. Они ее из нашего дома забрали.

* Девочка пережила войну. Сейчас она — профессор физики в США. Вацлав Бяловарчик награжден израильской государственной наградой, учрежденной для тех, кто помогал евреям во время II Мировой войны, — званием «Праведный среди народов ».

— Нет, с крыльца мы ее забрали! Дверь была закрыта!

— Из дома они ее забрали, из дома!

Заведующая музеем** поверила обоим. Женщине из дома по правой стороне, потому что та — добрая женщина. Мужчине из дома по левой стороне — потому что он тоже добрый человек. Все люди добрые, и всем надо верить.

Когда после окончания института девочка вернулась в город, кто-то показал ей дом купца Абрама Изера.

Она ускорила шаг.

Она не хотела ничего знать.

Она не хотела такого мира.

Она создала себе театр счастливых времен.

В счастливом мире евреи возвращаются в Тыкоцин. Птицы возвращаются на берега Нарева. Злые силы терпят поражение в борьбе с добром.

15

Когда над рыночной площадью спадет жара...

Когда актеры выйдут на эстраду...

Когда горстка зрителей, которым не захочется ни выпить, ни посмотреть сериал по телевизору, займет места перед эстрадой...

... на рыночную площадь въедет автобус.

И

Актеры будут переодеты евреями.

Зрители будут переодеты евреями.

Ведущий выйдет на сцену и скажет:

— Давным-давно, когда Тыкоцин был большим и богатым городом, жили-были ведьма и раввин.

Оба они могли творить чудеса...

И извечная борьба добра со злом начнется заново.

Тыкоцин

** Музеем, который размещается в старой тыкоцинской синагоге, заведует Эва Врочинская. Из него выйдут молодые хасиды в ермолках. Это польские парни, которые в другом польском городе надевают еврейские костюмы и поют хасидские песни.

ЯН ЛЕБЕНШТЕЙН
Иллюстрации
к Книге Иова.
Тушь, перо. 1980 г.

Янина Куманецкая

СМЕРТЬ ЗИГЕЛЬБОЙМА

В мае 1943 г., вскоре после подавления восстания в варшавском гетто, в Лондоне покончил жизнь самоубийством Шмуль (Артур) Зигельбойм, деятель еврейской социалистической партии «Бунд», представлявший ее в польском Национальном совете в изгнании [Национальный совет в изгнании заменял парламент].

Реувена Зигельбойма, брата Артура, живущего ныне в Германии, нашли создатели фильма «Смерть Зигельбойма» — вместе с ним они стремятся открыть истину, проследить ход мыслей, который привел героя фильма к этому трагическому решению. Вместе с Реувеном они разыскивают свидетелей тех дней, вместе с ним стремятся показать мотивы поступка его брата.

Шмуль Зигельбойм был одним из самых известных в довоенной Варшаве активистов «Бунда». Когда немцы захватили Варшаву, было решено, что его жизнь в опасности и он должен бежать. Его перебросили на Запад. Сначала он попал в Брюссель, потом в Нью-Йорк, и наконец, в Лондон. Тогда еще казалось, что жизни евреев на территории оккупированной Гитлером Польши ничто не угрожает. Немногие тогда знали, что такое Катастрофа. Не было известно даже, как будет выглядеть повседневная жизнь в гетто, а тем более не было представления о «производительности» газовых камер, в которых уничтожали евреев со всей Европы. Первые сведения на эту тему передавало на Запад польское подполье. Эмиссар Ян Карский пытался пробиться с этими сведениями к лидерам союзников. Побывал он и у Зигельбойма. В варшавском гетто его снабдили всей возможной документацией, вплоть до фотографий. Союзники не хотели, не могли поверить — или делали вид, что не верят. Зигельбойм поверил. Его самоубийство было следствием этого. Оно было актом бессильного отчаяния. Актом солидарности со своим гибнущим народом. Наконец, актом протеста против равнодушия мира. Единственным таким актом в то время.

Авторы «Смерти Зигельбойма» встретились со многими людьми, сняли множество интервью. Самое волнующее из них — разговор Реувена Зигельбойма с Яном Карским, снятый незадолго до смерти последнего. В ходе разговора Реуен спрашивает Карского, почему он, не еврей, взялся передать первые свидетельства о Катастрофе. «Да что там, — говорит Карский. — Не знаю. Может, я просто оказался под рукой».

И еще две заметки на полях фильма Джамии Анкевич. Первая — историческая. Во время II Мировой войны только польские подпольные организации подавали союзникам сигнал тревоги, передавая материалы о судьбе, уготованной евреям Гитлером. До вступления союзнических войск на территорию бывших лагерей уничтожения это были единственные конкретные сведения. Однако никто на них не обращал внимания. И сегодня это часто предпочитают предавать забвению.

Вторая заметка — методологическая. Документальное кино когда-то было одной из самых интересных областей кинематографического творчества в целом. Но это было давно — когда существовала возможность показывать документальные фильмы в кинотеатрах, а многочисленные международные фестивали пропагандировали короткометражные и документальные фильмы. Сегодня в кино главное место занимает коммерция, она же обычно стоит на первом месте и на телевидении. А значит, хвала Польскому телевидению не только за то, что оно участвует в финансировании таких фильмов, но и показывает их иногда в «часы пик», сразу после главных «Новостей дня» по первой программе. Этой чести, к сожалению, не удостоились передачи, посвященные культуре, как будто они предназначены лишь для телезрителей, страдающих бессонницей: их показывают где-то после часа ночи. А для некоторых, наверное, стоило бы потрудиться найти лучшее время, и мы еще будем о них писать. Документальные передачи по первой программе, особенно из цикла «Держи глаза открытыми» (куда входит и фильм Джамии Анкевич), уже не раз себя оправдали, попадая на первые места по числу смотревших их телезрителей. Однако следует добавить, что телевидение дает часть денег на их производство, а инициатива, организационный труд, съемки — все это ложится, как в данном случае, на плечи внешне-го продюсера. Остается лишь радоваться, что, к счастью, такие находятся.

Иоанна Ковальчик
Анета Вуйцишин

ОДНА ЗЕМЛЯ — ДВА ХРАМА

Выступление Равина
Михаэля Шудриха (стоит спиной).
Стоит слева направо Архиепископ Юзеф Житинский.

Люблин был некогда частью многокультурного пограничья, расположенного между Востоком и Западом. На протяжении веков в городе жили рядом две большие общины: польская и еврейская. Вторая Мировая война разрушила этот мир.

После войны память о двухкультурном, польско-еврейском облике города и его гибели исчезла из сознания жителей Люблина. На страже несуществующего города — еврейской Атлантиды — высятся ныне Гродские ворота, называвшиеся прежде Еврейскими. Через них входили в Еврейский город, и они соединяли христианский город с еврейским, будучи местом встречи двух разных культур. Сотни лет символами этих двух городов были два уже несуществующих храма, которые возвышались по обе стороны ворот: большая синагога и приходский костел св. Михаила Архангела. Синагога была духовным центром еврейского города, костел — христианского. Сегодня на месте синагоги проходит оживленная улица, а от костела осталась лишь пустая площадь. Эти храмы уже не существуют в памяти жителей сегодняшнего Люблина.

16 сентября 2000 года память этих мест-символов оживило необычное событие. Происходило это во время Конгресса христианской культуры.

Холодный, уже осенний вечер. На сохранившемся фундаменте костела собираются поляки. С другой стороны — евреи. Их соединяет шеренга людей, которые стоят бок о бок и держат свечи. Сильный мужской голос пытается при помощи громкоговорителя упорядочить густую толпу: «Прошу всех оставаться на своих местах».

— Уж наверное, каждый на своем месте, — комментирует пожилой человек с еврейской стороны, — раз мы сюда пришли, чтобы стать свидетелями примирения.

— В этих воротах, — вспоминает кто-то старое хасидское предание, — однажды, столкнулись два враждующих раввина. Им загородил дорогу воз с дровами, и они провели великолепный диспут. Сегодня встречаются раввин с архиепископом. И хотя раввину придется пройти чуть побольше, главное — плоды.

Рядом стоят евреи, уцелевшие в Катастрофе:

— Впервые мы можем в Люблине во всеуслышание сказать, что мы тут жили, что во время войны до самой Любартовской было гетто, что погибли тысячи наших братьев.

Эта встреча дает возможность залечить старые раны.

— Шли мы как-то по Люблину с нашим другом из Израиля, — вспоминает пани Хелена, которая пережила войну ребенком, — а какие-то молодые люди кричат ему вслед: «Jude

gaus!» А он десять месяцев был в Освенциме и складывал трупы!

Все единодушно соглашаются: это важный исторический момент.

20.15. Молодой парень звонит домой по сотовому телефону и тихонько объясняет: «Идите к Гродским воротам. Это что-то необыкновенное. Приходите посмотреть». На Аллее Тысячелетия останавливается движение. Гаснут фонари. Кто-то через громкоговоритель просит зажечь свечи.

20.15. Архиепископ Юзеф Житинский, митрополит Люблинский, выкапывает землю с того места, где был костел. Ровно в то же время раввин Михаил Шудрих выкапывает землю там, где стояла Синагога. Выкопанную землю в глиняном сосуде передают из рук в руки поляки, которые за спасение евреев были награждены медалью «Праведный среди народов», и евреи, выжившие благодаря им.

Ицхак Царми принимает сосуд от раввина Шудриха.

— Я родился в Люблине, на Любартовской, 61, — рассказывает он. — В 1939 году, памятного 6 сентября, после бомбардировки Люблина мы отправились на восток. Нас арестовали и сослали в Сибирь. В 1946 году в рамках репатриации я вернулся в Польшу. В 1950-м уехал из Польши в Израиль.

В Люблине Ицхак Царми — впервые с 1939 года.

Затем землю получает пани Ванда.

— Война — жестокое время, она лишила меня собственного имени и из Оксаны сделала Вандой. Но жизнью я обязана 27-летнему поляку, который, рискуя жизнью, спас меня и мою мать.

Пан Людвик и пани Кристина бежали из варшавского гетто.

— Я была тогда маленькой девочкой, меня звали Хелена Кучер, — рассказывает пани Будницкая. — Из гетто я выбралась через канализационную сеть. Я выжила одна-одинешенька

из нашей семьи в 14 человек. Родители, братья и сестры, а у меня уже были взрослые братья, — все погибли. На арийской стороне меня спасли в монастыре сестер милосердия. Я очень рада, что организована эта церемония, дабы увековечить жизнь и мученичество еврейского народа.

Дов слишком молод, чтобы помнить времена Катастрофы. Он приехал из Израиля специально, чтобы выполнить просьбу матери.

— Моя мать избегала вопросов о Польше. Она вообще не хотела со мной говорить об этой стране. Когда ей было 87 лет, она серьезно заболела. И тогда в больнице мне сказала: «Когда я выйду, мы поедем в Польшу». Она знала, что из больницы уже не выйдет. Ее слова стали для меня завещанием: поезжай в Польшу! Я приехал и стоял в ряду как «дитя спасенных».

Сосуд с землей с того места, где была синагога, переходит к следующим людям. С минуту ее держат пани Рина из Израиля, Мария, Ян, Роман и Адам, который уже не говорит польски. Они благодарят тех, кто спас им жизнь. И молят о том, чтобы ужас, который они испытали, не коснулся их детей. Наконец землю получает мэр Ришон-ЛеСиона — израильского города-побратима Люблина, — который тоже во время войны жил в Польше.

— В октябре 1944 года меня должны были вывезти в Освенцим, но 26 августа немцы сдали Бухарест. Опыт и воспоминания тех времен пронизывают меня скорбью, но, несмотря на эту скорбь, я горжусь тем, что вместе мы создаем лучшее будущее для наших детей. Однако мы должны всегда помнить о нацистских преступлениях, этого нельзя забыть и нельзя простить. И все же наше здесь присутствие подтверждает, что прошлое позади, а перед нами — надежда на лучшее будущее.

В то же самое время с того места, где стоял костел, архиепископ передает землю тем, кто во время войны спасал жизнь евреям, помня о первой заповеди — заповеди любви. «Я благодарю за это волнующее свидетельство веры», — тихо говорит архиепископ. Антоний Шмелевский, награжденный медалью «Праведный

О.
Векслер-
Вашкинель
переме-
шивает
землю.
Рядом
равин
Михаил
Шудрих.

среди народов», перечисляет имена 12 евреев, которых он спас. Пан Стефан Мазур вывел из гетто в Новом Сонче Эльжбету и Берту, а пани Ванда спасла маленькую девочку: «Я привела ее к себе. Она прожила у нас с 1942 по 1948 год. Никто об этом ребенке не спрашивал. Ее звали Роза, она родилась в Люблине, а сейчас живет в Израиле. У нее семья и четверо детей. Я навещала ее в Израиле в 1985 году».

Франтишек, Эдвард, Збигнев, Хелена и Янина только перечисляют имена тех, кто им обязан жизнью. Они говорят каждый меньше минуты, но знают, что в их простых словах действительно кроются героические решения, часы тревоги и молитвы о чужом счастье.

Тадеуш Станкевич приехал из Варшавы от имени своих родителей, которые спасли шесть человек. Один из них, Ян Шмулевич, находится здесь.

— Это было возле Ополя-Любельского, где мой отец был лесничим. Мне жаль, что родители не смогли дожить до этого момента, этого торжества, где можно дать свидетельство христианской любви к ближнему. Они не считали евреев какими-то другими, они их считали

своими близкими и во имя этой любви совершили свой подвиг.

Теперь землю с фундамента католического храма держит мэр Люблина Анджей Прушковский:

— Это волнующий момент, когда землю с места, где находился знаменитый костел, я получил из рук таких добрых, благородных, отважных людей. Людей, благодаря которым сегодня мы можем ходить с высоко поднятой головой и гордиться тем, что мы — поляки, которым в трудные моменты, когда нужно было многим рисковать, удалось преодолеть барьер страха и, рискуя собственной жизнью, помочь тем, чья жизнь находилась в опасности. Получить эту символическую землю от людей, которые сумели преодолеть ужас и страх во имя любви к ближнему, — это большая честь.

Еврей, спасшийся благодаря польской семье. Только став католическим священником, он узнал о своих настоящих родителях. Вот о. Векслер-Вашкинель смешивает в сосуде землю, привезенную из двух столь далеких, казалось бы, мест. Одну привезла делегация из Израйля.

— В книге Михея в главе четвертой написано: «И перекуют они мечи свои на орала и копыя свои — на серпы; не поднимет народ на народа меча, и не будут более учиться воевать. Но каждый будет сидеть под своею виноградною лозою и под своею смоковницею».

Затем Меир Ницан говорит:

— Те виноградные лозы, которые сегодня мы посадим рядом, на одном и том же клочке земли, вырастут и будут плодоносить, а их плоды будут доступны каждому. (...) Я понимаю всю ответственность и важность этого начинания, ибо даже сегодня еще ложатся тенью воспоминания того ужасного времени. Однако то, что мы здесь, подтверждает, что прошлое позади, а перед нами — надежда на лучшее будущее.

Мэр Люблина тоже верит, что новые растения — это символ «нового времени, когда любовь победит ненависть, времени, когда воца-

рится человеческая солидарность, а войны и страдания, приносимые одним людям другими, останутся только недобрым воспоминанием. «Блаженны миротворцы; ибо они будут наречены сынами Божиими». Будучи сынами одного Бога, не забудем об этих словах. Шалом алейхем, друзья!»

Сосуд со смешанной землей стоит под Гродскими воротами. Виноградный куст, привезенный из Ришон-ЛеСиона, посадит Наве Царми, внук уцелевшего в Катастрофе, виноградный куст из Люблина — Милена Мигут, ученица одной из люблинских средних школ.

Раввин Михаил Шудрих [говорит на ломаном польском языке]:

— Добрый вечер! Я думал, что, может, буду говорить по-английски — это мой первый и лучший язык. Думал, может, буду говорить на иврите — это язык моего народа, моей религии. Однако я буду говорить, попробую говорить по-польски — это мой третий язык. Сегодня вечером я слышал ужасную историю, горькую, печальную, о том, что происходило с евреями. Я не понимаю, как может происходить такое ужасное здесь, на нашей земле. Не понимаю! С другой стороны, я слышал необыкновенную, замечательную историю о других людях, о христианах! И тоже не мог понять, как могут быть такие добрые люди! Я не понимаю, как могут быть такие злые и такие добрые! Но я понимаю, когда смотрю на ваши лица, на нашу молодежь, я знаю на 100 процентов: благодаря вам будущее — это надежда.

Архиепископ Юзеф Житинский начинает свое выступление по-английски:

— Благодарю вас, брат раввин Михаил. Спасибо, братья, приехавшие из Израиля.

Митрополит Люблинский благодарит за общность размышлений и молитвы:

— Сегодняшний вечер раздумий и волнений — для всех нас вечер исключительный. В каждом раздумье и в каждом свидетельстве кроются долгие годы напряжения, выбора, решений проявить солидарность и любовь к ближнему. Это молодое поколение, которое находит-

Молодые люди из Польши и Израиля сажают в перемешанную землю виноградную лозу.

ся среди нас и сажает виноградные лозы, всем нам дает надежду, что на пороге третьего тысячелетия мы построим лучший мир, более справедливый.

В этот вечер мы думали о той абсурдной, примитивной форме ненависти к человеку, которую представляет собой антисемитизм. Во время Конгресса христианской культуры мы осознавали, что культура эта имеет глубокие общие корни с культурой иудейской. Во время Конгресса мы вспоминали праведного Авеля и трагедию братоубийственной занесенной руки Каина; указывали пример веры Авраама, молились псалмами, обращались к пророкам. Это и есть наши общие корни. Поэтому антисемитизм, когда он практикуется в христианской среде, принимает особенно болезненные формы, ибо становится формой агрессии против себя самих. Как если бы кто-нибудь, избивая в своем доме отца или поднимая руку на старшего брата, особенно больно бил себя самого.

Эта зелень виноградного куста дает мне надежду, что мы вступаем в новые времена.

(«Спойжене»)

Ежи Помяновский

ПОХМЕЛЬЕ И КЛИН

Венедикт
Ерофеев
«Почти
полное
собрание
сочинений».
Шмуцтитул.
Рис.
Д.Шевиюнков-
Кисмелов

Несколько лет назад Ян Гондович — критик, чьих новых статей я нигде не могу найти, — прочитал книгу вроцлавского литературоведа Тадеуша Климовича «Путеводитель по современной русской литературе и ее окрестностям (1917-1996)» и с подлинной горечью написал следующие слова: «И это все?... (...) Все, что осталось от невиданной плеяды талантов? (...) Все, что было начато «Двенадцатью» Блока и завершилось «Архипелагом ГУЛАГ» Солженицына, оказалось всего лишь ненужной беллетристикой несуществующего государства?»

«Почти полное собрание сочинений» Венедикта Ерофеева, изданное на польском языке в Кракове, принадлежит к выдающимся явлениям, несколько смягчающим эту горечь.

И таких книг довольно много — хотя следует признать, что большинство из них не умещаются в рамки «беллетристики этого государства», ибо они возникли в СССР наперекор системе предписаний и запретов, обязательных для всех его гражд-

дан, а уж тем более — для инженеров их душ. Доказательством может служить длинный мартиролог репрессированных писателей. Однако эта система послужила также *отправной точкой* и предоставила богатый материал для созданных ими произведений, которые связаны с этой системой окончательно и бесповоротно, и узами более крепкими, чем литература верноподданническая и настоятельно рекомендуемая для массового чтения. Эти книги невозможно отделить от истории советской людской массы — хотя бы потому, что они являются основным свидетельством состояния духа этой массы в течение долгих 70 лет ее истории. На фоне замечательной русской классической литературы, идейное звучание которой не удалось вытравить никакими купюрами и положенными интерпретациями, было легче распознать официальную ложь. Поэтому, а также по другим широко известным причинам литература осталась для жителей России предметом первой необходимости.

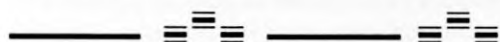
В этих условиях цензура становилась злейшим врагом общества, вторгающимся в последнее прибежище воображения, в то потайное место, которое каждому хочется сохранить для своих — пусть уже не мыслей, но хотя бы пристрастий. Именно эта вездесущность цензуры привела к появлению двух феноменов, значение которых выходит как за пределы той сферы, которая обычно именуется политикой, так и за пределы СССР.

Первым из них был *самиздат*. Напомним, что он появился в России намного раньше, чем в других странах «социалистического» лагеря, несмотря на то, что там это было сопряжено с гораздо более серьезным риском. Вторым было парадоксальное и доселе невиданное расширение области запретных и дерзких литературных начинаний: они стали затрагивать далекие от политики (и от так называемой порнографии) стороны частной жизни, а также вопросы стиля в каждом смысле этого слова. Последней и самой глубокой линией обороны движения литературного сопротивления оказалось описание таких видов поведения, кото-

рые просто-напросто выходили за пределы общепринятых норм.

Книга, о которой здесь идет речь, представляет собой крайний, почти абсурдный пример эффективности такого способа преодоления норм и запретов.

В польское издание (великолепно составленное незабываемым Анджеем Дравичем) включены не только два законченных и широко известных («В 19 странах!» — восклицает автор в письме к сестре) произведения — повесть «Москва—Петушки», названная автором «поэмой», и пьеса «Вальпургиева ночь, или Шаги Командора». Мы находим здесь частные письма, набросок еще одной пьесы, эссе о Розанове, выписки из сочинений и приказов Ленина, а также подборку собственных афоризмов Ерофеева.

Эти последние — как, впрочем, те же выписки и письма — свидетельствуют о широкой начитанности, глубоком знании истории и музыки, тонком вкусе и прежде всего — огромной проницательности и политической твердости автора.

Записные книжки писателей, как правило, дают больше пищи для размышлений, чем их книги. Особенно в России — по все еще понятным причинам. «Записные книжки» Ильфа интереснее, чем сами литературные шедевры, соавтором которых он был, — «Двенадцати стульев» и «Золотого тельца».

И записки Ерофеева не обманывают ожидания читателя.

Из Ленина он выписывал *pro memoria sua* в основном распоряжения о репрессиях и призывы к беспощадности, адресованные товарищам по партии. Немаловажно, что самая длинная цитата посвящена российской интеллигенции. В письме Горькому Ленин поучает своего (тогда еще строптивого) адресата: «Интеллектуальные силы рабочих и крестьян растут и крепнут в борьбе за свержение буржуазии и ее пособников, интеллигентиков, лакеев капитала, мнящих себя мозгом нации. На деле это не мозг, а говно». Высказывание известное, но здесь производящее особое впечатление. Его дополняет другое указание: «...будьте образцово-беспощадны».

Из собственных «золотых мыслей» автора приведем три:

«И вообще: что значит «последнее слово». Мы живем в мире, где следует произносить слова так, будто они — последние. Остальные слова — не в счет».

«Видимо, я не вставал просто потому, что другие вставали чрезмерно».

«Я тучен душою. Мне нужны средства для похудения: ничегонеделание, сужение интересов и пр.».

Но для самой важной мысли он позаимствовал цитату из Флобера: «Написать книгу, которая держалась бы исключительно на внутреннем достоинстве стиля».

Венедикт Ерофеев написал такую книгу — и только ее написать и успел. Это «Москва—Петушки». И неважно, что с ней не могут сравниться другие его произведения, как законченные, так и едва начатые. Одной этой книги достаточно, чтобы обеспечить автору высочайшее и достойное место в истории современной литературы.

Эта небольшая книжка, «*томов премногих тяжелей*», в обиходной легенде считается сублимацией пьяного бреда, изобилующей забавными «сохмами» и дополненной убийственно смешными рецептами коктейлей. Конечно же, по стилю она представляет собой «стёб», а по форме — шутливый монолог, в котором бесцеремонная дерзость прикрывается шуткой. Другой Ерофеев (Виктор), романист и критик, говоря о коллеге по перу с восхищением (и его родной сестрой, завистью), утверждает, что это издевательское отношение к жизни ведет свое начало от религиозной традиции *юродивых*, то есть одержимых, которые в трансе глумились над святыми и царями. Заметим, что привилегией глумиться над сильными мира сего были наделены шуты при всех европейских дворах; к тому же наш автор мнил себя знатоком католической теологии и тем напоминает нам не кого иного, как короля поэтического абсурда и насмешки Константы Ильдефонса Галчинского (и это не просто ни на чем не основанное упрощение).

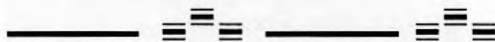
Но если стоять на более твердом грунте, то нетрудно отыскать и более близкие и более литературные корни тона и формы необычайной повести Венички Е. о незаконченном и бесцельном стотридцатидевятикилометровом путешествии с Курского вокзала в Москве в недостижимые Петушки. Я не думаю, что стоит принимать всерьез утверждение автора, будто он написал свою по-

эму «нахрапом», между 19 января и 6 марта 1970 г., на работах по укладке кабеля из Шереметьева в Лобню. Не исключено, впрочем, что он для развлечения действительно читал ее своим товарищам по работе на кабельной трассе.

На самом деле перед нами тщательно отделанная вещь, где каждая деталь имеет свое старательно подобранное место и все ружья, поразившие в первых ее фрагментах, успевают выстрелить перед самым концом. Начиная с истории о Кремле, которого рассказчик никогда в жизни не видел, потому что по дороге «неизменно попадал на Курский вокзал». Но в конце концов он до Кремля доберется — лишь для того, чтобы погибнуть под его стенами от рук четырех убийц, с шилом, вонзенным в самое горло...

Как известно, автор в 80-е годы заболел и мае 1990 г. скончался от рака горла. Но это деталь из его легенды, а не из книги...

Как многие русские писатели, Венедикт Ерофеев вышел из гоголевской «Шинели» — но не до конца вышел, а лишь выскользнул. Он так и не дошел до того момента, когда автор «Шинели» на исходе своей несчастной жизни написал знаменитую фразу о пользе цензуры. Он опубликовал ее в «Выбранных местах из переписки с друзьями» еще до того, как решился швырнуть в огонь рукопись второго тома «Мертвых душ» — книги, которую назвал «поэмой».

Венедикт Ерофеев взял у него для своей книги не только подзаголовок. Он позаимствовал также гоголевский прием контраста между суетностью и мелочностью (как не хватает нам в польском языке русского слова «пошлость»!) описываемых случаев и встреченных людей — и картиной всей русской жизни, вызывающей восхищение, смешанное с отчаянием. Этот образ в конце захватывает читателя почти с той же мощью, с какой — у Гоголя — мчится тройка разыгравшихся коней, несущая Россию в неизвестность.

Примерно в то же время, когда Гоголь писал свою поэму, в России зародился слой общества, известный (только в той стране да еще в нашей!)

под именем *интеллигенции*. Одной из задач, которые она перед собой поставила, было предугадать, куда именно эта *тройка* несет Россию. Но небольшая часть этого слоя решила применить к коням и людям кнут, чтобы раз и навсегда силой установить маршрут движения экипажа.

Ерофеев на дух не переносил получившийся «локомотив истории» и его машинистов. Он говорил: «Из года в год урожай все выше, стали и проката все больше, производительность труда возросла просто умопомрачительно. Мать моя, когда это все кончится?» Не в силах дожидаться этого «конца», он пил от тоски и ощущения бессмысленности такого существования — это правда. Я не верю, что он в такие минуты мог писать: вся его поэма, рассказанная беспробудным пьяницей, является собой, как свидетельствуют приведенные примеры, образец чистоты стиля и трезвости мысли. Но можно согласиться, что он писал ее в состоянии *похмелья*. Речь идет о состоянии отвращения к самому себе и к миру, в котором нельзя обойтись без бутылки. Или без крепкой начальнической палки, чтобы на нее опереться.

Интеллигенция — а Ерофеев был ее образцовым представителем — вслед за историческим переломом десятилетней давности попыталась уговорить население России пройти курс лечения от застарелого алкоголизма. При этом она на все лады склоняла иностранные слова, не потрудившись сообщить людям рецепт для приема таких лекарств, как свободный рынок, свобода слова, либерализм и т.п. Хуже того — за лечение взялись доморощенные знахари, «на глазок» определявшие дозировку целебных смесей и заботившиеся только о том, чтобы продать их с выгодой для себя.

Результатом стало похмелье и почти всеобщее отвращение к разрекламированным патентованным средствам. В результате сегодня в России мы наблюдаем давно известное, но сегодня ставшее грозным явление: чтобы избавиться от похмелья, люди по-прежнему хотят найти клин, и как можно крепче. Дай-то Бог, чтобы этим клином был только коктейль «Дух Женеви» (одеколон «Белая сирень», средство от потливости ног, пиво жигулевское, лак спиртовой). Но достаточно почитать Ерофеева, чтобы осознать, что каждый клин лишь вгоняет пациента обратно, в ту же застарелую болезнь.

Марек Василевский

ПРИЗРАК СВОБОДЫ

Польское искусство на пороге XXI века

Нелегко ответить на вопрос, каково оно, польское искусство конца XX века. Возможно, самый подходящий ответ дал еще в 70-е Ежи Людвинский, критик и руководитель исторической галереи «Под Моной Лизой». Он сказал тогда, что искусство — оно всякое. Это означает многообразие равноправных тенденций. Конечно, можно попытаться выделить те направления, которые в данный момент наиболее заметны, и те, которые, несмотря на ослабевающий интерес средств массовой информации, не утрачивают своей ценности и активности.

События 1989 г. создали для искусства в Польше совершенно новые условия. Политическая и экономическая свобода привела к тому, что Польша открылась миру в степени, до той поры невероятной, и, пожалуй, мы это еще не вполне осмыслили. Появилась возможность не скованного цензурой издания журналов, организации учреждений и объединений. Это, разумеется, не означает, будто произошел какой-то неслыханный взрыв, родились новые учреждения или журналы. Кончилось время, когда издания по искусству допускались из милости, когда даже проект пригластного билета на выставку проходил цензуру. Зато цензура появилась нынче в других обличьях. Управление контроля публикаций и зрелищ заменено предварительной цензурой и самоцензурой нравов, осуществляемой то из-за воображаемых угроз со стороны Церкви, то во имя ложно понятых приличий. В то же время чрезвычайно отраден факт существования сети небольших и, по замыслу, некоммерческих авторских галерей (организованных в основном самими художниками), которые рассеяны по всем крупным городам Польши. К ним относятся, например, «Галерея восточная» («Восточная галерея») в Лодзи (название происходит от Восточной улицы, на которой она находится), «Галерея бяла» («Белая галерея») в Люблине, галереи «QQ» в Кракове, «AT» и «ON» в Познани, «Выспа» («Остров») и Центр современного искусства «Лазня» («Баня») в Гданьске. Стоит добавить, что многие из них имеют уже более чем двадцатилетнюю историю. Одни сущест-

вовали в частных квартирах, мастерских художников, другие использовали помещения, предоставленные университетами для «студенческой самодеятельности».

После 1989 г. получили возможность открыто существовать такие галереи, которые договорились о помещении и дотациях с органами местного самоуправления. Хотя галереи эти остаются в тени таких важных салонов, как «Захента» или Центр современного искусства в Варшаве, именно здесь, благодаря бескорыстной деятельности их организаторов, дебютируют молодые художники и определяется будущее польского искусства — без цензуры, без оглядки на то, что скажет воевода, епископ или профессор из Академии художеств. Конечно, воздействие таких галерей элитарно, их аудиторию составляет весьма узкий круг, в который, как ни странно, обычно не входят молодые искусствоведы — те, кому когда-нибудь придется писать об этих явлениях. Еще несколько лет назад не было никаких шансов на то, чтобы информация о таких галереях пробилась в газеты, а сегодня акции, организованные авторскими галереями, — постоянная тема сообщений в местной прессе, что существенно улучшает их социальную репутацию, подтверждает основательность в глазах потенциальных спонсоров.

Уже несколько лет художники — организаторы авторских галерей сотрудничают между собой, создавая неформальную сеть, обмениваясь информацией и, главное, устраивая совместные выставки. Все чаще они единодушно выступают против официальных учреждений. (Многие из этих галерей можно посетить в интернете на страницах сайта www.free.art.pl).

Гораздо хуже обстоит дело с журналами и книгами по современному искусству. Книг на эту тему почти не издают, так как их тиражи не гарантируют прибыли, а действия, противоречащие экономическому расчету, становятся в нашей стране все менее возможными. Журналы, посвященные современному искусству, сталкиваются в Польше с такими же финансовыми проблемами. Как и

Катажина
Козыра
*Кровные
узы*

в других европейских странах, главный источник их финансирования — бюджетные дотации, но дотации поступают с перебоями по причине сложностей с государственным финансированием (всегда же есть более важные потребности, например, здравоохранение). Журналы утрачивают свой главный козырь: они выходят нерегулярно, не в состоянии оперативно информировать о том, что происходит в искусстве. Читатели раздражены постоянным запаздыванием, неактуальностью периодики, они утрачивают интерес, из-за чего нарастает финансовая нестабильность журналов, рассчитывающих на рост числа подписчиков. Относительно лучше других справляется с этой ситуацией двуязычный кварталник «Exit», посвященный новейшим явлениям польского искусства. Однако самое четкое предложение сформулировал «Магазин штуки» («Журнал искусства»), выходящий в частном издательстве Рышарда Зяркевича. Этот журнал решительно связал свою судьбу с радикальными тенденциями политического искусства и течением, которое критики называют «постмодернизмом сопротивления». Он занял вполне конкретную позицию в дискуссии, которая развернулась сегодня в польской культуре.

Всякому наблюдателю ясно, что в Польше происходит принципиальный идейный спор о допустимости различных художественных методов. Многие авторы прямо утверждают, будто то, что считается современным искусством, — вообще не искусство, а то, что выставляется в галереях и

музеях западного мира, — некая дегенеративная мутация. Критиков и художников, вступающих в диалог с так понимаемым искусством, часто считают бездумными эпигонами декаданса. Атмосфера для визуальных искусств в Польше неблагоприятна. Относительная терпимость нередко перерождается в открытую враждебность. Уровень дискуссии становится удручающим, если ведущие газеты страны ставят вопрос о том, заслуживает ли вообще имени художницы та художница, что представляет Польшу на венецианском Бьеннале. Такое положение вещей не должно удивлять, если мы вспомним, что Польша — страна слова, что здесь культура отождествляется прежде всего с миссией писателя, а писателю в течение последних двух столетий приходилось играть роль пророка, который поставлял своим читателям мифы, дабы укрепить ими рвущуюся ткань общества. Поляки отлично научились читать своих поэтов между строк, аллюзия и литературная метафора — основная пища потребителя культуры. Однако, когда вступает в игру высказывание чисто визуальное, мы как общество безграмотны. И хотя, конечно, мы живем не в каком-нибудь городе слепцов из романа Хосе Сарамбо, вполне очевидно, что смотреть нас никто не научил.

Сегодня политические проблемы — не те, что десять лет назад. Это не проблема зависимости от другого государства, не вопрос о существовании профсоюзов или о праве на свободные выборы. В 80-е политической считалась сама втянутость в кон-

фликт между властью и оппозицией. Теперь политические темы — это, например, отношение к детям с другим цветом кожи, подбирающимся на улицах наших городов; степень откровенности при демонстрации своего пола и сексуальной ориентации; контекст, в который художник помещает фигуру, ассоциирующуюся с объектом религиозного культа. Политическим становится противопоставление свой/чужой, политическими становятся высказывание по вопросам религиозного мировоззрения или направленная против него провозакация.

Легко заметить, что «политическое», то есть то, что становится предметом острых дискуссий, резких выступлений депутатов и журналистов, близко к трудноуловимой сфере мифа. Более того, защищая этот миф, демократическое общество отменяет гражданские свободы и начинает говорить на языке репрессий, цензуры, запретов и приказов. « Попрошу не говорить о пределах свободы в искусстве и прочей галиматъе », — заявил депутат из Познани в 1996 г. во время обсуждения одной из выставок в городской галерее. Оказывается, свобода высказывания, один из основных догматов демократии свободного рынка, благодаря которой этот депутат получил свою должность на свободных выборах, — не что иное как « галиматъе ». То же самое было в 1999 г., когда подвергли цензуре выставку Зофьи Кулик « От Сибири до Киберии » в Национальном музее в Познани. Название казалось многообещающим, предсказывая попытку художественной оценки XX века. Того века, который воспринял знакомый польским ссылкой ужас Сибири и рационализировал его в форме лагерей уничтожения, чтобы в конце концов вступить в мир, состоящий из виртуальных цифровых записей. Киберия — это возбуждающий смешанные чувства мир мультимедийных информационных каналов, в котором трагедия и развлечение, правда и вымысел сливаются в единый хаос « сообщений ». Лучше всего это видно на примере последней, 1999 г., работы художницы — фотоколлажа из мелких стоп-кадров, взятых из польского и российского телевидения.

Искусство Зофьи Кулик заинтересовало меня — особенно зал, где была представлена серия из нескольких сот фотозтудов мужской модели. Сдержанная, формально зрелая работа, источником вдохновения которой служит практически все наследие европейского искусства, в особенности его

классические и классицистические образцы. Эти фотографии дают представление о мастерстве художницы и о том алфавите знаков, из которого она строит свои работы, но также и о наших разветвленных культурных корнях. Безусловно, не случайно в феврале 1999 года в познанском « Арсенале » была показана выставка, представлявшая дуэт художников — Зофьи Кулик и Пшемислава Квека, которые начали свою деятельность еще в 1967 году. Одна из их провокационных художественных акций, замыслом которой было столкнуть искусство с повседневностью и зарегистрировать это событие с помощью фотоаппарата, закончилась арестом Квека перед могилой Неизвестного Солдата в феврале 1970-го. В 1971-1987 гг. Зофья Кулик и Пшемислав Квек работали вместе, составив дуэт « КвеКулик ». Они устроили у себя в квартире альтернативную неофициальную « Мастерскую действий, документации и распространения ». В 1975-1979 гг. за художественную деятельность им отказывали в выдаче загранпаспортов и запрещали выставляться на территории Польши; впрочем, некоторые местные начальники этот запрет игнорировали. Свое искусство Зофья Кулик и Пшемислав Квек определили как « реакцию на события, особенно дурные ». Их интересовала сфера конфликта между человеком и учреждением, механизмы функционирования межчеловеческих отношений и то, как вещи определяют наше место в мире. Их творчество — это несколько сот черно-белых фотографий и несколько сот цветных отпечатков « Сибахром » с диапозитивов 1984-1987 годов.

Однако вернемся к выставке Зофьи Кулик в Национальном музее в Познани. Удивление зрителей вызвало пустое пространство в демонстрационном холле музея, которое образовалось после того, как дирекция подвергла цензуре работу, состоявшую из серии снимков мужских гениталий в натуральную величину. Забавным может показаться тот факт, что гениталии были не настоящими, а... мраморными: это были фрагменты сфотографированных статуй из собрания петербургского Эрмитажа. Тот факт, что музей цензурирует изображения, составляющие часть собрания другого музея, мог бы послужить сюжетом для весьма скверного анекдота из жизни мракобесов.

Схожая участь постигла и плакат Катажины Козыры « Узы крови ». Что знаменательно, речь идет даже не о произведениях, сколько-нибудь непри-

Зофия
Кулик
*От Сибири
до Киберии*

стойных или вульгарных в понимании консервативной эстетики, но о работах, которые метко разоблачают некие основополагающие общественные мифы. В случае Зофии Кулик это возросло о функционировании изображений мужского тела в искусстве, дополнительно усиленный связью с ролью музеев и находящихся в них классических экспонатов. Фотография Козыры затронула другую необычайно важную область, а именно вопрос о том, кому принадлежат религиозные символы и кто имеет право регламентировать их употребление, даже в случаях, казалось бы, столь отдаленных, как символ «красного креста». На плакате изображены две обнаженные девушки, причем одна из них лежит на фоне красного креста в окружении кочанов капусты, а другая вписана в красный полумесяц, который с одной стороны ограничен полосой головок цветной капусты. Композиция построена прежде всего на равновесии: девушки на фотографии — сестры, и обе они, каждая по-своему, увечны. Красный крест и полумесяц (символы великих монотеистических религий), помимо родства символизируемых ими благотворительных организаций, связаны красным цветом крови; между цветной и обычной капустой тоже много общего, хотя они различаются «цветом кожи». Представляется, что эта взвешенная, далекая от провокационной эротики и очень эстетичная композиция не должна была вызвать особых эмоций, особенно если сравнить ее с рекламными вывертами на плакатах с сигаретами или пивом.

Другой пример провокации политического характера — попадающийся на улицах плакат, спроектированный гданьской группой ЦУКТ (Центральное управление технической культуры). На плакате изображена смоделированная на компьютере идеальная кандидатка на пост президента

госпожа Виктория Цукт. Плакат снабжен надписью «Президент 2000» и лозунгом «Политики излишни». На эту провокацию весьма нервно отреагировал известный политик Петр Новина-Кнопка, который в своей колонке на страницах популярного еженедельника «Впрост» написал, что лозунг этот настолько абсурден, что он даже не смог его запомнить: амнезией он вынужден защищаться от безумств этого мира, и, если бы он должен был запоминать все идиотские лозунги, ему пришлось бы перестать выходить на улицу. Что же так поразило этого, казалось бы, разумного представителя общественной жизни? Плакат ЦУКТа необычайно метко ударил по политическому классу, который находится еще на этапе выработки своей мифологии и не представляет себе общества без своего участия.

Конец столетия изобиловал в Польше спорами о современном искусстве. Пресса, радио и телевидение состязались в репортажах и корреспонденциях на тему двух выставок в одной из важнейших польских галерей — варшавской «Захенте». В стороне от дискуссии не остался и парламент, где, как подсчитал один из комментаторов, чуть ли не каждый пятый депутат считает себя компетентным в вопросе замещения должности директора вышеупомянутой галереи. В других условиях интерес масс-медиа и политиков к искусству был весьма похвален, однако тут мы имеем дело с действиями на грани фильма ужасов и политического фарса.

Героем первого скандала в «Захенте» был молодой польский художник Петр Укланский, который представил цикл фотографий под названием «Нацисты». На снимках были лица известных актеров в гитлеровских мундирах. Концепция выставки опиралась на известный парадокс привлекательности нацистского мундира, описанный некогда Сьюзен Зонтаг в эссе «Захватывающий фашизм». Привлекательная кокетливость этого синонима зла заметна в голливудских фильмах о войне: ведущие актеры просто из кожи вон лезут, чтоб хоть на минутку под малейшим предлогом влезть в шедевр немецких портных. Гром грянул, когда один из киноартистов, увековеченных на выставке, бросился на экспонаты с саблей. Вслед за этим послышались возмущенные голоса о том, что выставка якобы пропагандирует гитлеризм (sic!) и что она — пощечина Варшаве, которая столько претерпела от гитлеровцев. Не знаю, почему общественное

мнение в голос заверяло, что чары немецкого мундира на нас не действуют, коль скоро в то же самое время по телевидению гоняли рекламу, в которой электроволновые печи расхваливал тип в мундире гестаповца из культового в Польше сериала, где все были одеты в немецкую форму. Похоже, что художник, сам того не желая, угодил в разные не до конца выясненные комплексы, которые подлежат лечению в процессе какого-то общественно-психоанализа.

Еще большее замешательство вызвала работа итальянского художника Маурицио Каттелано «Девятый час», которая была показана в рамках выставки к столетию «Захенты». В этой работе представлен Папа Иоанн Павел II, придавленный метеоритом. Несмотря на то, что произведение Каттелано оставляет очень широкое поле интерпретации и побуждает к размышлениям о феномене образа Папы в современном мире, несмотря на то, что даже представители католической Церкви однозначно указали именно на такие возможности ее прочтения, скандала избежать не удалось. Двое депутатов парламента от правящей ИДС разрушили произведение. Так в свое столетие «Захента» стала ареной споров и художественных провокаций, которые обнажили истинное интеллектуальное состояние польского общества лучше, чем любые эссе, написанные в 90-е годы.

Однако я хотел бы обратить внимание на другую, гораздо менее заметную провокацию, которую устроил на трассе Познань—Берлин Хуберт Черепок. Польский отрезок шоссе — известное место торговли и дешевой проституции. Через каждые несколько километров попадаются ларьки с садовыми гномами, которых обожают немцы, где можно купить сигареты, спаржу и прочие товары. Картонные щиты призывают делать покупки. Художник добавил к уже существующей рекламе собственные лозунги: «Всех ожидает смерть», «Конец уже близок», «Мы превращаемся в прах», «Возврата нет» и тому подобное. Все надписи были сделаны на немецком языке и адресованы немецким туристам, делающим по дороге покупки. В своей провокации Черепок не касается, быть может, центральных проблем нашей жизни. Скорее он обращает внимание на дела с виду второстепенные, — такие, как полупроизводственная торговля, цивилизационная граница двух миров (причем наша страна — по «худшую» сторону границы). Эта акция, полная язвы-

тельно-ироничного юмора, вызвала среди ее адресатов удивление или взрывы истерического смеха. В то же время художник показал, что, используя очень скромные средства, порой можно достигнуть просто потрясающего эффекта.

Когда я пишу о «90-х годах в польском искусстве», мне вспоминается изданная познанской галереей «Арсенал» одноименная книга Гжегожа Дзямского. Это сборник рецензий и размышлений, которые автор «Авангарда после авангарда» публиковал последние десять лет. Не знаю, заключена ли авторская ирония в том, что публикацию эту открывает рецензия на давно всеми забытое мероприятие под названием «Интерарт», происходившее некогда на территории Познанской международной ярмарки. Никто не любит вспоминать, как смешны мы были когда-то, а ведь всерьез устраивать «ярмарку искусства социалистических стран» было делом именно смехотворным. Уже само понятие «рынок искусства» — в социалистических странах классический оксюморон. «Интерарт» 1990-го был особенным: по иронии судьбы, именно первый «Интерарт», отбросивший гротескное определение и назвавшийся просто ярмаркой искусств, стал последним. Кончился социализм — кончилась ярмарка искусств. Ну разве не комично? Социализм специализировался на производстве фиктивных существ. Гостем седьмого «Интерарта» была директор Франкфуртской ярмарки Анита Кеги. В своей лекции для польской публики она упомянула, что, по оценке западных экспертов, странам Восточной Европы потребуется 6-7 лет на то, чтобы создать настоящий рынок искусства. Я готов дать голову на отсечение, что, если бы госпожа Кеги посетила нашу страну сегодня, она бы с чистой совестью повторила то же самое. В 1990 г. семь лет ожидания казались почти пожизненным приговором. Сегодня это реальная перспектива. Возможно, лет через шесть-семь на польском рынке произойдет прорыв. Похоже, что 90-е годы в искусстве, как и во всей польской культуре, — это период крупных переоценок, когда неохотно уходят старые, сформировавшиеся в иных условиях поколенческие формации и появляются совершенно новые подходы, для многих с трудом приемлемые. Это касается не только формального аспекта рождающихся произведений, но и самого определения искусства, самого понятия «художник», каков он есть в современном мире.

Лешек Шаруга

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Мне по-прежнему трудно привыкнуть к мысли, что **«Культура»** Ежи Гедройца уже принадлежит истории, что никогда больше не придется мне приниматься за чтение ее очередного номера. Но это отнюдь не значит, что **«Культура»** перестала играть свою роль — наоборот, она остается важной точкой отсчета для польской созидательной мысли. Возможно, когда будущие исследователи станут анализировать влияние Гедройца на нашу действительность, окажется, что последнее десятилетие его деятельности было по крайней мере столь же важным, если не важнее, чем предыдущие сорок с лишним лет работы в эмиграции. Журнал, возникший в изгнании, выработал программу для независимой Польши и после 1989 г. своими публикациями стремился эту программу осуществить. В этом контексте всякий жест представляется важным, даже отказ редактора принять высшую польскую награду — орден Белого Орла. Именно в таких жестах выражалась независимость **«Культуры»**, о которой пишет в последнем номере журнала, изданном после смерти Гедройца, Кшиштоф Помян. В статье «Ежи Гедройц в истории Польши» (**«Культура»**, 2000, №10) мы читаем:

«В период Меровского **«Культура»** определила свои позиции по отношению к будущему устройству Польши, безоговорочно выступив за демократию западного типа. В этом будущем Польше предстояло стать частью Европы. Тем самым отвергались все варианты тоталитарного и авторитарного мышления: коммунистического, что ясно само собой, но также традиционалистского и национал-демократического, имевших еще весьма влиятельных приверженцев в эмиграции. Демократия в понимании Гедройца и Меровского не должна быть ни «народной», ни «национальной». Она должна основываться на признании политического конфликта явлением нормальным, и вместе с тем — на признании оппозиции неотторжимым составным элементом общественной жизни, на принятии за правило, что сегодняшняя оппозиция завтра может перенять бразды правления. Это значит, что политика — отнюдь не продолжение гражданской войны иными средствами, но нечто иное, нежели гражданская война; а это требует раз и навсегда оставить любые попытки уничтожить противника если не физическими, то правовыми мерами. В этом пункте программа Гедройца и Меровского еще ждет своего осуществления, ибо среди актеров польской политической сцены по-прежнему остаются такие, кто мечтает о бесконфликтном обществе, объединенном одной верой и управляемом одной партией с одним вождем. Для них заниматься политикой означает вести войну — свидетельство того, что тоталитарные унаследования по меньшей мере не исчезают бесследно. Ждут своего осуществления и другие пункты этой программы. В ней выдвигалась идея государственной администрации — разумеется, подчиненной контролю представительных органов, но исключенной из политических игр, правовой и потому способной обеспечить общественный порядок и соблюдение демократических процедур на всех уровнях. Польша от этого еще очень далека».

Так ли это? В большой статье, озаглавленной «Война наверху» (**«Пшеглэнд политичный»**, Гданьск, 2000, №46/47), Павел Спекан анализирует самое начало первого десятилетия польской независимости. Понятие «войны наверху» появилось в польской политике с

1990 г., когда в тех верхах общества, что вышли из «Солидарности», начали вырисовываться разногласия, а правительство Тадеуша Мазовецкого воспринималось как попытка монополизировать бывшую демократическую оппозицию. Спевак пишет:

«Эту политическую альтернативу правительству Мазовецкого и линии, представленной в СМИ Брониславом Геремком и публицистами **«Газеты wyborczej»** и **«Тыgodnika powszechnego»**, четко и решительно сформулировал сенатор Ярослав Качинский, пожалуй, самый влиятельный политик из тогдашнего окружения Валенсы. (...) Совершенно ошибочным и просто опасным Качинский счел замысел создать на основе «Солидарности» партию, действующую также с опорой на часть молодого аппарата ПОРП. Такого рода объединение позволило бы, говорил он, действовать вне всякого политического контроля, в течение долгого времени «кооптируя» новых лидеров только по собственным решениям. Такая группировка получила бы полную монополию власти, оправдываемую тем, что она-де представляет европейские ценности, а все остальные — темнота. Результатом появления такой правящей верхушки и такого стиля управления стал бы раскол на две Польши: Польшу «европейцев» и Польшу, сгруппированную вокруг Церкви, орудующую лозунгами независимости и злоупотребляющую национальной и католической символикой. (...) Нужна была альтернатива лагерю Мазовецкого, которая представляла бы демократические взгляды, стояла на стороне модернизации и вместе с тем нарушала политическую монополию единственной силы».

Однако таким образом разделенный лагерь «Солидарности» должен был, напомним, считаться с реальностью. Еще не был окончательно решен вопрос объединения Германии, в Польше все еще стояли советские войска, продолжала существовать ПОРП, не было ясно, будет ли открыто обсуждаться коммунистическое прошлое:

«И вот в начале 1990 г. Михник указал нового, главного врага демократических преобразований: национализм и идею «католического государства польской нации». Депутат Сейма и главный редактор **«Газеты wyborczej»** утверждал, что национализм — это плод «агонизирующего тоталитаризма» и ведет прямиком в «ад национальных страстей» и далее — к «военно-националистическим диктатурам». В посткоммунистической Европе идет битва (Михник увлекался боевой стилистикой и своим собственным ясным, манихейским языком) между гуманизмом и национализмом, европейским и изоляционистским духом. Этот текст был прочитан на научной конференции в Вене, а потом и в других странах. За этими словами стоял авторитет видного диссидента и публициста. Для внешних наблюдателей это усиливало значение текста Михника как прямого предостережения, предвестия погромов и непредсказуемых катаклизмов».

Так, в общих чертах, расставлялись акценты политической мысли на пороге новой независимости:

«Никто, будучи в здравом уме, не утверждал, что затраты на экономические реформы будут низкими, и с самого начала было ясно, что приведенные в движение экономические силы приведут к глубоким преобразованиям не только умов, но и социальной структуры. Начали все смелее писать о новом среднем классе, хотя пока он был скорее идеологической концепцией, нежели социологически наблюдаемой реальностью. Отдавали себе отчет в безработице и пауперизации многих групп населения, но в то же время лишь немногие оперировали понятием социальной справедливости или лозунгами равенства, по-прежнему считая их продуктом социалистического мышления. Все довольно дружно твердили, что

зрелая партийная система будет возможна тогда, когда заново сформируются новые социальные границы (какие — в компетенцию комментаторов не входило), а вместе с ними выявятся групповые интересы. Никто не сомневался, что пройдет много времени, прежде чем появится слой современных, профессиональных политиков (ах, как тогда любили писать о профессиональных политиках), свободных от ветеранских антипатий, и что нужно очень много времени на появление новых промышленных кадров. (...) Несмотря на это сходство взглядов, представлений и целей основных политических партнеров того периода (...) пожалуй, можно смело говорить, что кристаллизировались два типа легитимации нового устройства. Первый из них я связал бы с Михником, редакциями **«Газеты выборов»** и **«Критики»**, отчасти — с окружением Мазовецкого (...) который создавал новое устройство, опираясь на то, что я называю «либеральным минимумом». Перечень либеральных добродетелей, конечно, очевиден лишь приблизительно: это свобода мысли, объединений, политический и культурный плюрализм, правление закона, принцип постепенности и эволюционизма в политике и вытекающие отсюда заповеди реализма и ответственности; подчеркнуто ценямая социальная и политическая сплоченность. (...) В рамках объединения, где определяющими были эти принципы, находилось место для «неверующих левых», либералов в области культуры, традиционных интеллигентов и «открытых католиков», или (...) «протестующих либо нетерпеливых католиков». Противостояли этому либеральному минимуму в те времена национализм, захолустность, антиевропейская настроенность, шовинизм, коллективизм да и вообще все, что связывалось с психологией массового общества и составляющих его людей: иррациональность, власть эмоций, податливость на популистские лозунги и готовность ими пользоваться, демагогия, идеологическое мышление, фундаментализм, умственное сектанство. Второй тип легитимации нового устройства, представленный людьми вокруг Качинского, **«Тыгодника Солидарность»**, журнала **«Лад»**, основывался на антикоммунизме: новый экономический и правовой порядок должен был созидаться в полном разрыве со всем, что способно сойти за реальный социализм и марксистскую идеологию. Главным противником эта группа считала вчерашних коммунистов, старую номенклатуру (в том числе спецслужбы бывшей ПНР), политическую элитарность и морализирование в политике, чрезмерную медлительность и осторожность в осуществлении преобразований. Принципиально важным, по их убеждению, было срочно создать новый порядок в сфере как собственности, так и права. (...) Я не хочу прямо отождествлять эти два стиля политического реагирования ни с какой политической партией, хотя ясно, что фактор радикальной декоммунизации не нашел бы себе уютного места в «Демократической унии» [Мазовецкого], а в кругах антикоммунистов в свою очередь не наилучшим образом чувствовал бы себя писатель, чуткий к вопросам антисемитизма. (...) Дальнейшую историю политического диспута можно читать (хоть полностью она к этому и не сводится) как повествование о том, как та и другая среда обретали конкретное выражение, в какого типа проблемах, опыте, политических завихрениях они обнаруживали последствия своей линии, а главное — как в некоторых своих вариантах они поддавались крайним взглядам, а то и прямо злобе, ненависти и агрессивности».

К дальнейшему повествованию относится и рассказ о потере власти в пользу экс-коммунистов, о создании коалиции обоих вышеназванных течений после новых выборов, наконец, о распаде этой коалиции и внутренних перегруппировках, в результате которых под конец 2000 г. возникли обновленные «Избирательное действие Солидарность» во главе с Ежи Бузеком и «Уния свободы» во главе с Брониславом Геремеком. Оба объединения го-

товятся к парламентским выборам нынешнего года, имея пока что гораздо более низкий рейтинг, чем экс-коммунисты. Оба рассчитывают нагнать потерянное и сохранить власть. Скоро мы узнаем, верны ли были их прогнозы. Пока что комментаторы предсказывают победу «Союзу левых демократических сил» (СЛДС) под предводительством Лешека Миллера. Публицист вроцлавской «Одры» (2000, №12) Мариуш Урбанек в статье «Послевыборные предвыборные прогнозы» пишет:

«Александру Квасневскому полная победа СЛДС создаст далеко не лучшую систему отношений. Не считая нескольких глупых провалов, он до сих пор изображал из себя арбитра, стоящего выше партийных разногласий, но тут он окажется в положении, когда в его арбитраже никто уже не будет нуждаться. Председатель партии Миллер, который наверняка не забыл, как Квасневский несколько раз его унижил, несомненно воспользуется тем, что роль президента в Польше почти исключительно декоративна, и будет мстить. При решающем большинстве в парламенте он сможет не оглядываться на президента. Квасневский, вынужденно поставленный управлять неприятной для него ситуацией, наверняка захочет отмежеваться от выходов своего коллеги. А это означает неизбежный конфликт, особенно если Квасневский не захочет в темную подписывать законы, которые ему будет подсовывать парламент левого большинства. А он, скорее всего, и вправду не захочет. Причин может быть немало, но главная — та, что он не обязан это делать. Квасневский больше не может быть избран президентом, он почти наверняка не мечтает вернуться на партийную или правительственную должность, а значит, ему нечего беспокоиться о хороших отношениях с СЛДС во время очередных выборов. Как раз наоборот, охладив отношения с партией Лешека Миллера, он будет тяготеть к тем силам, которые через четыре или восемь лет вернутся к власти».

По Урбанеку, парадоксально получается, что экс-коммунистический президент может оказаться полезен польским правым.

Как все это расценивать? Очевиден лишь один вывод. Польская политическая сцена все еще не сформирована, все еще не до конца ясными и понятными выглядят выступающие на ней расхождения и создающиеся союзы. Однако несомненно, что все стороны, принимающие участие в политической игре, уже сумели принять модель демократии, в которую входит возможность потери власти и позднейшего ее обретения. Но в этой игре по-прежнему кажется более важным отношение к прошлому, чем направленность на будущее. Призывы к декоммунизации, открытию архивных материалов, накопленных секретными службами, разоблачению преступлений прежней системы, — это, несомненно, важный элемент самосознания отдельных группировок, хотя с ходом времени участникам политической жизни становится все яснее, что стремление рассчитаться с прошлым не должно отождествляться со стремлением свести личные сче-ты.

Янина Куманецкая

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

○ Как это обычно бывает в конце и в начале года, всевозможные жюри присудили свои ежегодные литературные премии. Начнем с премии журнала «Одра», присужденной Чеславу Милошу за последний сборник стихов «Это». Премия издательско-книготоргового сезона «Икар» получил священник-поэт Ян Твардовский. А премия фонда Костельских (Швейцария) для польского писателя младше 40 лет была вручена в варшавском Музее литературы 28-летнему Войцеху Венцелю за сборник стихов «Ода больной душе» и 38-летнему Павлу Марковскому, эссеисту и переводчику, преподавателю краковского Ягеллонского университета, за литературно-критическое эссе «Анатомия любопытства». Авторитетный французский журнал «Лир» («Читать») объявил писателем года Рышарда Капустинского за книгу «Черное дерево». Между тем в польских книжных магазинах уже появилась его новая книга, посвященная Африке и озаглавленная «Рышард Капустинский из Африки», — фотоальбом, дающий образ «черного континента». «Я сознательно, не выбирал снимков, сделанных на войне, — пишет автор. — Я хотел избежать столь удобного для нас стереотипа изображения Африки как континента нищеты, голода и насилия. Это континент людей бедных, но полных достоинства».

○ Шесть лет спустя после немецкого издания вышел в польском переводе труд историка Клауса Цернака «Польша и Россия. Два пути в истории Европы» — сравнительный анализ истории Польши и России.

○ Еженедельные хроники Антония Слонимского, печатавшиеся в 1927-1939 гг. на страницах газеты «Вядомости литерацке», — необычный комментарий к событиям тех лет. Книга Дороты Мацеи «Недели Сло-

нимского» знакомит с фрагментами этих фельетонов, которые, как тогда, так и сейчас веселят, волнуют, заставляют задуматься.

○ Предсказывая польской литературе светлое будущее, газета «Жечпосполита» провела плебисцит о самой интересной книге минувшего года. Среди книг польских авторов названы, в частности, сборники стихов Чеслава Милоша «Это» и Збигнева Херберта «Лабиринт у моря», романы Стефана Хвина «Эстер» и Хенрика Гринберга «Меморбух», а также новый том «Дневников» Зофи Налковской. Среди книг иностранных авторов — «Дневник. 1933-1945» Виктора Клемперера, «Широкое поле» Гюнте-ра Грасса и «Почти полное собрание сочинений» Венедикта Ерофеева.

○ В возрасте 96 лет скончался Александр Бохенский, автор «Истории глупости в Польше», публицист и эссеист, философ, глашатай, как сказано в некрологе, рациональности, разумного патриотизма и жизни в мире с национальными меньшинствами.

○ В возрасте 71 года скончался Ян Млодоженец, выдающийся художник-график, известный прежде всего как один из лучших творцов польского плаката в период его наибольшего расцвета, рисовальщик и иллюстратор.

○ Галерея «Захента» стала ареной нового скандала. На этот раз он произошел на юбилейной выставке к 100-летию галереи. Выставленную там скульптуру Маурицио Каттелано, изображающую Папу Иоанна Павла II, придавленного метеоритом, два депутата Сейма расценили как оскорбление польской нации и произвели, как это было эвфемистически названо, «дезинтеграцию произведения искусства». Может быть, все осталось бы скорее юмористическим эпизодом, если бы в письме министру культуры, оставленном на «месте преступления»,

авторы не использовали слишком хорошо известных антисемитских выражений, вызвав бурные протесты в кругах интеллигенции. Недовольство посетителей выставки было вызвано также тем, что художникам, провокационно современным: Катажине Козыре, Мирославу Балке и Казимежу Опалке, — было предоставлено видное место. Между тем работы этих же авторов возбуждают наибольший интерес на одновременно проходящей общепольской выставке искусства «Сцена-2000» в Центре современного искусства в варшавском Уяздовском замке.

○ В варшавском Национальном музее открыта выставка польской пейзажной живописи со времен Просвещения до XX века.

○ В Королевском замке — вторая часть выставки «Смерть в польской живописи»: от Средних веков до барокко. (Предыдущая, проходившая в Кракове, была посвящена искусству двух последних столетий.) На выставке собраны картины, иллюстрации, надгробия, эпитафии и необычайно характерные для Польши — и, пожалуй, лишь в Польше известные — гробовые портреты.

○ В Галерее графики и плаката открыта выставка «Автопортрет под конец века», где представлены, в частности, автопортреты выдающихся современных польских живописцев Яна Тарасина, Франтишека Старовойского, графиков Анджея Дудзинского, Яна Млодоженца и Анджея Понговского.

○ Из двух последних польских кинопремьер высшую оценку критики получил фильм Войцеха Марчевского «Вейзер», экранизация романа Павла Хюэлле «Вейзер Давидек» с Мареком Кондратом в главной роли. Однако у публики большим успехом, несомненно, будет пользоваться комедия «Деньги — это не все» Юлиуша Махульского — очередное произведение мастера комедийного жанра, хотя, по словам одного критика, «она ничего не говорит о действительности, а только развлекается дешевым подражанием ей».

○ Премьерой пьесы «Играем Стриндберга» Фридриха Дюренматта «Театр на Воле» открыл

«Год Ломницкого». В 2002 г. исполнится 10 лет со дня смерти великого актера.

○ В возрасте 76 лет скончался Ярема Стемповский, звезда эстрады, шансонье Варшавы, неразрывно связанный с этим городом.

○ В возрасте 80 лет скончался драматический актер Игнаций Маховский, исполнитель роли Ленина в театре и кино.

○ В Варшаве прошел Конгресс молодых европейских режиссеров, организованный центром искусства «Студио» под покровительством Союза европейских театров. В нем приняли участие режиссеры из Великобритании, Венгрии, Германии, Италии, Литвы, Норвегии, Румынии, Словении, Франции и, конечно, Польши. Речь шла о будущем театра. Следующий конгресс будет проведен в будущем году в Осло.

○ Гданьский фестиваль «Виндовиско» [слово образовано от «видовиско» — «зрелище» и «виндовать» — буквально «поднимать на лифте», а в переносном смысле, по-современному говоря, «раскручивать». — Пер.] имеет целью пропагандировать пьесы неизвестных, дебютирующих авторов, спектаклями и публикациями сокращая их путь на профессиональную сцену. В прошлом году на этом фестивале была показана пьеса Ингмара Вилькиста (псевдоним), ныне одного из самых серьезных польских драматургов. Надежду на подобную карьеру получил в этом году выпускник сценарного факультета Лодзинской высшей киношколы Роберт Коновалик, автор пьесы «Две Праги», действующие лица которой — соседи, бравый солдат Швейк и Йозеф К., герои Ярослава Гашека и Франца Кафки.

○ Многие сочинения польских композиторов будут исполнены в юбилейном сезоне Национальной филармонии, отмечающей свое столетие. На открытии юбилейных торжеств выдающийся американский пианист Эммануэль Акс сыграл фортепьянный концерт e-moll Фредерика Шопена.

○ Еще один юбилейный концерт Национальной филармонии — первое исполнение «Missa pro pace» («Мессы за мир») Войцеха Килара. Это музыкальное сочинение, глубоко укорененное

в богослужении, представляет собой квинтэссенцию многовековой литургической традиции. Это — настоящая Божественная литургия, созданная по образцам, установленным в древние времена хорального одноголосья.

○ **Хенрик Миколай Гурецкий, наряду с Пендерецким — виднейший из ныне живущих польских композиторов, дирижировал оркестром на концерте в честь своего 67-летия в Краковской филармонии. В программе были два сочинения юбиляра — Кантата св. Войцеху и впервые исполненная «Хвалебная песнь».**

○ Событием музыкального театра стала премьера «Ринальдо» Генделя в Варшавской камерной опере. Восторг вызвала постановка Рышарда Перыта, но особенно Ольга Пасечник, исполнившая партию Альмилены.

○ **34 школьные газеты участвовали в варшавском городском конкурсе. Некоторые газеты выходят нерегулярно, у других — постоянные сроки выхода. Иногда их печатают на машинке и размножают на ксероксе. Всё готовят сами школьники, без участия и, что особенно подчеркивается, какой бы то ни было цензуры учителей. Учителя имеют такие же права, как и школьники: они могут вступать в полемику на страницах газеты.**

○ Свои премии молодым творцам вновь присудил еженедельник «Политика». «Паспорта» «Политики» в этом году получили: в области литературы — поэтесса Мажанна Богумила Келлар за красоту и точность стихов, особенно из сборника «Материя прима», за поэзию, которая, продолжая лучшие традиции женской лирики, всегда остается материей первого и единственного сорта; в области музыки — 13-летний пианист Стась Джевецкий за зрелые успехи в том возрасте, в котором другие лишь начинают мечтать о будущем; в области кинематографии — актриса Майя Осташевская за выдающиеся роли в кинофильмах, за современное и чуткое актерство, за игру, в которую всегда веришь; в области изобразительных искусств — Доминик Лейман за искусство, которое по-новому соединяет традиционные формы жи-

вописи с современными медиа-техниками; звезда эстрады Рышард Тымон Тыманский — за музыкальное чувство импровизации, за удачные ансамбли с другими артистами, в которых обе стороны обогащаются; наконец, в области театра — Павел Миськевич за пронизательность чтения литературы XX века в театре, оригинальный художественный язык и творческую мощь.

○ **Еврейский исторический институт провел научную сессию о варшавских евреях. В ней приняли участие польские и иностранные исследователи истории этой общины. Прежде всего они искали ответа на вопрос, почему в XIX веке именно Варшава стала крупнейшим центром сосредоточения евреев и важнейшим в мире центром еврейской культуры.**

○ Медаль св. Георгия, присуждаемую редакцией «Тыгодника повсехного», получили бывший премьер-министр, председатель программного совета «Унии свободы» Тадеуш Мазовецкий, а также Кшиштоф Чижевский, поэт, публицист, организатор культурных мероприятий, президент фонда «Пограничье» в Сейнах.

○ **Новый успех достигнут Оркестром рождественской помощи Юрека Овсяка, на протяжении девяти лет проводящим крупнейшую в Польши благотворительную операцию. Деньги, собранные в этом году, пойдут на закупку кардиологического оборудования для грудных младенцев.**

○ В заключение — событие, которым с недавнего времени живет вся Польша, хотя с культурой оно связано лишь косвенно. Это рекордные прыжки и победа замечательного лыжника Адама Малыша в Турнире четырех трамплинов. Малыш неизменно летит с трамплина на самые далекие расстояния и в самом прекрасном стиле. К сожалению, спортивному классу и элегантности молодого спортсмена из городка Висла совершенно не соответствует поведение польских болельщиков. Что мы и констатируем с большим огорчением.

Валерий Мастеров

СКАНДАЛ В ГАЛЕРЕЕ

Даниэль Ольбрыхский с саблей наголо рецензирует выставку «Нацисты»

Все произошло, как на съемочной площадке по заранее утвержденному сценарию. Присутствие камер и фоторепортера только подтверждало реальность «рабочего момента».

Среди бела дня в самой известной варшавской художественной галерее «Захента» (отмечающей, кстати, свое столетие) в сопровождении охраны, телеоператоров и фотокорреспондента появился Даниэль Ольбрыхский. При виде популярнейшего актера почтенные служители словно онемели и беспрепятственно пропустили его, даже не предложив зайти в раздевалку. Ольбрыхский же стремительно прошел в зал, где экспонировалась выставка под тенденциозным названием «Нацисты», представляющая собой цветные и черно-белые фотопортреты известных артистов в гитлеровских мундирах. Роберт Редфорд, Фрэнк Синатра, Клинт Иствуд, Марлон Брандо, Жан-Поль Бельмондо, Станислав Микულский, Богуслав Линда, сам Даниэль Ольбрыхский и десятки других, игравших в свое время роли эсэсовцев. Выставка Петра Укланского, чьи работы экспонировались на недавней Международной книжной ярмарке во Франкфурте, до этого побывала в Лондоне и Берлине.

И вот — словно кто-то дал сигнал: «Мотор!» — Ольбрыхский из-под полы удлиненного пальто вытащил огромную саблю своего любимого киногероя Кмитица и принялся рубить экспозицию. Искорежив несколько портретов, он снял свой собственный и, забрав его с собой, покинул галерею под аплодисменты находившихся в ней посетителей, которых собралось больше обыкновенного: была пятница, когда вход в галерею свободный.

Работники галереи были в оцепенении. Директор Анда Роттенберг взяла себя в руки и приняла первое решение: уволила пожилого служителя, пропустившего Ольбрыхского, и охрану галереи, а затем заявила в прокуратуру о совершенном преступлении и нанесенном ущербе в 60 тыс. долл., расценив действия известного актера, как «акт вандализма и разрядку своих комплексов, накопившихся в силу синдрома потери популярности».

Даниэль Ольбрыхский и не подумал скрывать умышленность своего поступка. Напротив, он подчеркивал сознательность своих действий в свете юпитеров и в присутствии телевизионщиков, потому

что хотел прямо выразить свое отношение к подобным «художественным» выставкам, которые только прославляют нацизм и вводят в заблуждение молодое поколение. К тому же, выражая свой протест, он успел заручиться поддержкой некоторых актеров, среди которых Ян Энглерт, Станислав Микульский и Жан-Поль Бельмондо, чьи лица (по словам виновника замешательства — «наш основной капитал») были бесправно использованы.

ВКУС ЗАПРЕТНОГО ПЛОДА

Необычайное происшествие в «Захенте», которая с тех пор, как в ее стенах 16 декабря 1922 г. был убит первый польский президент Габриэль Нарutowич, не отличалась экстремизмом, в мгновение ока стало темой «номер один» польских СМИ. Первая реакция: экспозицию закрыли до особого распоряжения, а на выставку — в общем-то проходную, куда мало кто собирался, даже если и слышал, — повалил народ.

Это выглядело довольно удручающе, потому что в соседних залах была развернута широко разрекламированная и действительно заслуживавшая внимания выставка «Классики XX века», которая могла бы составить гордость любой галереи. Далеко не полный перечень имен может дать о ней представление: Пабло Пикассо, Марсель Дюшан, Казимир Малевич, Энди Уорхолл, Василий Кандинский, Фрэнсис Бэкон, Сальвадор Дали... И через стенку — экспозиция далеко уступающего им по известности Укланского: 164 фотопортрета, запечатлевших облаченных в гитлеровскую форму актеров, почти что всех легко узнаваемых. Про Укланского, правда, пишут, что сейчас он один из самых известных художников молодого поколения. При этом еще добавляют, что «Укланского не было бы без Уорхолла» (того самого из соседнего зала). О творениях Уорхолла привыкли высказываться дежурно, что они «сами за себя говорят». Может быть, поэтому экспозиция Укланского не сопровождалась никакими комментариями, из-за чего, собственно, весь сыр-бор и разгорелся.

Выставка «Нацисты» была впервые показана в лондонской Фотографической галерее и вызвала в британской прессе настоящую бурю. О ней писали как о «бесстыдном восхвалении нацизма» и «магните для культа неонацизма». Организаторы выставки в Лондоне под градом недоуменных вопросов обеспокоенной публики были вынуждены распространить листовки с объяснением смысла экспозиции. Кураторы варшавской выставки не могли об этом не знать, но профилактику посчитали ненужной.

Когда же министр культуры и национального наследия Казимеж Уяздовский распорядился скандальную экспозицию в «Захенте» прикрыть, а условием ее возобновления сделал наличие критического по отношению к нацизму комментария, то вызвал этим целый поток громов и молний. Распоряжение министра некоторые восприняли как возвращение цензуры и ограничение властью свободы слова, впадая при этом в другую крайность и «рекомендуя» министру расширить свои намерения на всю свободу творчества художника. Пресс-секретарь министра Уяздовского даже вынужден был официально объяснять, что «министр не подвергает цензуре выставки, но будет предпринимать соответствующие действия, если подчиненные ему учреждения культуры будут подозреваться в пропаганде нацизма или их деятельность будет нарушать чьи-то личные ценности».

А ГДЕ ЖЕ ШТИРЛИЦ?

Этот вопрос напрашивается сам собой, и не только у российского читателя. Не знаю, дал бы согласие ретро-Кмитицу на «акт защиты права на свое лицо» Вячеслав Тихонов, но блистательно исполняемого им всем известного Штирлица среди «нацистов» Укланского не было.

Есть такой анекдот про Штирлица:

— Штирлиц, как вы относитесь к женщинам?

— Я к ним не отношусь, — скромно ответил советский разведчик.

Интересно, что так же «не относится» к женщинам, да и к Штирлицу Укланский. В его «зрительном ряду» места им не нашлось. Сам автор скандальной экспозиции объясняет отсутствие упомянутых и других бытующих на слуху персонажей довольно вяло и невразумительно. Образ Гитлера, мол, несо-

мненно бы доминировал, а образ мужчины в обмундировании без сомнения сильнее фетишизирован, чем образ облаченной в мундир женщины. Что же касается «Штирлица и других», то, по словам Укланского, «русские киноархивы находятся в состоянии полной дезорганизации и оказались недоступными с такого большого расстояния». Сомнительное утверждение.

ЭСТЕТИКА ЗЛА

Скандал в «Захенте» сихийно вылился в общепольскую дискуссию. Мнения разделились. Одни называли провокацией саму выставку, другие — «кавалерийский наскок» Ольбрыхского. Были на этот счет и уточняющие высказывания: «Ольбрыхский ответил благородной провокацией на неблагородную». Некоторые из осуждавших акцию популярного актера настолько политизировали его действия, что задавались даже таким «актуальным» вопросом: «Есть ли для Кмитица место в объединенной Европе?» Самыми несостоятельными были злопыхательства насчет «поиска популярности». Думается, у Ольбрыхского популярность еще долго будет бежать впереди него самого. Да и сам артист без ложной скромности заметил: «Я и так достаточно популярен. Это был прагматический акт. Протест профессионала».

На организованной еженедельником «Впрост» встрече в интернете Даниэль Ольбрыхский указал источник конфликта: «Выставка носит название «Нацисты», а не «Артисты, играющие нацистов». Все фильмы, откуда взяты снимки, имели антинацистский характер. Г-н Укланский не продемонстрировал здесь никакого художественного достижения. Он просто увеличил кинокадры. По-моему, он хотел показать, что большие актеры отдают свое имя на службу нацизму».

Стоит ли удивляться, что большинство, если судить по высказываниям и публикациям, приняло сторону Ольбрыхского, подчас восхищаясь, что «есть еще в этой стране люди высокого класса». Популярный актер, культовый образ киногероя, эффект внезапности (как известно, экспромт хорош тогда, когда тщательно подготовлен), свет юпитеров, мгновенная телеогласка... Все было сделано *lege artis*. То есть по всем правилам искусства.

Весьма интересно истолковал инцидент в галерее известный социолог Эдмунд Внук-Липинский, назвавший его (в газете «Жечпосполита») «впечатляющим столкновением стереотипов и культурных кодов, соединение которых подействовало на массовое воображение». Любопытное наблюдение: столько лет прессу заливают политические, экономические и финансовые скандалы, а вот художественный скандал оказался в новинку. Благодаря символам Ольбрыхскому удалось задеть давно не звучавшую струну: добро вступило в схватку со злом. А вот как объясняет профессор Внук-Липинский, чем раздражает выставка «Нацисты»: «Во всех фильмах нацисты представляются безупречно — опрятны, носят элегантные отутюженные мундиры. Их образ способствует очарованию эстетикой зла. Актеры, которые ассоциируются с ролями положительных героев, интересны визуально и в некоторой степени олицетворяют нацистский образ сверхчеловека».

И все-таки, считает профессор, происшествие в «Захенте» — факт более медиальный, чем действительный. На скандальную выставку взялся по-своему ответить Даниэль Ольбрыхский, тоже воспользовавшись скандальными методами. А двойной скандал стал медиальным событием.

ЛОМБРОЗО ТУТ НИ ПРИ ЧЕМ

Есть еще один довольно существенный момент. В одном из интервью директор «Захенты» Анда Роттенберг посетовала на нынешних посетителей выставок: «Среди них немало таких, кто не читает на сегодняшнем языке искусства». Но ведь неприятие современниками даже гениев и шедевров во всех видах искусства случалось во все времена.

Можно ли сетовать на тех, кто поддержал Ольбрыхского? Многие восприняли «Нацистов» не как художественную выставку, а как документ. Совершенно напрасна ирония по адресу младшей сестры одной школьницы, которая отождествила известного актера с тем, кого он в свое время сыграл в фильме Клода Лелюша. Ссылки на несоответствие возраста исполнителя и происходившего в годы войны

ничего не значат. Достаточно заглянуть в опросы общественного мнения, согласно которым большинство поляков уже затрудняется назвать дату введения военного положения. А ведь это было всего поколение назад — 13 декабря 1981-го.

Тут не надо вооружаться и теорией родоначальника антропологического направления в криминологии и уголовном праве — судебного психиатра и криминалиста Чезаре Ломброзо, который выдвинул положение о существовании особого типа человека, предрасположенного к совершению преступлений в силу определенных биологических признаков. При чем тут антропологические стигматы итальянца Ломброзо, когда и так все ясно, как в белый день? Вывешенные в «Захенте» фотопортреты были объединены одним понятием: «Нацисты».

ПОКА СУД ДА ДЕЛО

Если по поводу самого скандала в «Захенте» пар был выпущен почти из всех котлов, то уголовное дело после официального обращения потерпевших в прокуратуру просто так не закроешь.

Для того, кто «чужую вещь уничтожает, повреждает или приводит в негодность», в польском УК есть статья, предусматривающая наказание от трех месяцев до пяти лет лишения свободы. В зависимости от тяжести вины (ее определяет суд) можно отделаться и штрафом.

После расследования происшествия Ольбрыхскому было предъявлено обвинение в «повреждении имущества». Артист повел себя как законопослушный гражданин: по первому же вызову явился в полицию, выказав готовность и впредь приходить на все слушания и разбирательства, связанные с этим делом. Обвиняемый представил объяснения, изложил обстоятельства и мотивы своего поступка. Как заметил представитель правоохранительных органов, «судя по показаниям, Даниэль О. хотел обратить внимание на бессмысленность этой выставки и протестовал против бесправного использования своего портрета».

Следствие, как показывает жизнь, скорым на руку не бывает. А пока суд да дело, на вернисаже выставки, посвященной столетию «Захенты», директор галереи Анда Роттенберг и Даниэль Ольбрыхский подали друг другу руки. В присутствии президента Польши Александра Квасневского.

Валерий МАСТЕРОВ
собственный корреспондент газеты
«Московские новости» в Варшаве
— специально для «Новой Польши»

P.S. Трудно сказать, что больше оказало влияние на директора «Захенты» — общественное мнение или юбилей галереи, но пани Роттенберг отозвала свое заявление в прокуратуру.

В.М.

Профессор Ян Блешинский, соавтор закона об авторском праве:

— Существует право на портрет. Даниэль Ольбрыхский, несмотря на то, что является лицом повсеместно известным, публичным, имеет право распоряжаться своим портретом по усмотрению. Лица и учреждения, пользующиеся его портретом, должны получить от актера согласие на его публикацию, а также выплатить соответствующий гонорар. Такое согласие должен также выразить продюсер фильма, если сделанные им материалы, в том числе и фотоснимки рекламного характера, используются в иных, кроме рекламы фильма, целях и приносят материальную выгоду. Считаю, что в данном случае нарушены личные права Даниэля Ольбрыхского, не говоря уже о нравственных нормах: выставка называется не «Нацисты в кино», а просто «Нацисты».

(«Жечносполита»)

Пётр Мицнер

УРА, САБЛИ НАГОЛО!

В телевизионных «Новостях» я увидел, как Даниэль Ольбрыхский атаковал выставку, и мне это как-то сразу не понравилось. Вначале по причинам эстетическим: актер вынул саблю из-за пазухи, как террорист вынимает Калашникова, а не, как положено, из ножен. Потом начал ею колотить по фотографиям, что не сразу привело к ожидаемому результату, так как, во-первых, в длинном и тяжелом пальто трудно орудовать саблей, а во-вторых, снимки были прикреплены довольно прочно и начали падать только через некоторое время. Впрочем, эффект замедленного действия был заранее рассчитан, да и все выступление продумано: Ольбрыхский привел съемочную группу с телевидения, и они вместе вошли в галерею. Таким образом, действовал он отнюдь не в состоянии аффекта, хоть и сыграл аффект перед камерой.

Я ожидал от иконоборца серьезных аргументов (между прочим, это особый случай иконоборчества: в числе прочих фотографий он порубил и свое собственное изображение), а вместо этого услышал, что сестра какой-то школьницы, которую актер встретил на концерте патриотической песни, спрашивала, не служил ли Ольбрыхский в Вермахте. Это его крайне рассердило, тем более что в кино он играл всего лишь дирижера военного оркестра. Сердиться в первую очередь следовало на школу, в которой учится девочка, и на ее учителей истории. А что касается службы в оркестре, то это, может, и подпадает под амнистию, но тогда возникает весьма существенная в глазах Ольбрыхского проблема. Вот он выступил от имени своих коллег — актеров, исполнявших роли в немецких мундирах. Реабилитируем ли мы и тех, кто играл эсэсовцев? Эх, лучше и не оправдываться!

Рис.
А. Млечко

Ольбрыхскому не хотелось ни вступать в полемику с автором выставки, ни подавать на него в суд. Он предпринял прямые действия: уничтожил произведение искусства, чужую собственность, что наказуемо и должно быть наказуемо, если мы хотим жить в правовом государстве и нас оскорбляют акты бездумного или сознательного вандализма, встречающиеся на каждом шагу. Разве что мы признаем, что у нас все равны, но кое-кто равнее? Разумеется, если цензура произведений искусства (случаи которой в последнее время в Польше наблюдались), а тем более их уничтожение будут одобряться, то мы можем легко впасть в тоталитарный синдром, включающий и костры из «неправильных» книг.

Актер утверждает, что защищал не только свою честь, но и честь других актеров, лица которых использовал Петр Укланский, в том числе и Станислава Микульского. Однако достославный Клосс спокойно выступает в глупейшей рекламе — и в абверовском мундире, и в штатском платье.

Когда снимают исторические фильмы, кому-то нужно играть и роли чертей — гитлеровцев, шведов, крестоносцев, солдат Нерона, энкаведешников. Такая уж профессия. Интересно, как бы реагировали актеры, если устроить выставку всех сыгранных ими отрицательных действующих лиц, а не только гитлеровцев?

Наверняка такого рода набор не был бы так выразителен, как выставка Укланского, который, как я понял, хотел показать только один из сюжетов массовой культуры. Сюжет этот небезопасен, так как может вызвать скрытое увлечение злом или же его недооценку. Выставка «Нацисты» показывает, как, изображая зло раз, другой, третий, мы незаметно для себя его умножаем, накапливаем. Проще говоря, выставка имеет антифашистскую направленность.

Это не первый случай, когда антифашистские действия оказываются непонятыми. До-

статочно вспомнить скандал с демонстрацией фильмов Лени Рифеншталь в варшавском кинотеатре «Радуга» или протесты в связи с выступлениями рок-ансамбля «Юде», использовавшего в своих перформансах цитаты из гитлеровской пропаганды. Однако те, кто протестует, с удовольствием усаживаются перед телевизором, чтобы посмотреть еще раз одну из очередных серий «Ставки больше чем жизнь».

И история, и искусство ставят нам разные ловушки. Одна из них — это ловушка буквальности. В 1674 г. в Варшаве играли представление о победе Людовика XIV над Леопольдом I. На сцене появился австрийский император в кандалах. Прекрасно зная, что его играет ненавистный француз, один из зрителей завопил, что надо убить «такого-то сына». «Натянув лук, он так угодил господину императору в бок, что аж из другого бока железный наконечник вышел; и убил», — пишет в «Записках» Ян Хризостом Пасек. Стрелок, ясное дело, знал, что целится в фикцию, хотя и приворялся непонимающим.

В перевод статьи Александра Шенкера «Между Питером и Римом» (Н.П.н-р 11/2000) вкралось несколько ошибок. В примечании на стр. 49 появилась опечатка: вместо «Юлилейнер» **должно быть: «Юлиуш Клейнер»** (имя и фамилия выдающегося польского профессора — полониста). На стр. 50 вместо фамилии «Иван Белецкий» **должно быть: «Иван Бецкой»** (один из самых выдающихся просветителей Екатерины Великой). На стр. 52 (абзац пятый) переводчиком неправильно был передан смысл фразы. Вместо: «Дидро упрекал Фальконе в том, что он говорит о своей статуе, когда существуют лишь ее гипсовые модели», **должно быть: Дидро упрекал Фальконе в том, что он говорит о своей статуе, хотя знает ее лишь по гипсовым моделям».**

За ошибки редакция приносит извинения Автору и Читателям.

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ:

М.Вильк: Иду дальше Карельской тропой

В.Бересь: Газетный киоск

Д. Ольбрыхский: Как ужиться с соседом?

А. Ермонский: Вы Гомбровича не читали?

Е.Стемповский об интеллигенции

Я. Видацкий: О Юлиуше Меровском

М.Клецель: Лукасинский в Шлиссельбурге

Р. Пшибыльский: Об И.Бродском, А.Ахматовой, О.Мандельштаме

К. Яновская и П. Мухарский: Беседы к концу столетия с

П.Герцем, Б.Скаргой и др.

Наши за границей: А.Северын, Ю.Хурвиц, П.Слонимский, В.Пшоняк, З.Рыбчинский,
Я.Котт, А.Холланд, Р.Полянский, Э.Щепаник А.Кживицкий и др.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Милоша, Стахуры, Твардовского, Шимборской, Бялошевского и др.
в переводах

**Бродского, Базилевского, Астафьевой, Британишского,
Горбаневской, Свяцкого** и др.

Журнал «Новая Польша» распространяется безвозмездно.

Допущен к распространению на территории Российской Федерации решением Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

(Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № 77-1063 от 03 ноября 1999 г.).

НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

ИЗДАВАЕМЫЕ ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ

МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ И НАЦИОНАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ РЕСПУБЛИКИ ПОЛЬША

СЛЕДУЮЩИЕ ЖУРНАЛЫ:

Dialog

Ежемесячник, посвящённый современной драматургии.

NOWE KSIĄŻKI

Ежемесячник для читателей, библиофилов, библиотечных работников и издателей. В каждом номере обзор новостей, рецензии, статьи о издательском деле, анонсы, библиографии.

НОВАЯ ПОЛЬША

Новый ежемесячник о Польше на русском языке. Публицистика, политика, вопросы экономики и культура, обзор литературной и научной жизни страны.

twórczość

Самый долговечный и заслуженный польский литературный ежемесячник, посвящённый современной прозе, поэзии и культурной публицистике. Журнал активно участвует в культурной жизни Польши.

DWUTYGODNIK ruch muzyczny

Единственный в Польше журнал о музыке, её теории и практике. Выходит раз в две недели.

L I T E R A T U R A n a ś w i e c i e

Известнейший ежемесячник содержащий обзор произведений иностранных авторов.

Biblioteka Narodowa. Zakład Wydawniczy Czasopism Patronackich,
02-086 Warszawa, Al. Niepodległości 213, tel./fax 6082488, tel. 6082374

Cena detaliczna w Polsce
5 zł (w tym 0% VAT)